

Сюита №2



Гончарова Наталья

Наталья Гончарова

Сюита №2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69743065

SelfPub; 2023

Аннотация

1922 год. Франция. Лазурное побережье. Роскошная и блестящая жизнь состоятельных господ глазами бедной гувернантки Анны Лемешевой из маленького и далекого сибирского городка, чье прошлое лишь череда обид, ошибок и потерь. Но даже если все бессмысленно и безнадежно, порой случается, что где-то в темной дали вдруг забрезжит свет, тот свет, что лишь бывает от горящего и любящего сердца. Вот только сможет ли, скованное льдом разочарований сердце Анны, вновь полюбить в ответ? Чувственная и утонченная, меланхоличная и неторопливая, история о настоящей любви на Лазурном побережье Средиземного моря, где скалы красного порфирита падают в синюю бездну, а волны бьются, трепещут и вздыхают в такт дыхания влюбленных.

Наталья Гончарова

Сюита №2

*Рукопись. Корабль бумажный, где тело его белый лист,
а кровь его чернила.*

*Спускающаяся на воду, с руки, от плоти отрывая,
Как белое перо, как облако небесного крыла.
Дрожит, колышется, в речной слюде мерцая.
Он невесом и хрупок и наивен, будто бы дитя,
Но так отважен, и так отчаянно мечтает о далеком
крае,*

*Чтобы попутный ветер, нежно и любя,
Взяв за руку, довел его до края.*

Сюита №2

*Мне снился снег, засыпавший округу,
Кружащийся, как мысли, надо мной,
Кружащим в мыслях тягостных. Но, выюгу
Развевая, с юга брызнуло весной,
Луга и лес взглянули друг на друга,
Омытые недавней белизной
Снегов, и ветвь склонилась над рекою,
Как я, не разбудив, над спящею тобою.
(Перси Биши Шелли «Вопрос» Стих)*

Март, 1922 г. Лазурное побережье, Теуль-сюр-мер, Франция.

Еще минуту назад облака мирно покоились на макушках горных вершин изгиба бухты, теперь же, стремясь расколоть золотой круг солнца на тысячу пронзительных лучей, затащили голубое небо, будто одеялом пуха, пропуская острые серебряные нити света сквозь потускневшую линзу. Дождя не было целый месяц, и земля, и люди уже отчаялись от засухи и ветра, но глядя на хмурое небо, вновь обрели надежду, что сегодня тот день, когда небеса даруют им долгожданный и целительный дождь.

Анна с неохотой последний раз зачерпнула горсть, похожего на гальку, крупного песка, ставшего розовым в отблесках карминовой скалы, и тут же поспешно высыпала его обратно. Посмотрев вдаль, она прищурилась, стремясь рассмотреть Леринские острова, которые еще с утра были видны как на ладони, но оказалось – тщетно. Впереди лишь молочная дымка, отчего даже линия горизонта между бледно-васильковым небом и темной лазурью моря исчезла в никуда, как если бы неопытный художник испортил картину, смешав оттенки акварели понапрасну, в безудержном стремлении к совершенству, хотя в том не было нужды.

И каждый странник, и каждый, кто родился здесь, должен был быть счастлив, лишь оттого, что лицезрит совершенство формы и цвета, но несчастней Анны в тот миг, на этом самом

Лазурном побережье, где все цветет и дышит счастьем, пожалуй, не было, и нет. Она лишь телом была здесь, в настоящем, а мыслями – далеко в прошлом, перебирая воспоминания как четки в странном и непостижимом порядке, выхватывая из повествования жизни то одно, то другое, и так по кругу. А жизнь, настоящая жизнь, словно проходила мимо, по касательной, не вовлекая в происходящие вокруг события ни души, ни сердца, ни разума.

В ее жизни было и хорошее, и дурное, и счастье, и горе, но отчего-то сознание будто затерло все прекрасное, что было, а прошлое сплело в один колючий терновый венок лишь горестей и утрат. Она цеплялась за добрые воспоминания, как цепляются за якорь, и как и положено, не находя точки опоры в нем, лишь тонула в темных глубинах бесплодных сожалений и потерь. И вроде бы теперь она свободна, нет ни обязательств, ни ответственности, и можешь делать что желаешь, но это только иллюзия, в действительно же она была свободна настолько, насколько может быть свободен узник, заключенный в клетку, в клетку своего разума.

И словно желая скинуть с себя пепел воспоминаний, она резко встала, поспешно отряхнула платье от песка и, посмотрев куда-то вдаль, мягко, но решительно крикнула на русском:

– Матье! Пора возвращаться домой!

Игравший в песке мальчик, словно не услышал ее, он не только не перестал играть, но даже не обернулся.

Анна тяжело вздохнула и повторила ту же фразу, но уже на французском.

Только тогда ребенок откликнулся и медленно и неторопливо, подойдя к ней по-хозяйски, ничего не говоря, вручил ей игрушки в руки, тем самым давая понять, что не намерен их нести сам, а затем молча развернулся и решительно зашагал домой.

Анна не возразила ни слова, и покорно приняв игрушки, последовала за мальчиком, словно он был ее хозяин, а не воспитанник. Что ж, то было не далеко от истины. Разве ж маленький, но богач не ее хозяин? За эти годы жизнь научила ее не малому, но смирение и покорность она познала в совершенстве.

Из глубокой бухты, в которой они только что были, ничего не было видно, лишь камни и редкая зелень, как навес, но как только они поднялись на первые десять ступеней лестницы, перед ними открылся восхитительный вид на темно-розовую виллу Святой Камиллы, тонущую в красном порфирите горного массива Эстерель. И лишь склоны, покрытые курчавой зеленью, будто волосы на груди огромного и недвижимо великана, не давали рассеяться взгляду в буйстве всех оттенков красного.

Два этажа, пятьсот квадратных метров, пять спален, четыре ваннные комнаты, пристройка для охранника, прислуги и няни, и доминирующее положение на красной скале, все было бы прекрасно, если бы не тесное соседство с еще одной

виллой, чуть меньше и чуть ниже, однако же, все с той же бухтой на двоих.

Еще совсем недавно, место это было никому неизвестно, но так случилось, что основатель железной дороги, имел неосторожность посетить маленькую деревушку, известную до того момента лишь тем, что здесь цветут сады мимозы, и так восхитился тихим райским уголком, вдали от шума Канн и Ниццы, что построил здесь виллу и приготовился наслаждаться красотой и тишиной... Что ж, понапрасну. Где станция дороги, там и жизнь, и вслед за ним в Теуль-сюр-мер устремились тысячи таких же, восхищенных карминовыми скалами и лазурным берегом, людей, в поисках все той же тишины, и царственного великолепия природы. И нет уже не той звенящей тишины, ни девственно нетронутых красот, ни прелести отсутствия соседства.

Вилла Святой Камиллы также не избежала этой участи, и лишь два года простояла в гордом одиночестве среди скал порфирита. К счастью вторая вилла принадлежала вполне тихому и угрюмому семейству немецкого текстильного магната Остеррайха. Муж, жена и двое детей. Все они были похожи друг на друга и почти неотличимы, с недвижимыми продолговатыми лицами и не мигающими округлыми глазами. Никогда Анна не видела их улыбающимися. И хотя сама она, едва бы могла отнести себя к людям веселым и жизнерадостным, но, даже находясь в крайней грусти и тоске, не могла не улыбнуться, когда видела их кислые лица, спуска-

ющиеся по райской тропе с завтрака на пляж или с пляжа на ужин. Правда, они отличались пунктуальностью, и следовали распорядку дня с точностью до минуты, так, что по ним можно было сверять не только время суток, но и точный час, а значит с легкостью избегать встречи с ними, потому как, даже не имея проблем с пищеварением, при виде их искусственных лиц у Анны начиналась изжога.

Хотя справедливости ради, это были не самые дурные люди, они были всегда обходительны и воспитаны, здоровались и прощались первыми, несмотря на ее статус ступенью ниже, и может так случиться, были они люди даже хорошие, но кто же изъявит желания лицезреть сад души, коли фасад так не дружелюбен.

Анна не любила этот подъем, сразу на выходе из бухты лестница была почти отвесной, отчего каждый раз, как налетал ветер, ей казалось, будто ее толкнет вниз и с замиранием сердца она цеплялась за поручни, пытаясь усмирить гулкие и частые удары сердца, с завистью глядя на смелого мальчишку, что бойко вышагивает по крутым ступеням, не оглядываясь и не смотря вниз. Может это оттого, что он еще не обзавелся прошлым? Не страшно смотреть вперед, когда за спиной еще ничего нет. Что ж, когда-то и она была бесстрашной, но теперь она страшилась и боялась всего, и треска ветки, и сквозняков пустой виллы, и тени на песке, и даже отражения.

Она устала от всего, от прошлого и настоящего, она уста-

ла от себя, но, не желая будущего, однако же, не имела смелости окончить все одним лишь росчерком пера. Может по малодушию, а может из храбрости, кто ж разберет.

У подъездной дорожки стоял автомобиль хозяина. Анна облегченно вздохнула. Сегодня ей не придется успокаивать мадам Жикель, в отчаянных метаниях по вилле и стенаниях, что месье Жикель остался в Ницце на ночь. Иногда Анна и сама не знала кто она в этом доме. Нянька для маленького Матье, или для его взрослой матери?

После революции, оказавшись во Франции без средств существования, Анна должна была благодарить Бога, за ту работу, что он ниспослал для нее. Сотни тысяч соотечественников перебивались редкими заработками, прозябая в злчных местах русских кварталов, без возможности вернуться и не в силах начать жизнь заново, и утопали в жалости к себе и слабости к алкоголю.

Старая знакомая, из прошлой жизни, с которой она общалась еще в Петербурге, когда овдовев, она сама себе была хозяйкой, правда лишь короткий срок, по чистой случайности встретила ее вновь в Париже. Толи из симпатии, толи из жалости, та предложила Анне место гувернантки у ее добрых друзей, четы Жикелей. Месье Гаэль Жикель был состоятельным французским промышленником, а его жена, Мари, была русской по происхождению, кстати, тоже не из бедной семьи, и в девичестве носила имя Тропова. Правда никогда в России не жила, и даже не бывала, да и по-русски

говорила с трудом, но была одержима ею, как часто случается у людей, имеющих смутное представление о Родине, и оттого наделяющих ее всеми волшебными свойствами, кои сознания наделяет Землю Обетованную в своих желаниях и мечтах. И страстно желая сохранить и передать свои корни сыну, подыскивала именно русскую гувернантку, находясь в приятном заблуждении, что чужому человеку под силу научить твое чадо большему, чем можешь научить его сама. Анна переубеждать ее не стала и потчевала мадам Жикель рассказами о прекрасной и далекой Сибири, где круглый все угощают друг друга блинами и все добры и все великодушны, где город утопает в гроздьях хмельной черемухе, а гибкие ветви вислой березы наклоняются до самой сырой земли. Земля далекая, земля прекрасная...

Не успев переступить порог виллы, Анна услышала шум колес по неровной каменной дорожке и выхлопы и гудение и всю канонаду звуков, издаваемых автомобилями, которых она, самой себе не хотела признаваться, боялась до сердечного приступа. Она судорожно вздрогнула, так и не привыкнув к этим железным дьяволам, как она их втайне про себя называла, и инстинктивно дернув к себе Матье, желая защитить дитя, резко обернулась.

На секунду гнев вспыхнул на ее лице, при виде мужчины и женщины в роскошных вечерних нарядах, но увидев, что и они обернулись в ее сторону, и могут заметить недружелюбие и даже неприязнь в ее глазах, испуганно спохватилась, и

покорно опустив взор, скрылась на вилле.

У лестницы ее уже ждала мадам Жикель в восхитительном темно-изумрудном платье, расшитом блестящем серебряным стеклярусом. Ее припудренные округлые женственные плечи блестели, как перламутр раковины дикой ракушки, поднятой с самых чистых и синих глубин океана. И весь ее образ благополучия, и достатка был такой гладкий и такой ладный, без изъянов и трещин, что заставлял чувствовать себя Анну так жалко и так ничтожно, как только возможно

– Анна! – с ударением на второй слог окликнула ее хозяйка. – Где же вы были!? Я так хочу показать моего малыша гостям! Ступай же, переодень его в морской костюм, тот самый, ты знаешь, что я люблю, и спускайся! – требовательно, без возможности возразить ей, воскликнула мадам Жикель.

– Конечно, конечно, мадам Жикель, сию секунду, – уверила ее Анна и поспешила наверх.

Быстро умыв и переодев Матье в задорный морской костюмчик, она на минуту задержала дыхание, пытаясь разобрать голоса в зале. Она отчаянно надеялась, что они уже уехали и забыли про нее, но и хозяева и гости были по-прежнему внизу, а их голоса становились все громче, а смех все чаще. – Верно, открыли вторую бутылку шампанского, – раздраженно подумала Анна. Нет, не было никакой неприязни со стороны Анны к ее новым хозяевам, впрочем, не было и любви, ведь как можно любить того, кто так счастлив и так благополучен, когда ты беден и бесправен.

Она посмотрела на себя в зеркало и тяжело вздохнула. Проведя весь день на пляже, пусть и в тени, но под жарким и резким мартовским солнцем, не раз вспотев, так что пылинки и песчинки, так и норовили прильнуть к ее разгоряченному и влажному телу, Анна увидела в отражении все то же, что и прежде. А именно, безнадегу и уныние. Она поправила свое старомодное черное платье прислуги, отряхнула белый передник, и, постаравшись пригладить, будто смятые крылья бабочки, воротник, сколола растрепавшиеся волосы в тугий узел и улыбнулась сама себе в отражение дежурной улыбкой милой и покорной гувернантки.

Взяв малыша за руку, она спустилась вниз. Секунду Анна замешкалась перед дверью, все еще не решаясь войти, но затем, едва касаясь костяшками пальцев, постучала, и в ожидании, когда пригласят, вытянулась как солдат на выправку. Раздались смех и голоса, но ничего нельзя было разобрать, и в замешательстве Анна еще раз робко постучала, правда уже чуть громче, и сама же испугавшись, как звонко прозвучал стук ее пальцев по двери, в страхе отпрянула. Правда, после этого, за дверью, наконец, прозвучало заветное «Войдите». И подавляя смущение и страх, Анна вначале подтолкнула в приоткрытую дверь растерянного Матье, а затем бесшумно и гибко, словно кошка, скользнула вслед за ним, встав за малышом послушно сзади, и все еще не поднимая взора на гостей.

Ницца. Ресторан “Буйвол”

Его рассудок слегка помутился, и это было странно, ведь он совсем немного выпил. Он поднял голову и его взгляд остановился на стене напротив, стремясь сфокусировать зрение на одной точке, но тут же потерпел фиаско. Еще мину-ту назад висевший посередине череп буйвола качнулся как маятник влево, затем вправо и снова влево. Он попытался сосредоточиться, и усилием взгляда «повесить» трофей на место, собственно там, где он и был, но вместо этого, уже не только череп буйвола, но и вся стена с картинами, на кото-рых хозяин ресторана, разделявал огромную тушу кита на-чали вращаться с немыслимой скоростью, отчего он был вы-нужден вцепиться в стол, чтоб не упасть. Его едва не стош-нило и от туши кета и от головы буйвола и от головокруже-ния. – Все же кости и туши не лучший интерьер, пусть и для мужского ресторана, – подумал Дэвид, с трудом беря себя в руки и борясь с чувством омерзения ко всему, что рядом.

– Дэвид? – тревожно спросила Сессиль, коснувшись его руки.

– Все хорошо, – поспешил он уверить ее, не желая ни по-казать свою слабость, ни тем более объяснять ее причины, тем более, что он и сам едва ли мог их понять. – Мне лишь нужно выйти на улицу, – ответил он. – На секунду, – поспеш-но заверил ее Дэвид.

– Я с тобой, – решительно заявила она, беря с собой су-мочку.

– Нет, нет! – почти в ужасе воскликнул он. Но поняв, как грубо выглядит его слишком громкий и неуместный протест, тотчас, попытался исправиться: – Останься, мне нужна лишь минута. Мне одному будет лучше, – и, похлопав ее по лежавшей на коленях руке, поспешно вышел из-за стола.

В городе по-прежнему было душно, столь желанного дождя так и не было, а ночное небо было ясным и прозрачным как черное стекло. Несмотря на поздний час, улицы по-прежнему наполнены людьми, впрочем, ненадолго. Сезон подходил к концу, и скоро город вновь будет принадлежать лишь его местным жителям. Скоро и он должен будет вернуться в Париж. Что ж, он этому был даже рад. В этот раз он отчего-то устал от однообразия отдыха и вереницы развлечений, так что даже рад был окунуться в работу.

– «Значит и от отдыха можно устать», – невесело подумал Дэвид.

Он с трудом ослабил ворот рубашки, и, качнувшись, как маятник, поспешил опереться спиной о стену. Взгляд без интереса скользнул по Английской набережной и остановился на здании казино де ла Жете – променаде. Символ высшей роскоши и крайнего упадка, как метафора человеческой жизни, от ее вершины, до неизменного кувырка вниз. Но вопреки надеждам, из пепла можно возродиться лишь раз, и теперь, несмотря на все попытки воскресить его после войны, он выглядел не лучшим образом. Он напоминал того самого гигантского кита, с фото в ресторане, выброшенного

на берег, чей огромный одинокий остов, словно памятник другого мира, восхищал и вгонял в грусть одновременно. Он по-прежнему был величественен и прекрасен, но неизбежное угасание, финал всего и вся, уже пустило корни в нем. И пусть обывателю это было не видно, но от человека, переживающего тот же этап в жизни, сей факт было не скрыть.

Он и сам себя чувствовал китом, выброшенным на берег волной, и чем больше он хватал воздух легкими, тем, казалось, быстрее была его погибель. Что ж, ничто не вечно, есть рассвет, а есть закат и с этим нужно смириться.

И все же, ему стало чуть легче. Наверное, он просто, слишком много выпил. Старался убедить сам себя Дэвид. С берега подул легкий бриз, он достал сигару и закурил. На секунду ему стало даже хорошо, но он вспомнил про Сессиль, и настроение тут же испортилось. Он понял, что сожалеет об их знакомстве. Не то чтобы он именно сожалел о знакомстве, но теперь он видел, что она ему нравилось не так сильно, как ему казалось она нравится ему в первую встречу. И это было, по меньшей мере странно, ведь в ней было все, что он любил и ценил в женщине: легкость, самостоятельность, приятная простота и вместе с тем та понятливость, которая не делала ее докучливой, будь это обратным. Однако же, вопреки всему и прежде всего здравому смыслу, он тяготился этим вечером, и тяготился ей, как тяготятся вначале желанными, но слишком засидевшимися гостями, и уже решив, сегодня же порвать с ней, вдруг вспомнил, что завтра приглашен на

ужин к Жикелям, и, не желая, быть одному в их присутствии, решил все таки повременить с расставанием. Еще хотя бы на день. В конце концов, один, он успеет побыть, и с этими мыслями он вернулся в ресторан, где ждал его тот самый все еще раскачивающийся из стороны в сторону череп буйвола.

Вилла Святой Камиллы. Теуль-стю-мер.

Вошедшего малыша, сразу же взяла за руку мадам Жикель, и начала подводить поочередно к гостям. Те, по большей части из учтивости, нежели из-за подлинного интереса к ребенку то гладили его по голове, то трепали за щечки. Женщины восторженно восклицали: Какой славный малыш! Мужчины им вторили, впрочем, уже с меньшим энтузиазмом. Но во всех этих дежурных фразах было лишь равнодушие, да и только. Анна скромно встала у стены, превратившись в невидимку и ждала, когда сие действие окончится и им позволят уйти. Она незаметно скользнула взглядом по гостям. Черные фраки, белые рубашки, стеклярус и бисер платьев, и блеск брильянтов. Запах лимона, душистого жасмина, мускуса и запах денег и достатка.

С плеча одной из дам, упала шкурка лисы и она, жеманно дернула плечом, словно ей стало неимоверно холодно в этой жаркой и удушливой гостиной, попутно обратив свой взор на рядом стоящего мужчину. Тот лениво улыбнулся, поднял уставшую лисицу с пола и опустив ее ей на плечи, скользнул при этом пальцами по гладкой, как белый мрамор коже.

Анна покраснела до корней волос, будто стала свидетелем до того интимной сцены, что больше достойна темной спальни, нежели гостиной полной чужих людей.

Неожиданно мужчина обернулся и посмотрел на нее. На секунду их глаза встретились, ей показалось будто он улыбнулся и даже подмигнул, но, словно застигнутая за подглядыванием в просвет чужой спальни, она до того смутилась, что тотчас опустила взор, а жар стыда и смущения окрасил сильнее прежнего ее целомудренное белые щеки.

Тяжело было сказать, как долго она так стояла недвижимо. Может всего десять минут, может час, а может целую вечность. Казалось, про нее совсем забыли, мальчишка переходил, словно ценный трофей с плеч на плечи. Может ей и вовсе стоило уйти, а вернуться когда позовут, но ноги отяжелели, а расстояние до двери стало непреодолимым. Она напоминала себе пыльную картину, которую повесили когда-то давно с целью закрыть неровность стены, и лишь на время, но так к ней привыкли, что перестали замечать, а потом и вовсе о ней забыли.

Наконец Матье был выпущен из рук, и гости в тот же миг о нем забыли, а Анна с облегчением смогла вернуться к себе.

Еще с полчаса она слышала громкие голоса в гостиной и жеманный женский смех, затем рев двигателей автомобилей и тишина вновь воцарилась на вилле. Часть прислуги была отпущена на выходные, на вилле остался лишь охранник и повар, но и их не было видно и оттого Анне казалось, что все

пространство и вечер принадлежит только ей. Так что, уложив Матье спать чуть раньше чем обычно, она поспешила в свою комнату, чтобы, наконец, насладиться одиночеством и теми редкими минутами, когда она принадлежит самой себе.

Ее комната располагалась на первом этаже, и даже имела маленький балкончик, правда тот упирался в скалу, и больше походил на чулан, но она и этому была рада. И если повезет, ветер сменит направление и принесет запах мимозы с фермы неподалеку, такой чужой, но вместе с тем знакомый и родной, напоминающий о доме, о горькой полыни и сладости дикого меда.

Дэвид любил бывать у Жикелей. Ему нравился Гаэль, этот хитрый и пронырливый француз и его экзальтированная жена Мари. Над ними было любопытно наблюдать и занятно рассматривать, не было нужды следить за каждым своим жестом и словом, они ни о чем его не спрашивали, и мало чем интересовались, кроме себя самих, и он не возражал против такого порядка вещей, потому как меньше всего любил, когда к нему лезут в душу. Легкое, ни к чему не обязывающее общество мало знакомых друзей. Их познакомила Сессиль, она была подругой мадам Жикель, и была с ней того же возраста, тогда как Гаэль был ближе по возрасту к нему, и перевалил за четвертый десяток. Они были одного финансового положения, одного статуса, и почти сходного образования, хотя едва ли равного интеллекта, конечно, по мнению Дэви-

да. Не исключено, что и по мнению Гаэля также, потому как каждый мнит себя умнее другого, таков уж порядок вещей. Словом они были хоть и разной масти, но стоили ту же монету, а потому общение их было гладким и не имело проблем, которые неизменно возникают между людьми, принадлежащими к разным классам, какой бы симпатией не было ознаменовало начало общения.

Конечно, порой он скучал в этой круговерти ограниченных интересов, еды, напитков и других лишенных духовности ценностей, но о себе судил здраво и, будучи человеком рациональным и разумным, считал себя тем, кто по воле рождения не имеет какого бы то ни было творческого таланта, а потому считал, что должен быть счастлив миром материальным и не горевать попусту о том, что ему не доступно. Нет ничего более бессмысленного, чем тянуть себя за шиворот к тому, к чему ты интереса не имеешь в угоду тщеславия. Словом, он наслаждался жизнью в компании, хотя и глупых и легкомысленных, зато веселых и приятных в общении людей. И его это вполне устраивало, потому как девиз его жизни был таков: «будь счастлив с тем, что есть, и не горюй о том, что не имеешь, и иметь не в силах».

Тем вечером много шутили, много смеялись и много выпивали. Он смотрел на Сессиль снова благосклонным взглядом, наслаждаясь ее свежей и сочной красотой, и уже не мог взять в толк, что с ним было вчера и почему он хотел с ней расстаться, когда им было так славно и легко вместе.

Перед тем как отправиться играть в казино в Ниццу выпили еще бутылку шампанского, затем в комнату вошла прислуга. Гувернантка привела ребенка Жикелей, Матье, славного, но робкого и угрюмого мальчишку. Он ему немного напомнил его самого в детстве. Что ж, тем грустнее для Матье, по своему опыту он знал, все любят улыбчивых и славных детей, таких послушных, с льяными волосами, будто ангелочки, а нелюдимых и неразговорчивых как он, увы, никто не любит. Он нахмурился, стараясь избавиться от дурных мыслей, когда краем глаза увидел тень гувернантки у стены, но тут к нему поднесли малыша, верно, его очередь проявлять интерес к ребенку Жикелей. Он потрепал Матье по его жестким курчавым волосам, но скорее из учтивости, нежели из подлинного интереса, и тут же залпом выпил очередной бокал шампанского. Дэвид почувствовал, как тепло и веселье разливается по телу, а напряжение отступает, и уже забыв о малыше и своем несчастном детстве, вновь переключил свое внимание на Сессиль. Ее кожа в этот вечер будто светилась в золотистых бокалах вдовы Клико. С ее округлых плеч скатилась уставшая лиса. Он поднял меховую накидку, соскользнувшую с ее плеч, проведя по плавной округлости изгибов тела, как вдруг поймал на себе чей-то пронзительный взгляд. Будучи человеком внимательным он не мог его не почувствовать, даже когда был слегка пьян, и имея молниеносную реакцию хищного зверя тут же повернулся по направлению к стене и с любопытством стал рассматривать об-

ладателя столь жгучих и пронзительных глаз.

О-о-о! Сколь скрытой страсти, гнева, презрения и неприязни было в том взоре. Огромные, словно темные мерцающие воды, прекрасные черные глаза.

Увидев, что он смотрит на нее, гувернантка тотчас отвела взор, а щеки покрылись стыдливой краской румянца и страха от того, что она была застигнута врасплох, не успев скрыть свои запретные чувства.

Утонченная, хрупкая, с нежной персиковой кожей, в возрасте вечерней красоты, когда бутон розы под лучами солнца уже набрал свой высший цвет, а пережитый закат затронул его первым увяданием природы. Она была женщиной именно того сорта, который ему нравился больше всего, темно-волосая, черноглазая, тонкая и гибкая, женщина высокого класса, не на своем месте. Верно не от хорошей жизни, она оказалась в услужении у Жикелей. Он окинул оценивающим взглядом ее фигуру, и тонкие кисти. Да, слишком хороша для этой грустной роли и слишком хороша для дельца Жикеля и его пустой жены. Тут же потеряв интерес к Сессиль, он, тем не менее, с двойной любезностью начал одаривать ее вниманием и жаркими прикосновениями, едва ли уместными в полной людской гостиной, отчего та, кокетливо и призывно засмеялась и дернула плечом. Ах, если бы Сессиль знала, что эти знаки внимания, которыми так щедро ее в тот вечер одаривал Дэвид, на самом деле предназначались не ей.

Правда к его великому сожалению, вскоре гувернантка

исчезла также тихо и бесшумно, как и появилась. С ней исчез и робкий, молчаливый малыш. Он немного о ней еще мечтательно подумал, но уже через минуту выкинул из головы, погрузившись в водоворот шампанского и ночных приключений.

Они вернулись глубоко за полночь, Жикель был пьян сверх своих возможностей, отчего припарковал автомобиль с гулким скрежетом, задев и парапет, и часть вазона с цветами. Вазон в отчаянии покачнулся, но выстоял, чего нельзя было сказать об автомобиле. Левое крыло было как подбитый на боксерском ринге глаз, а фара висела лишь на нитке, с минуты на минуту готовая упасть и разбиться.

– Что ж, в этой битве равных явно победил вазон, – глупо ухмыльнулся Гаэль.

Мадам Жикель завизжала, затем захохотала, Гаэль, сквозь пьяный хмель грозно посмотрел на нее, но тут же расплылся в улыбке.

Дэвид не мог разобрать о чем они говорят из-за шума двигателя, и оттого, что ему пришлось остановить автомобиль далеко от них. Но сцена, разворачивающаяся перед его глазами отчего-то вызвало в нем не смех и веселье, а раздражение. Ему вдруг яростно захотелось отделаться от всей этой компании и остаться одному. Сессиль мирно спала у него на плече, отчего его рука изрядно затекла, не добавляя ему настроения, когда он и так был не в духе. Он деликатно похлопал

ее по плечу, затем коснулся щеки, пытаясь разбудить. Она что-то прошептала, но так и не проснулась, он нетерпеливо и почти грубо растормошил ее, и тут же любезно, одев маску сдержанности и галантности, попросил ее выйти из машины. Видимо, несмотря на опьянение, она все же уловила в его голосе раздражение и недовольство, и, обидевшись, яростно хлопнула дверью и скрылась на вилле вслед за Жикелями. А он и рад был тому и, оставшись, наконец, один, облегченно вздохнул.

Ночь была как никогда душная, он с неудовольствием ощутил, как влажна его спина, и, скинув пиджак, остался лишь в тонкой белой рубашке, которая в свете звезд и полумесяца казалась белым флагом капитуляции в черном бархате ночи. Он отцепил накрахмаленный съемный воротник, вышел из автомобиля и закурил.

Взвесь горечи от сладости, но пустоты жизни, в этом ночном воздухе опьяняла и дурманила сильнее всего выпитого за вечер. А запахи и звуки ночи тревожили его чуть захмелевший ум. Так сладко пахнут простыни в ночной прохладе, так горько пахнет смятая герань в руках.

Он подошел к парапету, отделяющему приятность ночи от пугающей черноты бездны и неспешно закурил вторую сигарету, как вдруг увидел неподалеку в точь такое же белое пятно каким выглядел он сам этой ночью.

Белое пятно слегка зашевелилось между черных кипарисов, затем вновь застыло. Он медленно повернулся, сделал

шаг назад, уронил, словно невзначай сигарету, точным движением ботинок затушив ее, и отступив в тень, так чтобы его не было видно, принялся ждать.

С этого места ему были лишь видны недвижимые женские руки, в ледяной свечении луны, такие бледные и бескровные, словно руки античной статуи, и такие же совершенные в красоте и плавности изгибов.

Кажется, он уже догадался кто это, но все же, как человек разумный, нуждался в подтверждении своих мыслей, во избежание опасной ошибки, прежде чем решит обнаружить себя.

Через минуту «античная статуя» зашевелилась, и шагнула на дорожку, в полной уверенности, что за ней никто не следит.

Секунду он заколебался, стоит ли пугать ее, но эгоистичные порывы взяли верх и он негромко, но отчетливо произнес:

– Доброй вам ночи.

Анна испуганно обернулась, забавно и вместе с тем трогательно прижав руки к груди, но, увидев кто это, и, по всей видимости, узнав его из лиц гостей сегодня вечером, вспыхнула гневом и такой яростью, что глаза ее заблестели в темноте ночи, как глаза хотя и слабого, но отважного зверя. Через секунду, словно спохватившись, она вновь приняла вид покорный и безразличный, и едва слышно произнесла:

– Вы напугали меня. – И тут же добавила по привычке: –

простите, – хотя едва ли ей было о чем просить прощения.

Ее голос звучал тихо, напевно, и так нежно, с легким и едва уловимым русским акцентом, который Дэвид теперь часто встречал в Париже, в связи с грянувшей в России революцией.

Затем, намереваясь как можно скорее удалиться, дабы избежать формального, но едва ли приятного разговора с одним из друзей хозяев, она повернулась по направлению к вилле, и, не оборачиваясь, и не глядя на него, кинула в след: – и доброй вам ночи.

Не ожидав такого краткого ответа и окончания беседы не начавшись, на секунду он был обескуражен и даже раздосадован, но как только Дэвид увидел, что гувернантка вот-вот скроется из виду, быстро пришел в себя и двумя широкими и быстрыми шагами нагнал ее, и фамильярно взяв за локоть, уже с раздражением заявил:

– Позвольте же, я конечно наслышан, что в России другие порядки, но едва ли они отличаются от общепринятых до такой степени, чтобы не проявить даже малейшего дружелюбия к тому, кто к вам был так любезен. И потом, на правах друга мадам и месье Жикель, я бы хотел узнать, что вы делали в саду в столь поздний час, в целях безопасности разумеется, – нарочито важно спросил он. – Хотя сам, едва ли не засмеялся от сказанной им глупости и того важного высокомерия, который он напустил на себя, чтобы усмирить ее строптивый дух.

И снова резкий взгляд, но тихий и покорный голос, никак не вязавшейся с теми чувствами, которые явно обуревали ее:

– Давно не было столь душевной ночи. Я решила погулять в саду, порой до нас доносится запах мимозы с соседней фермы. Ведь полночь, как раз тот час..., – и она споткнулась на полуслове, решив, по всей видимости, что слишком много сказала. – Простите, что напугала вас, – уже сухо добавила она, и мягко, но решительно высвободила руку из его ладони.

– Скорее это я должен просить прощения, что напугал вас. – тотчас смягчился он. – Должен признаться, мною двигало лишь праздное любопытство, и позвольте представиться. Дэвид Маршалл. – Он хотел добавить и свой статус человека состоятельного и все регалии, что принадлежали ему, для большего значения в глазах дамы, но решил что для этой обстановки, в ночи и на Лазурном побережье это будет ни к чему.

– Анна Лемешева, – коротко представилась она, – няня малыша, хотя, вы итак об этом знаете, – добавила в конце и замолчала. Она сознательно назвала свое девичье имя, и хотя если бы ее спросили о причине этого поступка, едва ли она слаженно и гладко могла бы объяснить ее, однако же, в душе она знала, что причина та, лежит в желании отринуть от себя все прошлое, и начать жить заново, как если бы не было всех горестей и печалей, и только вчера она покинула отчий дом на старенькой бричке, мерно покачиваясь в такт

уходящей дороги вдаль.

– Мммм, Энн, – на английский манер произнес он, и в глухой ночи это прозвучало так фамильярно, что почти интимно.

Анна посмотрела на него с неодобрением, но с любопытством. Он выглядел так, как выглядят все англичане в ее представление, хотя она их знала не много. Высокий, с крупной прямой костью, с удлинённым лицом и тяжелым подбородком. Она не могла бы назвать его красивым, но он был мужественен и полон той красоты и силы, которая свойственна большому и крупному животному. Но самым примечательным были глаза, нет, не голубые, а темное-синие глаза, хотя, может это лишь кажется в свете нежного полумесяца. Во всем его внешнем виде была и собранность и некоторая развязность. Он был сдержан, но раскован, словом он был прекрасен в странном хаосе порядка. Ясно было одно, шутить с ним не стоило, и она мысленно решила как можно скорее скрыться, при том не обидев и оскорбив его, ибо, даже не зная его намерений, не трудно было о них догадаться этой темной ночью.

– Ничего страшного, моя вина, пожалуй, это я слишком пуглива, но прошу простить меня, час поздний, – осторожно произнесла она, пытаясь окончить разговор и как можно быстрее уйти.

– Не желаете ли пройтись? – как ни в чем не бывало, спросил ее он, сделав вид, что не слушал ее вовсе, и естествен-

но, как если бы вместо отказа, услышал предложение побыть наедине с ней, предложил руку, чтобы она могла о нее опереться.

Анна была сбита с толку такой наглостью, она уже хотела резко оборвать его, но вспомнив, в сотый раз, кто она и где, и что этот отказ ей может дорого обойтись, застыла на месте и почти с мольбой произнесла:

– Кругом темно, не стоит, право...

– Не бойтесь, я джентльмен, – и вновь протянул ей руку, тем самым давая понять, что не принимает отказа. Затем шутливо и мягко добавил: – по большей части и лишь тогда, когда мне джентльменство навредить не может. – Он обескураживающе улыбнулся, и стал выглядеть добряком, впрочем, все с тем же цепким и холодным взглядом.

Неожиданно для себя, она оперлась о ее руку, и словно в одночасье, уверовав, ведомая пастырем, шагнула с ним во тьму.

Оказалось, месяц и звезды освещали не хуже самого яркого фонаря, и подъездная дорожка на виллу была как на ладони. И нет больше тьмы, и, кажется все так спокойно, но сердце, сердце ее билось так часто и так гулко, и от страха, и от трепета, оттого что это первое приключение, случившееся с ней за многие, многие годы житейских проблем и тягот. Она шла рука об руку с мужчиной, наедине, в ночи. В сознании всплыла схожая картина прошлого, но, не желая беречь сегодня раны, устав от бесплодных терзаний вины

за эти годы, она словно стерла их из памяти, хотя бы на минуту. И есть лишь он и есть она, и сладко-горький вкус мимозы в жаркой летней ночи, и где-то там в ногах тревожно вздрагивает и трепещет безбрежный и бескрайний океан.

– Вы англичанин? – неожиданно спросила Анна.

– Шотландец, – поправил ее Дэвид.

Анна не видела в том никакой разницы, но если он ее поправил, значит, смысл в том был.

– Я из клана МакДональдов, – добавил он важно.

Анне и это ни о чем не говорило, но если он обратил на сей факт ее внимание, верно и это для него что-то да значит.

– Давно ли вы работаете у Жикелей? – прервал он ее размышления, по всей видимости не имея интереса к той теме, которую начала Анна.

– Почти что два года, – также кратко и лаконично ответила она, но затем, подумав, что раз уж она согласилась на прогулку, добровольно и без принуждения, будет крайне неучтиво продолжать оставаться в дурном расположении духа и пренебрегать беседой, и она неловко, словно за эти годы разучилась говорить, продолжила:

– На самом деле, мне несказанно повезло, с тех пор, как мы... часть нас ... когда не стало, все изменилось, и мы вынуждены были все бросить и я..., – она с трудом подбирала слова, чтобы объяснить, не вдаваясь в подробности, все то, что произошло с ней, и с ее Отечеством, но как такое объяснишь в двух словах, чтобы все объяснить, а главное понять,

и целой ночи будет мало.

– Вы бежали от революции, мне очень жаль это слышать, уверен, вам пришлось многое пережить, оказавшись вдали от дома, но я рад, что вы нашли работу у Жикелей. Они, если и не прекрасные люди, то не худшие из возможных, – заключил за нее он.

Она удивленно посмотрела на него, и его невозмутимый вид и улыбку, всю ту же мягкую, и вкрадчивую и улыбнулась в ответ. Честно признаться, она и рада была, что не пришлось ничего объяснять. Может он все понял без слов, а может, не желал ничего слушать, потому что был к тому равнодушен. Второй вариант ей нравился чуть меньше.

– На самом деле я практически сразу нашла работу, все же когда то я была гувернанткой, и учителем французского, так что, я на своем месте, и все в жизни случилось не случайно, – глухо произнесла она, и тут же добавила: – Как вам нравится Лазурное побережье? – стараясь оживить этот деревянный и недвижимый разговор спросила Анна.

– Прекрасно! – все с тем же оптимизмом заверил он. – Множество развлечений, и климат, климат, особенно оттуда, откуда я родом. Там лишь дождь и сырость, и скалы. А здесь, я наслаждаюсь солнцем и теплом, – и, сказав это он остановился и повернулся лицом к ней. Казалось, он утомился говорить, и рад был как можно скорее закончить разговор. Его глаза горели каким-то лихорадочным пламенем, он ловко, нежно и вместе с тем требовательно обнял ее за талию,

а другой рукой взял ее ладонь в свою и прижав ее бескров-
ные пальцы к своим губам нежно поцеловал их. Словно это-
го он и ждал все это время, а разговаривая лишь мучился,
стремясь скорее приступить к тому, чего желал и что умел
лучше всего.

Она растерянно замерла и спокойно, но серьезно заявила:

– Мне кажется, мы неправильно друг друга поняли.

– Не может этого быть? – театрально удивился он, и как
ни в чем не бывало, прижимая Анну лишь теснее к себе про-
должил: – Вы восхитительны Энн, а я слишком стар, я зре-
лый мужчина и не в моих намерения слишком долго ходить
вокруг да около. Мой возраст не для долгих игр. Я не встре-
чал столь красивых женщин как вы, и говорю об этом прямо.
Надеюсь, вы понимаете о чем я?

«Как щедро он расточает картонные комплименты», – по-
думала Анна и деликатно, но настойчиво попыталась высво-
бодиться из его крепких рук. Она напряглась уже пригото-
вившись бороться с сопротивлением, но к ее удивлению он
легко отпустил ее, и с невозмутимой улыбкой продолжил:

– Мы можем отправиться завтра в Ниццу. Вы бывали в
казино де ля Жете променаде? Редкой несуразности дворец,
но так по-французски и с излишеством. Лишенный вкуса, но
все же стоит посмотреть, хотя бы раз.

– Боюсь в этом моя вина, я повела себя не слишком благо-
разумно, и дала вам ложный повод думать обо мне фриволь-
но, быть может, это разность языка или культур, хотя едва

ли это снимаете с меня вины. Прошу меня простить, и принять мой окончательный отказ, – строго и тоном, лишенным эмоций произнесла она.

Он закусил нижнюю губу, пожал плечами, и к ее удивлению сказал:

– Ну что ж, я джентльмен, как и сказал, поэтому все что угодно, но лишь по вашей воле! – и как ни в чем не бывало, подал ей руку для обратного пути.

Она была готова к его гневу и даже натиску против желания, но он будто потерял к ней интерес. Дэвид был все также приветлив, и ни словом, ни взглядом не дал ей понять, что оскорблен или обижен, будто бы сцены, развернувшейся минутой назад в этой бархатной ночи, и вовсе не было. И это сбило ее с толку, и сказать по чести, даже оскорбило.

Они также странно расстались, как и встретились. Каждый пошел своей дорогой: он на виллу, а она в пристройку для прислуги. Вернувшись в свою маленькую комнатку, Анна спешно разделась, и, улегшись на узкую кровать служанки горько расплакалась. Чувство глубокого одиночества, и затерянности в этом мире, захлестнуло и с головой накрыло ее будто огромная морская волна. Она плакала об ушедших родителях, о своем доме, о Николае, но больше всего она плакала о себе, о жизни, что почти прожита, о будущем, которого нет, и о прошлом, что не вернешь. Вина, тяжелая, будто камень, легла на сердце. Ей казалось, что она могла, что-то сделать по-другому в этой жизни, свернуть в другую сто-

рону, смолчать, где сказанное лишне, или явить свой голос там, где по малодушию или из страха она смолчала. В этот миг, ее жизнь представилась ей чередой неверных решений и ошибок, и исход, оттого так грустен и печален, оттого, что все, что сделано было не так или не сделано было вовсе. И хотя разум говорил ей, что все случилось так, как и должно было случиться. Ведь разве ж маленький человек волен над своей судьбой? Но сердце стонало и плакало, ввергая в хаос остатки ясности рассудка. Ее мучило и чувство вины перед Николаем, и не только, и не столько, потому что он погиб, а она ничего не сделала, а оттого что его образ за эти годы почти стерся из памяти, оставив лишь горечь утраты, а любовь, казавшаяся истинной истончилась и исчезла. И сегодня, стоя в ночи в жарких объятиях сильного мужчины, она осознала это так ясно и так явственно, что пришла в ужас от чувств, которые снова может испытывать, и которых избежала, лишь из страха вновь почувствовать себя живой. Но разве ж такое возможно? И разве ж и настоящая любовь стирается с годами? Ответа нет.

Наконец устав от слез и терзаний Анна затихла. Она легла на спину, и сложила руки на груди, словно отправлялась в последний путь. Голова ее кружилась, и ей казалось, будто она на дне глубокой узкой лодки, а волны качают ее то вверх, то вниз, неся в глубокие темные воды неизвестности, где нет ни берега, ни горизонта. И в этих расстроенных чувствах, наконец, под утро, уснула.

Дэвид всегда вставал рано, он любил утренние часы в одиночестве, с чашкой кофе, свежей газетой и сигаретой. Он наслаждался этим, он вкушал то счастье ложками и пил его из чаши жадными глотками. Так и сегодня, попросив прислугу подать кофе на террасу, он как обычно планировал насладиться утренней прохладой, наблюдая как горизонт окрасится в цвет красный, в цвет пурпура, разливаясь по темной глади волны, и лишь затем появится солнце, рассеяв мрак своими острыми янтарными лучами.

Но сегодня все пошло не так. Сегодня ему было не до восхода и не до газеты. Он лишь глотнул кофе, выкурил три сигареты, одна за одной, и нетерпеливо постукивая пальцами по чуть влажному от росы дереву в сотый раз посмотрел на виллу.

Наконец в двери появился еще заспанный Гаэль, и Дэвид облегченно про себя выдохнул. Нет, конечно же, он не скучал по нему, и едва ли так уж сильно жаждал его видеть, но события вчерашней ночи, окрасили, как солнце окрашивает небо, его пребывание на вилле Жикелей в алый цвет. Давно уже он не был увлечен женщиной так сильно как после вчерашнего отказа. Тем более отказ тот был сродни согласию, и если бы он действительно увидел в ее глазах неприязнь, тогда он точно отступил бы. Не в его возрасте и не в его характере было терять время на тех, кому он безразличен, потому что только мазохист, может желать того, кому он не нужен. А уж он таким не был. Ее отказ был продиктован явно другими

причинами, и ему необходимо было узнать какими, чтобы понять, как с этим быть.

Он с нарочитой расслабленностью облокотился на стул, положив ногу на ногу, и лениво улыбнувшись, будто в голове его не было ни одной путной мысли, а сам он был прост и понятен, как белый чистый лист, заговорил о делах пустых и ничего не значащих, но лишь до той поры, пока словно невзначай, из праздного любопытства не сказал:

– Как жаль, что ты нанял новую гувернантку, я уже хотел порекомендовать тебе одну даму, хотя и преклонных лет, но с опытом, и само собой, разумеется, из Шотландии, как иначе, тем более с прекрасными рекомендациями..., – и сказав это так, будто нечаянно обронил салфетку, отвернулся от Гаэля и посмотрел куда-то вдаль, будто уже и сам к сказанному потерял интерес.

И как бы ни был отстранен вид Дэвида, Жикель слегка удивился такому повороту в беседе, но убаюканный простой и открытой улыбкой Маршалла, последовавшей после этого, так ни о чем и не догадавшись, заговорил:

– Что ты, Мари и слушать не хочет ни о ком, кроме русской гувернантки, ей кажется, что Матье необходимо знать язык своих предков, но Анна настолько молчалива и угрюма, что по мне он и на французском скоро перестанет говорить, если еще немного побудет с ней. Только ведь кажется я тебе все это уже рассказывал. Видимо ты меня не слушал, – полушутливо заметил Гаэль.

«Конечно, не слушал», – подумал Дэвид, да если бы он слушал все глупости, что говорят люди, он бы наверняка уже сошел с ума, но вслух спросил:

– Неужели ты взял гувернантку без рекомендаций? И даже не знаешь, откуда она? Опрометчиво с твоей стороны, – кинул наживку Маршалл.

Задетый этим замечанием, Гаэль раздраженно добавил: – С чего ты взял, что я мог так поступить? Ее порекомендовала мадам Мейран, добрая подруга матери Мари, она Анну знала лично. Кстати у себя в России она была богатой вдовой, ей принадлежала текстильная фабрика, но когда пришлось покинуть страну, ее управляющий, отправил ее пароходом, а сам уверил, что все уладит, и все-таки вывезет часть состояния, следом за ней. И что ты думаешь? Пропал! По мне так он просто обманул ее, украл все состояние и скрылся. Вот только она не верит, убеждена, что с ним стряслось что-то, а иначе бы так не поступил. Толи глупа, толи наивна. В общем, здесь она оказалась без средств к существованию, и только благодаря Мари, и ее нежному сердцу, которая любит сирых и убогих, она не пропала где-нибудь на улицах Парижа. Тем более французский все-таки она знает сносно, – высокомерно заметил он.

Дэвид уловил в его голосе явную неприязнь к Энн, но пока не знал с чем это связано. Хотя теперь немного зная Энн, он не был удивлен такому отношению со стороны Гаэля, скорее всего Жикель попытался соблазнить ее, но ему это не уда-

лось, а уж в этом он был уверен, и теперь тот исходит желчью и ядом, как исходил любой другой бы на его месте, имея перед глазами образец редкой женской красоты, который не доступен. И потом, что бы тот не говорил, Дэвид уже давно не верил ни одному людскому слову, потому как, прежде всего, всегда надо первым делом понять почему человек это говорит, и зачем, и только потом судить о том правдивы или лживы его высказывания. Так и теперь, все сказанное Жикелем, Дэвид хотя и слушал, но с той долей критика, которая бы позволяла ему не принимать на веру все сказанное.

– Выходит она из благородной и состоятельный семьи? – спросил Дэвид.

– Пф-ф-ф. Совсем нет, все благодаря мужу. Вот так подумаешь, вроде глупа и наивна, а потом посмотришь и по другому взглянешь, может не так глупа, и уж точно не наивна, – смеясь добавил Гаэль.

– Что ты имеешь ввиду? – переспросил Дэвид.

– Все богатство прошлого досталось ей от мужа, который помер в день венчания. Вообще странная история. Но жена верит в сентиментальную сказку о вечной любви, а переубеждать женщину, как ты сам знаешь дело бесполезное. Это кстати тоже одна из причин, почему Мари ее держит, из-за этой слезливой истории.

– Так в чем суть истории? – уже нетерпеливо переспросил Дэвид и тут же спохватился, что может своим тоном выдать интерес к Энн.

– Я ничего и сам толком не понял, если честно, вроде бы она работала в одном семействе, а там ее пытался соблазнить хозяин, но неудачно, зато удачно соблазнил друг хозяина, – цинично засмеялся Гаэль. – И закончилась бы эта история ничем, уверен, что он бы ее оставил в скорости, как только бы она ему наскучила, и женился бы, к примеру, на богатой и благородной даме, как часто и бывает в жизни, только вот на ее счастье, местные разбойники ранили его, и он, умирая, на смертном одре, венчался с ней, только для того, чтоб оставить ей свое наследство. Как же сильно верно она его околдовала. Вот такая история, как раз для женского бульварного романа, – скептически заметил Жикель.

Дэвид считал Гаэля редким сплетником, так что не был удивлен такому детальному рассказу, надо было лишь правильно подвести его к этому, и он не сомневался, тот расскажет все и даже больше, без усилий. Но вот продолжать расспросы было уже опасно, тем более он узнал все, что ему необходимо было знать. Более того он узнал даже то, что знать и не хотел, а потому сделав вид, будто потерял интерес к этой теме, заговорил о планах на день.

– Хочу избавиться от Сессиль, – неожиданно произнес он. Гаэль удивленно посмотрел на него, затем засмеялся и спросил: – Так скоро? Мари будет расстроена. Боюсь, нам после этого тяжело будет остаться друзьями, – пошутил Жикель, – но обещай не сообщать ей об этом до отъезда, и умоляю, не сообщай ей об этом в нашем доме, не хочу стано-

виться свидетелем драмы и эти женские слезы, терпеть не могу их.

Дэвид про себя подумал, что это по больше мере странно, и как они могли перестать быть друзьями, когда они никогда друзьями не были, а совместное времяпрепровождение и попойки, не повод для душевной близости, но вслух сказал:

– Лучше я найду твоей жене новую подругу, – и, затянувшись сигаретой, засмеялся, затем добавил: – Можешь не беспокоиться, до отъезда я не предприму никаких шагов, в конце концов, ее общество не настолько невыносимо, чтобы невозможно было потерпеть хотя бы два дня. Именно столько он планировал оставаться в Теуль-сюр-мер до отбытия в Калле, а потом в Париж по делам.

– Ты поедешь в Ниццу с нами? Со мной и Мари? Да и Сессиль устала от скуки на вилле и хочет присоединиться к нам. После полудня? Как тебе? Вначале по магазинам, а потом останемся там на ужин.

– Не могу присоединиться к вам, у меня дела в Ницце, мне необходимо все уладить до отъезда. Поезд в четверг, осталось два дня. Так, где вы будете?

– В казино конечно! – с энтузиазмом воскликнул он. – И там же поужинаем.

– Де ла Жете променаде? – уточнил Дэвид.

– Конечно, единственное приличное место в Ницце.

– Если я успею все уладить, то присоединюсь к вам, – солгал Дэвид, даже не планируя к ним присоединиться. Надо

отдать должное, не все, что он сказал, было ложью, у него и правда были дела в Ницце, но совсем ненадолго, вот только он не горел желанием проводить еще один вечер с Жикелями и Сессиль. В глубине души он не хотел оставаться и здесь, может быть, даже пора было возвращаться в Глазго, Франция порядком утомила его. Хотя дела, дела. По крайней мере, в Париж ему все же придется вернуться. Положа руку на сердце, ему надоело курсировать из ресторана на виллу, из виллы в ресторан, будто кораблю, запертому в узком пространстве русла реки. Он сейчас как никогда остро почувствовал: пора возвращаться в море.

Он никогда не был привязан к месту, его дом, там, где ему нравится, и как только ему нравится переставало, пора было менять дом. Он любил родную Шотландию, любил голые скалы и сырость, и ветер, и море, но также сильно как любил, так же легко ее покинул. Как горячо любимую, но опостылевшую своей суровостью женщину. Он любил Париж, за его разгул и размах, за роскошь и грязь, но устав от праздника и плотских утех, бежал на Лазурный берег, словно залечивать раны, и был здесь счастлив, но лишь до той поры, пока не начинал тяготиться однообразием и слишком теплым солнцем, и слишком ласковым прибоем. Он был везде и нигде. Часть всего, и одновременно ничей.

Иногда он уставал и от себя, и где-то в глубине душе его закрадывалось опасение, может с ним, что то не так. Почему он так черств и пуст внутри, словно обветрен на море стра-

стей, но не желая капаться в бесплодных поисках и явно осознавая, что истины не найти, так как будучи человеком рациональным и здравым, отгонял от себя все пустое, что не несло в себе пользы, а лишь могло разрушить пусть и не правильно выстроенный и не верный, однако же крепкий мир внутри себя.

Энн. Вспомнил он. Только интерес к ней держал его теперь на опостылевшей вилле, со скучными, пустыми и ничемными людьми.

Солнце сегодня, казалось, сошло с ума, оно жарило и палило, будто стремясь выжечь все живое, что рискнуло вырасти и расцвести на эти отвесных красных скалах.

Вилла опустела, и Анна решила отправиться с Матье на пляж позже обычного, презрев привычный распорядок дня и лишь тогда, когда спадет полуденный зной. Она не знала, вернуться ли к ужину Жикели. Мадам никогда не ставила ее в известность, а она не спрашивала. И потом, есть она, или нет ее, едва ли это повлияло бы на ее жизнь и даже на жизнь малыша.

Спустившись на пляж, Анна увидела, что в единственном затененном месте на пляже, где обычно располагалась она сама, расположились Остеррайхи. Выбора не было, пришлось остаться прямо на солнце. Она постелила плед, и постаралась сесть так, чтобы хотя бы лицо и шея были в тени. Впрочем, все было тщетно. Опершись об огромный валун, она крест накрест сложила ноги, накрыв их по возможности

подолом платья, чтобы не слишком сильно припекало, и повязав платок на голову на русский манер, зорко следила за ребенком, который меж тем, как и любой ребенок был лишь рад солнышку и весело играл галькой.

Остеррайхи в своих одинаковых купальных костюмах, как спортивная команда, то бежали к воде, то секунду искупавшись, уже бежали обратно, и даже на их кислых лицах, начала играть улыбка.

Все же на лазурном побережье хорошо лишь тому, кому оно принадлежит, – грустно подумала Анна, уже уставшая за какие-то пять минут проведенных на солнце.

– Со скрещенными вот так ногами, вы похожи на русалку, выкинутую океаном на берег. – Неожиданно прозвучал голос сзади.

Анна резко обернулась. Перед ней стоял Дэвид. В легком летнем костюме, без пиджака, лишь в рубашке и полу расстёгнутом жилете, брюках, засученных до колена и босыми ногами, тогда как ботинки были в руках. Такой свежий и отдохнувший и такой вызывающе праздный.

Бесцеремонно кинув вещи рядом с ней, он уселся боком в ее ногах, отчего солнце растворяло его лицо в свете, и ей были видны лишь его подбородок и шея в вырезе расстегнутой рубахе.

Видя его она испытала какое-то неподконтрольное ей беспокойство и раздражение. Стараясь незаметно стянуть с головы, нелепо подвязанный от солнца платок, она не желая

того взъерошила волосы, отчего даже не глядя на себя в зеркало, знала, какой нелепый и несуразный вид у нее сейчас.

Анна закрыла лицо рукой от солнца, пытаясь рассмотреть его, и сухо и формально и все еще злясь и на него и на себя произнесла:

– Добрый день, Месье Маршалл, – при этом оставив не то шутку, не то комплимент про русалку без внимания.

Казалось, после ее холодного приветствия он вновь потерял интерес к ней. Дэвид стал с любопытством рассматривать семью Остеррайхов. Вот только интерес тот был сродни интересу орнитолога. Было в том интересе не только любопытство, но и равнодушие, ведь как бы не была забавна букашка, едва ли ее судьба, в полной мере интересна ученому, а если и интересна, то только в связи с той пользой, которую можно из этого извлечь.

– Вы выбрали неверное место. Здесь и получаса невозможно пробыть, скоро вас хватит солнечный удар, – серьезно заметил он, оторвавшись от Остеррайхов и обеспокоенно просмотрев на нее.

– Боюсь, у меня нет выбора, такова моя работа, – заносчиво произнесла Анна, – тем более это моя вина, сегодня мы припозднились, и Остеррайхи заняли то место, которое обычно за мной. Для кого то Лазурное море это работа, а не праздный отдых, – стараясь уколоть его сказала Анна, но тут же пожалела об этом. Все же он друг хозяина, и тот факт, что он к ней благосклонен, не дает ей право вести себя так грубо

и неучтиво. И кляня себя за несдержанность Анна закусила нижнюю губу и замолчала.

К счастью он словно не обратил внимание на ее дурное настроение, и как ни в чем не бывало, произнес: – Пойдемте, я покажу вам лучшее место, – и, видя, что она сомневается и колеблется, поспешил заверить Анну: – здесь недалеко. – И легко встав, протянул ей руку, чтоб помочь подняться.

Первое ее желание было оттолкнуть его, и отказаться, возразить, уверить, что никуда она за ним не пойдет, но какая-то сила, что мощнее и сильнее ее самой, заставила ее словно против воли протянуть ему руку.

В миг прикосновения руки к его руке, Анна вспомнила их разговор в ночи, и близость его лица в близости от ее глаз, и смущение и стыд овладел ею, и как только она встала на ноги, тут же отдернула руку, будто ошпаренная, что конечно не осталось незамеченным Дэвидом, но он как и прежде не подал вида, и не обращая внимания на ее недовольный и рассерженный вид, уже направился к Матье. Одним лишь сильным движением руки он поднял его и, взвалив себе на плечи, направился в то место, где пляж кончался каменной плитой. Он даже не оглянулся в сторону Анны, словно его не интересовало, пойдет ли она за ним или останется, тем самым дав ей свободу выбора следовать за ним или ответить окончательным отказом.

Минуту Анна замешкалась, но тут же спохватившись, бросилась за ним, с трудом нагоняя его широкий мужской

шаг.

Дойдя до огромных валунов разделяющих один пляж от другого, Дэвид с легкостью забрался на него, и, поставив мальчишку рядом, взглянул на Анну.

Анна стояла в растерянности перед преградой, и он едва сдержав улыбку, видя ее замешательство и растерянность, спустился вниз, и, схватив ее будто тряпичную куклу под руки, поднял наверх. И также легко спустил обоих на другую сторону раздела, там где был дикий, никому не принадлежащий пляж, только после этого спустился сам.

Она гневно кинула на него взор, раздраженная скорее на себя, за свою покорность, нежели на него, а может из привычки быть несчастливой, и увидев, что его лицо покраснело и покрылось капельками пота, а сам он тяжело дышит от напряжения и усталости, хотя и тщательно пытается скрыть это от ее глаз, злорадно усмехнулась. От его взгляда не укрылись ее чувства, и он, несколько не задетый ее ехидством, громко рассмеявшись, сказал:

– Что ж, в оправдание скажу, я уже не молод.

И с трудом отдышавшись, Дэвид снова взял малыша на руки, и пошел вперед.

К счастью идти оказалось недолго, и вскоре они оказались в маленькой узкой бухте, скрытой тенью деревьев, название которых Анна не знала, но они так отчетливо напоминали ей родные сосны из того далекого мира прошлого, которого казалось больше нет.

Дэвид отпустил Матье из своих рук, тем самым предоставив ему полную свободу, а сам тяжело опустился на песок. С трудом сняв влажный жилет, пуговицы от которого болтались лишь на нитке, видимо оторвавшись во время их тяжелой переправы, он расстегнул рубашку еще на пару пуговицы, так что легкий ветер холодной своей ладонью тут же скользнул по его телу, и в том было блаженство. Дэвид заложил руки за голову, лег на спину и закрыл глаза, отдыхая и наслаждаясь прохладой.

Анна растерянно постояла еще минуту, затем вручив, незнающему чем заняться в незнакомом месте, Матье, ведро с ракушками, усадила его под сенью той самой знакомой с детства сосны, сама села так, что ей были видны и Дэвид, лежащий недвижимо на песке, и Матье, увлеченно играющий ракушками.

Грудь Дэвида тяжело вздымалась, но глаза были по-прежнему закрыты. – Может он уснул? – подумала Анна. Хотя, едва ли, слишком тревожно и порывисто было его дыхание.

Воспользовавшись моментом, когда он не смотрит на нее, Анна с любопытством начала изучать его при свете дня, с удовольствием отмечая каждый его недостаток. Оказалось он не так строен, как ей казалось вчера. Крупное, но тяжеловатое тело, на лице следы времени и разгульного образа жизни. И все же он еще был крепок и силен, впрочем, как все британцы, которые могли пить и кутить без ущерба для здоровья тела, а главное ума.

Дэвид приоткрыл один глаз, а другой, прищурив, лениво улыбнулся.

– Вам так нравится увиденное? – спросил он, и перевалившись на бок, подложил руку под голову.

Анна презрительно фыркнула, отвернулась от него и посмотрела куда-то вдаль.

Минута, две, десять.

Мужчина, Женщина, и маленький ребенок. Они казалось прекрасной и образцовой семьей с картинок в журнале, с той лишь разницей, что ни один из них не был связан друг с другом ни кровным, ни иным родством, словно взятая семья напрокат. И это было так странно и вместе с тем так правильно.

Анна не могла не подумать, о том, чего она волею судьбы оказалось лишена. Ни семьи, ни детей и одиночество. И большая часть жизни прожита, исчезла навеки, все в прошлом. Столько упущенных возможностей и столько потерянных надежд, по своей ли, по чужой ли воле, какая в том разница.

Не глядя на него, она почувствовала, как он поднялся и сел в той же позе что и она, скрестив ноги в коленях.

Интересно о чем он сейчас думает. Хотела бы она посмотреть на него сейчас, открыто, глаза в глаза, но не решалась. Боясь его? Или саму себя?

Его рука накрыла ее ладонь своей, придавив и утопив в горячем песке.

Она не шелохнулась. И напряжение в теле, мучающее его

так неистово все это время, словно растворилось, в этом знойном солнце и легком морском бризе.

Расслабившись, и закрыв глаза, она дала ему увлечь себя на песок.

Он требовательно и настойчиво поцеловал ее, она покорно откликнулась, скользнув рукой по его нагретым от солнца волосам и влажной от жара шее.

Все казалось невозможным и нереальным, таким странным и вместе с тем таким верным и таким нужным сейчас.

Разомкнув объятия, они неожиданно посмотрели друга на друга и рассмеялись.

Казалось магия, соединившая их вместе минуту назад исчезла, будто ее и не было. Но вместе с тем, произошло нечто важнее и значимее, нежели первый порыв страсти, родилось единение из одиночества и некоего душевного сиротства.

– Я женат, – неожиданно глухо произнес он будто куда-то в песок.

– Зачем вы мне говорите это? – спросила Анна. Ей казалось странным, что он сказал это сейчас, в такой интимный и трепетный момент. Не было и мысли, что она может рассчитывать на что-то. Анна знала свое место в этом мире, и оно не подразумевало ни надежд, ни желаний, и тот факт, что он лишний раз ей напомнил об этом, задело и оскорбил ее, ведь даже если она сама понимала, осознавала, и принимала это, не было ничего приятного в том, чтобы услышать это вслух, из его уст, ибо это звучало не иначе как: «тебе не стоит ни

на что рассчитывать».

– Я посчитал, что сказать это вначале, будет лучше и правильнее, чем ты узнаешь об этом после, – просто ответил он.

– После чего? – с вызовом и злостью спросила она.

– Незачем злиться, Энн, я просто был с тобою честен. Я не джентльмен, и все же я не негодяй.

– Я не настолько глупа и наивна, чтобы от одного поцелуя начать рассчитывать на что-то. Нет нужды говорить мне в лицо, что я никто, и указывать мое место, – раздраженно произнесла она и тут же пожалела об этом, так как ее злость и раздражение, как раз свидетельствовали о том, будто она действительно рассчитывала на что-то, а иначе к чему было так остро реагировать на его слова.

И не найдя решения как исправить ситуацию, она просто замолчала.

– Я не встречал женщины красивее, изысканнее и утонченнее тебя, Энн, – как ни в чем не бывало сказал он, и провел рукой по ее волосам, стряхивая песок из мягких прядей волос.

Анна не отстранилась и не убрала его руки, но и не откликнулась на его ласку, и только улыбнулась вопреки воле, тихо, но твердо сказала:

– Нам пора возвращаться. Мадам и месье Жикель в любой момент могут вернуться, боюсь я не так свободна здесь как вы, да и Сесилль. Неужели вы о ней уже забыли? – она хотела, чтобы ее слова прозвучало нейтрально, но случилось сказать

это как укор. И упоминание о Сессиль было ни к чему, будто она ревнивица, а он, отныне должен принадлежать только ей. И не довольная собой, она решила, впредь не разговаривать больше с ним, и всячески избегать встречи, пока он не уедет. В конце концов, должен же он когда-то уехать. И тогда, ее жизнь снова пойдет мерным и тихим путем, как она того и желает.

Но желает ли?

Весь обратный путь, они были словно едва знакомы, хотя, это было недалеко от истины, он ничем не напоминал ей о случившемся, рассказывал об Англии, о тех местах где бывал, избегая опасных и щекотливых тем, был любезен, дружелюбен и открыт, но лишь на первый взгляд.

Анна откликнулась на его слова и поддерживала беседу, решив, что так, наверное, будет лучше, нежели она будет молчать, выдавая тем самым обиду на него. Тем более что все что Дэвид говорил было так нейтрально и отвлеченно. В глубине души Анна хотела отчего-то, чтобы он вновь заговорил о личном, спросил ее о чем-нибудь, на крайний случай спросил о ее прошлом, но он не касался этих тем, и ей было это обидно, как если бы это было признаком крайнего безразличия.

Глядя на него, она думала, о том, что вся эта открытость и легкость и простота, скорее лишь иллюзия и является предметом тяжелой работы внутри себя, по сдерживанию и отсеиванию всех чрезмерных и лишних слов и чувств, и в этом

надо отдать ему должное он достиг успеха. Кажущаяся поверхностность его суждений и обтекаемость его слов о любом предмете, причем не важно, о чем конкретно говорил он, было как нечто само собой разумеющееся, как часть его природы, тогда как на самом деле это было не так. Он не был не поверхностным, ни тем более простым и уж точно он не был с ней открыт.

И это так разительно отличалось от ее открытой нараспашку природы, где все было понятно и бесхитростно, и так легко читалось, что ей даже было в некоторой степени обидно, что она так проста и ясна, как детская азбука.

Тогда как Анна не только не могла понять его, но даже приблизиться к понимаю его души было слишком сложным.

Хотя может это потому, что там и нет никакой души, – сердито подумала Анна и усилием воли прервала размышления о нем, устав разгадывать этот сложный и непостижимый ее разуму ребус.

Вернувшись на пляж Святой Камиллы, они не обнаружили Остеррайхов, по всей видимости, было уже время ужина, да и солнце начало клониться к закату. Время вместе пролетело как одна секунда, а значит они пробыли на пляже даже больше чем Анна рассчитывала или могла себе позволить.

– Нам лучше вернуться порознь, – заметила Анна, – тем более ваша французская жена Сессиль, может заподозрить неладное, не хочу явиться причиной проблем в вашей жизни, – не смогла удержаться и уколола его Анна, беря за руки

Матье.

– Сессиль мне не жена, – спокойно ответил он, – Но вы правы, вам лучше идти первыми, а я вернусь позже.

– Это уже не треугольник, а какой-то дешевый многоугольник, – раздраженно подумала Анна, стремясь как можно быстрее покинуть его.

– Я мог бы прийти к вам сегодня ночью, – без обиняков заявил он.

Анна опешила от такой наглости, да что уж говорить, она просто остолбенела услышав такое, и даже дыхание сбилось, не говоря уже о сердце, которое от бешеной скорости готово было лопнуть на тысячи частей, как после изнурительного и нескончаемого бега.

– Не стоит утруждать себя, – едва сдерживая гнев, сквозь зубы процедила Анна, а затем добавила: – и потом, едва ли вы так мал как Матье, что не сможете уснуть без помощи гувернантки.

Он пожал плечами, как если бы в его предложение не было не только ничего предосудительного, но даже удивительного, точно он по английской традиции предложил ей выпить чай в пять, после полудня. И услышав отказ, принял его также спокойно, как и те другие отказы и уговаривать Анну не стал. Так они и разошлись.

Дэвид еще немного посидел на песке, наблюдая за солнцем скатывающемся за горизонт, словно золотой дублон в огромный карман морского пирата.

Разгоряченное тело после целомудренных и непорочных ласк требовало разрядки, и он, сорвав с себя рубашку, так что оставшиеся пуговицы в рассыпную упали на песок, с громким криком кинулся в море, ощутив при этом вдруг такой прилив сил и бодрости, будто вернулась молодость. И пусть это всего лишь на время, но все же так приятно.

И только губ, и только рук прикосновение. Давно он так не начинал роман...

Сорок пять лет назад Дэвид Маршалл родился в семье Элеонор МакДональд и Гранта Маршалла. Мать его была из богатого и древнего клана, а вот отец. Отец, о нем бы лучше промолчать. Пьяница и пройдоха, спустивший все наследство на выпивку и карты и так и сгинувший где-то возле бара.

В семь лет мать отдала его на воспитание дяде. Бездетный, строгий и скупой, он не воспытал к племяннику отцовскою любовью, по всей видимости, потому, что сердце его уже было занято деньгами. И видя в Дэвиде многообещающего юношу, натаскивал его как натаскивают породистого щенка на лисицу, вот только на деньги. Но лишь до определенного момента. Дэвид и впрямь первое время служил ему так искренне и так самозабвенно, выполняя и предугадывая любые его прихоти и желания, пока не понял, что все бессмысленно и бесполезно. Никогда тот не оценит и не полюбит его больше, чем любит он деньги. И осознание своего одиночества, того, что в жизни надеяться можно лишь только на себя, не только не сломало его, но и закалило. С этого

момента, используя положение дяди, Дэвид, стал работать на себя. И в скором времени, способами, о которых в приличных местах не принято говорить, а если и говорят, то сокращают до рассказа: «был пени, я подумал, стало два, глядишь и сколотил себе весьма приличное состояние».

И как только, он это сделал, став полностью независимым, он закрыл эту дверь, оставив ненавистного капризного старика исходить желчью и злостью. Он не желал быть пленником ни обычаев, ни земли, ни людей, всю жизнь он будто на цепи служил и принадлежал кому-то, и единственное чего он желал это свобода. Свобода от обязательств, свобода от семьи, свобода от долга. И наконец, он получил ее.

Потом он встретил Стефани, сильную, независимую, расчетливую, и словно посмотревшись на себя в зеркало, принял решение, быть с ней, но скорее не из любви к ней, а из любви к себе. Но с самим собой быть не легко, и прожив вместе всего только год, как только пыл страсти поутих, и два потребителя не имея возможности поглотить друг друга, и не зная при том, что дальше друг с другом делать, без ущерба для сердца и чувств, также легко, как встретились приняли решение расстаться, сохранив при том истинно британский брак, союз не из любви, а брак контракт, основанный на выгоде и пользе для двоих. Брак врозь, но все же вместе.

Назавтра Анна, весь день подспудно старалась ненароком встретиться с Маршаллом. Она знала, что скорое он уедет, и потому, где-то в глубине души, если обратиться к желаниям

и чувствам, испытывала сожаление и грусть. Все же он единственный человек, проявивший к ней интерес в этом доме, и это не могло не заставить откликнуться ее одинокое и истосковавшееся по любви сердце.

Она с удивлением обнаружила, что Сессиль покинула дом с самого утра, она не знала, что случилось за ночь, и даже предполагала, что Маршалл также мог покинуть виллу, но к своему изумлению обнаружила, что он все еще здесь. Анна рассчитывала, что увидев ее, он окажет ей знаки внимания, взором или улыбкой даст понять, что все, что случилось вчера имеет смысл, но когда они встретились случайно в гостиной, он лишь церемонно поздоровался с ней, так холодно и так отстраненно, будто они и вовсе не были знакомы, и это сбilo ее окончательно с толку. Она ведь сама просила оставить ее в покое, но добившись своего, отчего-то почувствовала обиду и разочарование. Но, не желая разбираться ни в себе, ни в своих чувствах, тем более после его холодного приветствия это казалось уже бессмысленным, попробовала оставить все мысли о нем.

Но день, начавшийся со странностей, странностями и продолжился, спутывая и без того беспорядочные мысли Анны. Один за другим в действительность врывались события не свойственные и не характерные для привычного и спокойного уклада ее жизни.

После обеда появилась мадам Жикель, и к ее удивлению, объявила, что они с месье Жикелем отправляются в Ниццу

вновь, и берут с собой Матье.

Анна спросила, должна ли она сопровождать их. И вопрос тот был лишь из учтивости, формальности ради, так как она всегда ездила с ними, куда бы они не отправлялись, если с ними был Матье, потому как мадам Жикель, казалось, едва ли знала как управляться со своим же ребенком, а если когда-то и знала, то давно утратила сии врожденные инстинкты. Но к величайшему удивлению Анны, мадам ответила отказом, и сказала, что в ее поездке с ними нет нужды.

Окончательно сбитая с толку Анна, конечно же, не посмела задавать вопросы, хотя из любопытства и ради понимания, должна была знать, что происходит. Но такова роль прислуги, принимать любые капризы хозяев как данность и не проявлять чувств, свойственных человеку свободному.

Хозяева отбыли, вслед за ними отбыл и Дэвид.

Вилла опустела, укрыв тишиной, будто чехлом от пыли это когда-то живое и шумное, а ныне погрузившееся в сон, место.

Ей казалось, будто ее здесь забыли, а может намеренно оставили как уже отслужившую и ненужную вещь. Впрочем и тот и другой вариант был не далек от истины.

Прислуга открыла все окна, желая проветрить и впустить солнце, чтобы просушить местами прохладные и влажные места на вилле. Все были заняты делом, кроме Анны.

Прослонявшись на вилле до самого вечера, и так и не дождавшись ни хозяев, ни Маршалла, она с грустью осознала,

что за годы работы, настолько привыкла прислуживать кому-то, что отними это единственную повинность в ее жизни, то вмиг наступит пустота, потому как, что делать наедине с собой она уже не знала, да и разучилась. Сто раз она прошла мимо пустой комнаты Дэвида, пытаясь понять уехал он навсегда, или вернется, но так и не решившись зайти осталась в неведении, в глубине души страхась его отъезда навсегда и лелея надежду, что он все же остался.

Мадам Жикель, уезжая не сообщила когда они вернуться и куда они отбыли, так что воображение Анны рисовало страшные картины как ее здесь забыли на целый месяц, на год или навсегда. И что теперь ей с жизнью делать?

С тоски она решила не идти на пляж, так что поужинав с прислугой, Анна отправилась к себе в комнату, и так и не найдя чем заняться вечеров, решила лечь пораньше.

Открыв окно, она впустил жаркий знойный, нагретый за день вечерний воздух в комнату, и, раздевшись, оставшись лишь в одной легкой ночной рубашке, легла на спину, и не желая спать, начала предаваться самым неблагоприятным мыслям, мыслям о будущем.

Анна не знала как долго она вот так пролежала без сна. Ах, если бы луна была видна из окна, может хотя бы она скрасила ей одиночество, этот холодный бездушный серебряный спутник с лицом скорбящего о скоротечности бытия святого. Но в маленькой коморке прислуги тьма, а в окне лишь бесплодный и мрачный клочок черного неба без звезд.

Где не понять ни час, ни время ночи.

Где-то вдалеке послышался рев заглушаемого двигателя машины. Сквозь медленно поглощающий ее сознания сон, она подумала, что, наверное, вернулись Жикели, и успокоившись, что, наконец, она не одна, провалилась в тяжелый и глубокий сон.

Проснувшись, она несколько минут лежа не шелохнувшись во тьме, не могла понять, что происходит, но ясно было одно, что-то не так. Анна не могла понять как долго она спала, может она сомкнула глаза лишь на несколько минут, а может уже минула вся ночь и пора вставать. Она повернула лицо к окну, по-прежнему непроглядная тьма, а значит далеко до утра. Анна села на кровать. Медленно глаза ее начали привыкать к темноте и она уже могла различать не только стол и стул, но и настенные часы и слабый отсвет, спрятанной будто в шкаф ночи, луны. На циферблате половина первого, и уже собираясь снова лечь спать, Анна, наконец, поняла, почему проснулась. Комнату заполнял слабый, но отчетливый запах дыма.

Обжигающий холод каменного пола, босыми ногами Анна металась по маленькой комнатке, пытаясь понять, откуда идет дым, прислушиваясь к зловещей немой тишине ночи. Ни треска огня, ни шагов прислуги, проснувшихся также как она, от запаха гари и дыма, ни голосов хозяев. Словно все вымерли. Неужели все спят. Или спит она? Явь это или сон наяву?

Приоткрыв дверь из своей комнаты, она осторожно выглянула в коридор. Все как обычно, тихо и спокойно, ни дыма и тумана от костра, значит пожар не здесь, не на вилле. Она снова вернулась в свою комнату и выглянула в окно, запах гари усилился. Что-то горело, но горело за пределами виллы.

Накинув платье, даже не удосужившись застегнуть его как следует, она просунула голые ноги в туфли и быстрым шагом спустилась на первый этаж и вышла из виллы.

Со стороны горы неслись как огромные тяжелые облака клубы зловещего черного смога. А где-то у подножия скалы, казалось, восходит новое солнце, желто-красное зарево огня.

– Вилла Остеррайхов! – В ужасе закричала Анна.

Она стремглав бросилась обратно на виллу, на бегу выкрикивая: – Пожар! Пожар! – причем на родном русском языке. Первым делом Анна побежала разбудить Жикелей, так как была уверена, что это именно они вернулись сегодня и это их автомобиль она слышала ночью.

Сначала она кинулась в детскую Матье. Никого.

Куда все исчезли? Она уже с трудом понимала, что происходит, до того ее одолел ужас и страх, и едва ли будучи в здравом рассудке она лишь металась по вилле, находя лишь тишину.

Она знала, как опасен пожар в этих местах. Ветер и сушь, с легкостью могли превратить маленький огонек на конце си-

гареты за считанные минуты в огненный шторм, сметающий все и вся на своем пути.

В комнате Жикелей тоже никого. Кажется, , проснулась прислуга, внизу послышались голоса охранника Антуна и уборщицы Жюстин. Анна остановилась, прислушиваясь к ним, и в ужасе поняла, что оба пьяны в стельку, а потому едва ли могут ей помочь. Она постучала в последнюю, гостевую дверь. Тишина. И в отчаянии, словно цепляясь за последнюю надежду, безвыходно нуждаясь в нем, Анна толкнула тяжелую дверь в комнату Дэвида, отчего та с громким стуком распахнулась.

На кровати в только что натянутых и еще не застегнутых брюках сидел всклокоченный после сна и сердитый Дэвид.

Увидев его, она облегченно вздохнула, будто в его власти была сверхъестественная сила, способная решить не только все ее проблемы, но и одним лишь взглядом управлять стихией, будь то вода или огонь.

– Пожар на Вилле Остеррайхов, – коротко выдохнула она, вдруг почувствовав как силы покидают ее, и в изнеможении оперлась о дверной проем.

Он ничего не ответил, на его лице не отразилось ни удивления, ни страха. Дэвид в одно мгновение оделся, и бросился на улицу.

В черном небе стояло огромное облако дыма, и лишь отсутствие ветра спасало от того, что огонь не перекинулся на сосны вокруг а затем и на виллу Святой Камиллы.

Чем ближе они приближались, тем сильнее был слышен жуткий треск охваченной огнем виллы Остеррайхов.

Прямо на подъездной дорожке здания перед виллой, упав на колени и обхватив голову руками сидела Эдельтруд Остеррайх. По обе стороны от нее, прильнув к матери, как птенцы переростки, хотя и окрепшие телом, но еще уязвимые душой, были ее дети.

Отца семейства, Хуго Остеррайха нигде не было видно.

Никто не плакал и не стонал, зловещая тишина и только треск падающих перекрытий в немой ночи был страшнее самых горьких слез и самых громких криков.

– Где ваш муж? – коротко спросил Дэвид.

Эдельтруд подняла на него глаза и ослепшим и невидящим взором посмотрела на него и ничего не сказав только кивнула головой в сторону горящей виллы и снова застыла словно недвижимая статуя.

Где-то вдалеке послышался вой пожарной серены. Анна облегченно выдохнула. Скоро придут пожарные, они помогут, надо лишь дождаться. – Быстрее, быстрее, – молила Анна. Но перехватив пристальный взгляд Дэвида на огненное зарево, она в ужасе воскликнула, безошибочно угадав, его намерения.

– Нет, не делайте этого! – воскликнула она, и, подбежав, вцепилась ему в руку. Она и сама не знала, отчего так отчаянно цепляется за него и почему его судьба, так ее заботит. Но мысль, что он может сейчас погибнуть вызвала в ее серд-

це такую волну ужаса, что она готова была на все, только бы не отпускать его.

Но он, даже не взглянув на нее, решительно отдернул руку, и поспешно сняв с себя рубашку и намочив ее в рядом стоящем почти осушенном от засухи фонтане, и закрыв ею лицо, шагнул в дом. Он выскользнул из ее рук, как выскальзывает шелковый платок из непослушных пальцев, и вот уже в руках нет ничего, но память от прикосновения еще жива.

Секунда, минута, казалось, с момента, когда он исчез в огненном зареве, прошла целая вечность. В ушах стучало, в голове пульсировала кровь, и сердце выпрыгивало из груди. Анна так сильно сжимала сплетенные в замок пальцы, что они похолодели и онемели.

Она уже не думала ни о спасении Хуго, ни о горе мадам Остеррайх, она не думала ни о ком кроме него. В тот миг, долгий миг ожидания, Анна не молилась, не просила у высших сил помощи, не давала ни клятв, ни обетов, не веря и не надеясь в доброе, скованная и поглощенная ужасом и страхом.

Как вдруг послышался громкий треск, часть крыши с грохотом обвалилась, являя зияющую темноту из которой то и дело вырывалось адское пламя, она едва не потеряла сознание, поняв, что все кончено, что он погиб, как вдруг на пороге показался Дэвид, почти несущий на руках Хуго, тот с трудом волочил ноги, и все же был жив и в сознании.

Эдельтруд увидев мужа вскрикнула и тотчас кинулась к

нему, и плача и рыдая, но уже от радости за его спасение.

Анна же не обратила на них никакого внимания, она немигающим взором смотрела только на него, на Дэвида. Он закашлялся, криво улыбнулся ей в ответ, затем согнулся пополам, тяжело сплюнул, с трудом пытаясь отдышаться.

Она не сдвинулась и с места, просто стояла, недвижимо сцепив руки в замок и смотрела на него. Как вдруг Анна заплакала. Так горько и так по-женски. И в этих слезах была заключена и женская сила, и женская слабость. Он подошел и обнял так крепко и так нежно. Подняв глаза, она удивленно посмотрела на него. Ни ресниц, ни бровей, весь в поту и черной саже, он одновременно представлял собой зрелище как героическое, так и до смешного нелепое, как черт, только вылезший из адского пламени, и не зная как себя вести в этой странной ситуации, вдруг неожиданно для самой себя Анна рассмеялась, почти истерическим, громким и тревожным смехом.

Она думала, что после этого он оттолкнет ее и обидеться, но он тоже засмеялся в ответ, и неожиданно произнес:

– Сам от себя не ожидал. К старости стал храбрецом.

– Вы могли погибнуть, – укоризненно сказала Анна, содрогаясь от одной лишь мысли, что могло произойти, и перед ее взором возникло его бездыханное тело, и в ужасе от увиденного в ее воображении она сомкнула глаза и прижалась к его груди.

– Но не погиб, – спокойно ответил он и в его твердом го-

лосе, было столько уверенности, что мир вокруг нее в тот же миг приобрел равновесие, а под ногами клочок твердыни в океане зыбучих песком тревоги и неизвестности.

Прибыли пожарные. Бегло рассказывая им что случилось, Остеррайхи глазами искали своего спасителя, но ни его, ни его спутницы уже не было.

К тому времени как они подошли к вилле Святой Камиллы, пожар у Остеррайхов был уже почти потушен. Неожиданно подул ветер, сильный, и настойчивый, он принес с собой горький запах огня и пепла, и сладкий запах ночной мимозы. И только волею судьбы он не начался раньше, тем самым спася всех от неминуемой гибели в огне, случись обратное.

Все чувства обострились, и словно были оголены этой ночью. Остановившись перед парапетом, Дэвид хотел было заговорить, но Анна не дала ему произнести и слова. Она сомкнула руки на его шеи и прильнула губами к его губам.

Не было ничего в этой жаркой ночи, кроме него и его разгоряченного тела. Она не вспоминала о прошлом, не думала о будущем, все ее сознание было только здесь и сейчас, и неистовый физический голод завладел ее телом и разумом. Той ночью в нем было все, что она мечтала увидеть в мужчине, и храбрость, и силу, и нежность и спокойствие, и словно желая взять взаймы все эти качества, которых так недоставало ей, она прильнула к нему так близко и так неистово, и было в том жесте и отчаяние и надежда.

Он склонил ее собою как тонкую и трепетную ивовую ветвь, а ее пальцы в безлунной ночи, скользили по его смятой и влажной рубашке, как по белым клавишам пианино, в неистовом желании музыкой тела, передать, как сильно она желает его, и как страстно он нужен ей. И он был тем, что желает женщина, свирепым и неистовым, жадным и неукротимым, не сомневающимся и не колеблющимся, но трепетным и нежным. И Анна отдалась ему с той обреченностью и безысходностью, как если завтрашний день для них не наступит никогда, а ветром принесенный пепел, словно снегом укрывал их головы, когда руки, и губы сплетались так жадно и так неудержимо, забыв себя и свое имя.

Перед глазами красные скалы, покрытые курчавой порослью зелени стыдливой, а в ногах, бьется и трепещет безбрежный и бескрайний океан, и дорога, уносящая в неизвестность будущего.

Анна посмотрела на Дэвида, его правая рука лениво покоилась на руле, а в левой он держал сигарету, время от времени поднося ее к губам, затем он зажал ее между зубами, а левым глазам прищурился, ослепленный ярким лучом полуденного солнца, отчего стал походить на хитрого, коварного и повидавшего не мало пирата.

Она украдкой улыбнулась, и посмотрела на море, то приближающееся, то удаляющееся, то остающееся далеко позади в серпантине дороги, но вдруг нахмурилась и поджала губы.

бы.

Перед ее глазами всплыла картина отъезда с виллы. Презрительный взгляд мадам Жикель, удивленный, снисходительный и оценивающий месье Жикеля, скользнувшей по ее груди и лицу, словно говорящий: неужели я что-то просмотрел, и растерянный малыш, грустный и расстроенный, но лишь оттого, что у него забрали его любимую игрушку. И радость любовных чувств, смешанная со стыдом, оттого что ее забирали из дома Жикелей, как бедную сиротку из приюта, как забирает опекун или, благодетель, великодушный, однако же чужой и едва знакомый хозяин.

– Ты в порядке Энн? – спросил Дэвид, не глядя на нее.

– Да все прекрасно, – смутившись ответила Анна, будто ее застали врасплох, и, не желая выдавать смятение чувств, обуревающих ее в этот момент, она небрежно откинула с лица волосы, и, посмотрев на него открыто улыбнулась. И в этой улыбке был вызов. Смотри же, я безоружна и в твоей власти, посмеешь ли ты обидеть меня, когда я так открыта перед тобой, знакомый незнакомец.

Дэвид повернулся в ее сторону, и сказал, угадывая ее страхи:

– Все будет хорошо, тебе не о чем переживать.

Что значила эта фраза? Знал ли он, о чем действительно думает Анна и что ее тревожит? Да и хотел ли знать? И что значит это «хорошо»? И будет ли «хорошо» для Анны, то, что он для себя считал хорошим. Анна не решилась расспро-

свить его об этом, Да и что толку, он все равно не ответит. А может она не спросила, потому что боялась услышать ответ?

Остановились они в самом роскошном, и в самом удобном расположенном отеле Ниццы – Руль, в бухте Ангелов с видом на Английский бульвар, и казино де ля Жете.

Они не обсуждали будущее, не говорили о прошлом, казалось, все, что его интересует это здесь и сейчас. И она принимала с какой-то смиренной радостью его правила игры, так как за все годы скитаний и мытарств, по правде сказать, устала и ослабела духом, и теперь, оказавшись во власти другого, пусть и не понимая в каком качестве и как долго, она отдыхала и телом и душой, представив этому другому решать за нее и настоящее и будущее. Она не питала иллюзий на счет его чувств. Ей казалось, что она не более чем прихоть, для богатого и эксцентричного британца, и рано или поздно ему прискучит ее молчаливое, и ни к чему не обязывающее общество, общество с женщиной, с которой он не связан ни обязательствами, ни прошлым. Но это будет потом, не сейчас, сейчас она намерена забыть о прошлом, не думать о будущем, и научиться, также поверхностно существовать, плывя на гребне волны, не касаясь дна, не замочив ноги. Жить настоящим, наслаждаться радостями мира, которые судьба даровала ей, словно в награду или в извинения, в обмен на все беды и горести, что принесла ей жизнь. – Что ж, это справедливо, – подумала Анна. Но что есть мера справедливости в жизни? И есть ли она, и так ли часто судь-

ба воздает нам по справедливости? Ах, если б все было так просто, и за действием, дурным или хорошим, следовал бы справедливый ответ, как линейна, как понятна и как проста была бы жизнь, а так одни зигзаги в неизвестность.

Ужинать было решено в де ля Жете, и, подходя к казино, Дэвид, махнув рукой в сторону гигантского эклектичного здания, спросил Анну:

– Что ты думаешь об этом, Энн? Тебе нравится?

– Я думаю, что ничего красивее не видела в своей жизни! – восхищенно воскликнула Анна, и смущенно прильнула к его руке, словно он не привел ее к этому зданию, а подарил ей его, здесь и сейчас.

– А что думаешь ты? – поторопилась спросить Анна.

– Я думаю, что ты мало, что видела в своей жизни, – иронично заметил он и закурил сигарету.

Его суждение было высокомерным и тяжеловесным, а слова, будто груз, оброненный с высоты, упали камнем на сердце, больно ранив Анну. Он был милостив, но снисходителен, и это оскорбило ее. И тот чистый восторг, который она испытывала, когда она была так открыта перед ним в своем счастье и радости тотчас померк. И стало так горько и так обидно. Но Анна смолчала, однако отстранилась от него, чувствуя себя одинокой, оттого лишь, что так искренна с ним, но безответно. И сила его разума и трезвости рассудка против иррациональности хаоса ее души и даже тела хрупкого ее и словно сотканного лишь из одних чувств и страсти, так ма-

нило, но вместе с тем пугало Анну, как все чуждое, далекое, непостижимое и опасное.

Но уловив ее тревоги, как всякое хищное животное улавливает страх, он поспешил объясниться:

– Просто ты видишь уже второй вариант этого казино. И здесь все сверх меры, тогда как первоначальный проект был экзотичен, но вместе с тем изящен и изыскан, хотя и восточном стиле, но в европейских традициях. Совсем как ты, Энн, – и улыбнувшись, он скользнул рукой по плавным изгибам ее спины. – Кстати, первым архитектором казино был шотландец, – заносчиво добавил он, – а вот кто автор сего творения, к счастью не знаю, но не удивлюсь, если француз, они во всем любят излишества.

Анна не отстранилась, но и не ответила на его ласку, словно кошка, которая была не настроена на нежности хозяина, и, оставив комплимент незамеченным, спросила:

– Что же случилось с первым казино?

– Он прожил ровно три дня, и-и-и-и..., – сделав движение руками в воздухе, напоминаящее взмах руками факира, заключил: – Сгорел.

– Но как??? Как такое возможно?! – воскликнула Анна, искренне приняв все так близко к сердцу, что даже руки прижала к груди.

Дэвид, увидев этот жест, невольно готов был откликнуться на него, и инстинктивно прижать ее к груди, но ее открытость миру, и слепое следование сердцем за каждым светом

или тьмой, пугало его, как если бы это был луч, но луч, той силы и энергии, который был бы способен разрушить тихий полумрак его души. Но отогнав мысли, он продолжил спокойно:

– Зависть, милая Энн. Зависть. Сильнейшее человеческое чувство, огонь, который заставляет двигаться, творить, осуществлять невозможное, самый сильный мотив к действию, сила созидающая, но вместе с тем самая разрушительная сила на земле, способная погубить не только все вокруг, но и сам источник этого огня. Так что и поджог весьма символичен, тем более, что это универсальное средство, для того чтобы избавиться от кого-то, не оставив и следа, – задумчиво произнес Дэвид, и решив, что слишком много сказал, поспешил переменить тему, оставшись верен себе: – Я покажу тебе что внутри. Поверь, еще большая безвкусица.

Анна едва заметно улыбнулась, но задавать вопросы больше не решилась.

Словно на плавучем острове, дрейфующем в безбрежном океане, мерцая фонарями и благоухая гирляндами цветов казино де ля Жете поглотило их, как прекрасная жемчужница, поглощает жемчуг, плотно сомкнув свои створки.

Они минули семейный зал, что не укрылось от внимания Анны, и оказались в зале ресторана, с молодыми и не очень мужчинами, стрелявшими глазами по дамам, цель пребывания которых в Казино не оставляла сомнений, были в ресторане и пары, впрочем вели они себя как расковано и так

вольготно, и так были счастливы и так расслаблены, что было очевидно, что они не связаны узами брака, но вот были ли они знакомы давно или казино свело их прямо здесь и сейчас, понять не представлялось возможным.

Анна никогда не бывала в таких местах, и, памятуя о своем зыбком и едва ли благородном статусе, в пример этим дамам, залилась краской, и, не смея посмотреть ни на кого даже из любопытства, последовала за рукой Дэвида, как за веревкой для слепого, что вел ее так твердо и настойчиво. Но вот куда?

Звонкий смех, и звон бокала вместе сливались в музыку роскоши и достатка. Анне вспомнился хвастливый сибирский купец, мнивший себя властителем мира, сидя на стопке грошовых шкур, и она горько усмехнулась тому, как может заблуждаться человек, от незнания и невежества. Только сейчас, первый раз в своей жизни Анна видела истинную роскошь и богатство этого мира, а все что ей чудилось как оное, представлялось теперь связкой хвороста, достаточной лишь для того, чтобы не умереть с голоду и обогреться. И даже тогда, когда овдовев, она унаследовала некое состояние, позволявшее ей думать, о том, как она богата, теперь же представлялась ей как, если не бедность, то тот род скромного достатка, в котором человек хотя и не нуждается ни в еде, ни в одежде, ни в крове, однако же, который не позволяет ему выйти за рамки нужд насущных, где человек так и топчется, меж узких потребностей, не имея шанс увидеть

большее.

Роскошные гривы волос и белый жемчуг улыбок, и перья и брильянты, раскованные и манящие движения рук, и плеч, все они ей казались диковинным зоопарком, полным прекрасных экзотических, но все же зверей. И улыбки, совсем не были похожи на улыбки, скорее оскалы крупных и острых зубов, жестоких волков и хитрых изворотливых лис.

Голова шла кругом, но она смело взглянула ему в глаза и открыта улыбнулась.

Он улыбнулся ей в ответ, и сказал:

– Вижу Энн, тебе здесь не нравится. Но отступать слишком поздно, я сделал заказ, и потом, мы пришли сюда, только ради тебя. Мне хотелось, чтобы ты увидела самое роскошное место Ниццы. Все же здесь стоит побывать хотя бы раз в жизни, хотя бы для того, чтобы убедиться, что, не бывая здесь, ничего не потерял, – усмехнулся он.

– Значит ли это, что ты привычен к такой роскоши? – осторожно спросила она.

– Отнюдь. Я вырос не в бедной, но едва ли в обеспеченной семье, – коротко ответил он, и не сказал больше ни слова.

Анна, подумала, что это, пожалуй, первое, что она узнала о нем, и, сделав вид, что с большим воодушевлением изучает меню, украдкой взглянула на него еще раз.

Знакомый незнакомец. Разве ж она могла предположить, что в жизни так бывает, и восхитительная близость, возможна с тем, кого едва ли знаешь.

Она, конечно же, составила из его фраз и поступков свое мнение о нем, но если представить ее мнение о нем в виде сферы, то ей была видна лишь поверхность, а все что оставалось внутри, по-прежнему было для Анны загадкой.

Он был похож на большое и сильное животное, громоздкий и неуклюжий, но ловкий и хитрый, неутомимый и коварный, впрочем, как и любой другой крупный хищник. Золотистая грива и тонкий загар, он дышал силой и источал здоровье, и она устав от мытарств и страданий души и тела, словно чахлое и гиблое растение в последний миг жизни, инстинктивно стремилась укрыться в его тени, от ветра и тревог, от зноя и печали во имя спасения, во имя жизни.

Вот только безопасен ли он для нее самой? Не погубит ли его разрушительная сила ее нежное и хрупкое сердце?

– Не погубит, куда она не предложит его ему, – мысленно ответила самой себе Анна, и закрыла меню, с улыбкой сделав заказ.

– Я и сама была когда-то состоятельна, – неожиданно заявила Анна, сделав пару глотков шампанского и немного захмелев. – Вернее не совсем я, сама я из бедной семьи, мой отец был учителем в женской гимназии, и самой мне пришлось пойти работать гувернанткой, ведь бедной и образованной девушке и податься некуда, а на этой работе состояние не сделаешь, даже в Англии, – горько усмехнулась Анна, и, повертев вилку в руке, неловко положила ее на место, а затем, не глядя на него, продолжила: – Но вот мой муж..., –

и сказав это, она нахмурилась, словно слово это звучало так, как скрежет ножка по слишком гладкому фарфору. – Николай, – поправила она, – Николай был хотя и не богат, так как богаты бывают люди здесь, – и глазами она обвела залу, – но состоятелен, – продолжила она, – и он оставил мне все, так чтобы я могла безбедно жить. Но выходит понапрасну..., – оборвала фразу Анна и грустно умолкла.

– Это печально, мне очень жаль, что так случилось Энн, – отрешенно и неэмоционально произнес Дэвид, и хотя лицо его выражало крайнюю степень сочувствия, но так фальшиво, словно то самое сочувствие и жалость, скорее следовало изобразить в этой обстановке, нежели он испытывал его в действительности.

Но, не обращая внимание, на отсутствие с его стороны интереса к этой теме, словно бес вселился в нее, желая не то зажечь в его сердце жалость и милосердие, не то раздражение и гнев, Анна продолжила:

– Мне следовало все продать, и уехать, именно тогда, когда еще было возможно. Но кто же знал, что все так будет? И потом, даже когда все было дурно, но казалось оставался шанс, и управляющий моего мужа, и верный его друг, а затем и мой управляющий, уговорил меня все оставить, и дело было выгодное и все шло так гладко, как не может идти в жизни. Когда все идет гладко, всегда стоит задуматься, – улыбнулась Анна грустно. – В этой гладкости и есть подвох, – заключила она.

– Ты слишком по-русски пессимистична Энн, – сказал он со снисходительной улыбкой. – Когда все чудесно, незачем искать подвох. И потом, если искать подвох, то непременно его найдешь, потому, как желаешь его найти.

Анна упрямо посмотрела на него сурово, но не возразила, и замолчала.

– Так что же было потом? Управляющий украл все состояние? – спросил Дэвид, отрезав почти сырой стейк.

Анна, не желая выдать чувства отвращения, все же поморщилась при виде того, как он разделявает кровавый кусок мяса, будто дикарь из самых темных времен. Но спохватившись, мгновенно стерла с лица все чувства и продолжила:

– Нет, что ты, Дэвид, как ты можешь так думать, я испытываю такую глубокую вину перед ним. Ведь он, верно, погиб, а как иначе, погиб, спасая мое состояние, и это моя вина, – запальчиво произнесла Анна. – Случилась революция, и мы должны были отбыть, как и требовалось, как и предписывалось. Мы с его сестрой сели на паром, а он остался, уверял меня, что должен остаться, чтобы сохранить и вывести хотя бы не все, но что-нибудь, чтобы было достаточно, для жизни здесь. И я позволила ему это, хотя должна была его уговорить отплыть с нами, оставить эти деньги, ведь никому, никому они не принесли счастья. И я корю себя за это. Верно, его схватили, и арестовали, и Бог знает, что случилось. И он погиб, и деньги не спасли. И в том моя вина, – горестно заключила Анна.

– Знаешь ли ты, где и как проживает его сестра? – спросил Дэвид.

– Как только мы прибыли, наши пути разошлись. Но в этом году, я случайно встретила ее в Париже. Кажется, она удачно устроилась в жизни, не знаю, впрочем, где и кем она работает, но весь ее образ, образ достатка и благополучия. – Верно, судьба была к ней больше благосклонна, – грустно подумала про себя Анна.

– Еще бы, не устроиться ей в жизни, за твой счет, милая, и наивная Энн, – подумал Дэвид, но вслух лишь промычал: – Мммм, – меж тем прожевывая стейк, словно уже потерял интерес к беседе, но отхлебнув шампанское все-таки добавил:

– Кто знает, что случилось Энн, может все совсем не так, как ты думаешь, забудь, не стоит вспоминать.

И словно этой фразой он подвел черту, под воспоминаниями о прошлом, ясно дав понять, что его эта тема не слишком интересует.

Анне вновь стало так обидно и так горько, ей хотелось поведать ему обо всех горестях, что случились с ней, но он был так холоден, и так отстранен, словно ему до всего не было и дела. Может, ему и до нее нет дела.

– Расскажи о своей семье. Я так мало о тебе знаю, – и понимая, что это одна из его самых не любимых тем, Анна намеренно решила зайти на территорию запрета, толи от обиды, толи от злости, и уже не думая о последствиях продолжила: – Где живет твоя жена?

– Жена живет в Глазго, – как ни в чем не бывало, ответил он. – Но для того, чтобы узнать обо мне, не обязательно знать о моей семье. Ты можешь изучить меня, я весь в твоём распоряжении, – лукаво ответил он и улыбнулся.

– А твоя семья? Родители? Есть ли у тебя братья? Сестры? – Анна хотела расспросить и про жену, но все же не решилась, и не потому, что боялась его, она боялась услышать, то, что ее ранит. Он мог бы сказать, что не живет с ней, и ничего к ней не чувствует, а мог сказать и обратное, тем самым после сказанного поставив ее невольно перед выбором, принять унижение или уйти. И зная, что уйти сейчас не будет сил и возможности, она не хотела остаться униженной и растоптанной все также подле него.

– И мать и сестра живут также в Глазго, – коротко ответил он.

– А отец? – переспросила Анна, заметив, что он не упомянул о нем.

– Энн, как тебе утка конфи? – спросил Дэвид, сделав вид, что не слышал ее вопроса. Анна всей своей открытой душой ненавидела его привычку поступать так. Если ему не нравился вопрос, который она ему задавала, он не отвечал на него. Нет, он не обманывал, и даже не констатировал, что не хочет говорить об этом, нет. Он просто не отвечал на вопрос, делал вид, что не слышит его, и сменив тему, начинал говорить о чем либо совершенно другом, будто бы и не было того разговора, который ему пришлось не по нраву. Впервые

столкнувшись с этим, Анна опешила и не поняла в чем дело. Вначале ей даже показалось, что он ее не услышал, может ее голос звучал тихо, или шум улицы заглушал ее голос, и, желая исправить это, она повторила вопрос громче. Но он и тогда не ответил ей, и Анна, наконец, поняла, он просто не хочет говорить на эту тему, и таким образом избегает ответа.

Все это было так чуждо ей, ведь она была открыта и готова ответить на любые его вопросы. Вот только он их не задавал.

И снова сбитая с толку, Анна решила не противиться, и ответила с натянутой улыбкой:

– Очень вкусно.

Но больше не удостоила его ни словом, ни взглядом, пока ужин не подошел к концу.

Даже в поздний час Английский бульвар был по-прежнему полон людей, с той лишь разницей, что все семейные пары, удалились в свои апартаменты, отдав город тем, кто ищет приключений, денег и любви.

В свете фонарей и тысяч окон, не было видно звезд, и лишь одинокий месяц, следил за ними с уставшей улыбкой вечности.

Ужин прошел не так как того желала Анна. Казалось, они отдалились друг от друга, и в эту минуту, не было двух людей, которые были бы так чужды друг другу, словно два случайно встретившихся прохожих, лишь на миг, коснулись рук, чтоб тотчас разойтись навеки.

Уже завтра он должен будет отбыть в Калле, и хотя он пла-

нировал пробыть там всего несколько дней, а затем вернуться, Анну мучало смутное беспокойство. Их связь была столь хрупка, и ненадежна, что казалось, даже такой малой разлуки достаточно, чтобы разрушить ее.

Она не могла не думать, о том, что ждет ее в будущем, уйдя из гувернанток, она волей или неволей поставила себя в зависимость к Дэвиду. И если он решит покинуть ее, оставив в Ницце, ей ничего не останется, как вновь вернуться в Париж, без средств к существованию и без работы, потому как в Ницце она ничто. Не то, чтобы она в Париже что-то значила, но в городе, где каждый третий эмигрант, ей было легче и дышалось как-то проще.

И самое время, попытаться сгладить шероховатости ужина, но она словно окаменела, не было ни сил, ни желания, искать путь к его холодному, остывшему в вересковых пустошах сердцу, и, решив, смириться с тем, что суждено случиться, Анна мысленно распрощалась с ним.

Как вдруг, как только они оказались в конце бульвара, там, где даже вездесущий фонарь, не доставал своей ладонью темноты, Дэвид резко остановился, и нетерпеливо притянув Анну к себе, с жадностью подминая ее, словно гибкую ивовую ветвь, со всей страстью, на какую способен мужчина, поцеловал ее.

Она безвольно и податливо откинула голову назад, покоряясь его силе, а руки переплела на его шее, так тонкий и изгибистый выюн ищет для себя опоры в этом мире полном

ветров и тревог. В тот миг, весь мир с его горестями и бедами, с радостью и счастьем, перестал существовать для них. Был лишь он и она, и губы и руки, и каждое движение в такт.

Сколько до нее целовал он женщин? Как жарко и как страстно любил он других? Анна вспомнила золотистые волны волос Сессиль, ее матово-белые плечи в лунном свете ночи. И ревность, саднящая, где-то под грудью, словно рана, о существовании которой она даже не знал, вдруг отравила этот прекрасный миг, и Анна, желая стереть все прошлое между ними, с упоением и отчаянием стремилась поцелуем показать силу своих чувств, придать все, что было до нее вечному забвению, чтобы он не помнил ни день вчерашний, ни день прошлый, не помнил ни имени, ни лиц тех других, рисуя новое настоящее и будущее только с ней.

Вдруг отстранив Анну от себя, так что на ее лицо теперь падал молочный и бледный свет полумесяца, хотя сам все так же оставался в тени, заговорил. Его низкий голос в приглушенном гуле вечернего города был разлит в воздухе будто шампанское, отчего понять его было так сложно, но так необходимо.

– Послушай Энн, я знаю, тебе кажется, что я слишком закрыт, и не искренен с тобой, но это не так. Правда в том, что я не люблю говорить о прошлом. Да и рассказывать там нечего. Моя мать была так мягкосердечна к мужчинам, и так жестокосердна к нам, своим детям. А отец. Он пьяница. Как человек он был ничтожен и никчемн. Одна лишь радость я

его совсем не помню. И даже сгинул он где-то подле бара. Меня отдали дяде, что с титулом и весом в обществе, а тот и рад был рабу. Вот только окажись я чуть слабее, он бы раздавил меня и выкинул, но я его племянник, выходит той же крови, и я, ведь я из той же горной породы, что и он. И теперь я тот, кто есть сейчас. Почти, что он, за малым исключением. А потому, Энн, не жди от меня, того, кем я не являюсь, и кем не буду никогда. Во мне нет ни интеллигентности, ни благородства, не жди их от меня Энн, и не будешь разочарована.

Анна была обескуражена этим монологом, и на ее молочно-белом лице было и удивление и жалость и вместе с тем отрешенность. Она не знала, как реагировать на его исповедь, и все что ей пришло в голову, это положить руку ему на грудь и чуть слышно произнести:

– Хорошо.

Быть может после этого признания, ей стоило бежать прочь, но она не сдвинулась и с места, быть может, не могла, а может, не хотела.

– Прекрасно, – глухо произнес он, и сменил тему, став хладнокровным и отстраненным, как обычно, как и не было столь личного разговора меж ними, лишь секунду и магия исчезла и снова тон, лишенный эмоций:

– Я завтра отправляюсь в Калле, отель проплачен до конца месяца, но тебе не о чем беспокоиться, я вернусь буквально через пять дней. Затем, мы пробудем в Ницце еще неделю, а потом – Париж.

«Мы», столь желанное местоимение. Сердце Анны радостно забилось от счастья, он сказал именно то, что развеяло ее тревоги. Он вернется, все и впрямь прекрасно. Или нет? Опять сомнения. А вдруг обманет. Но зачем ему лгать. Он не благороден, но честен, и если бы хотел оставить ее, то так бы и сказал, и так бы и сделал. Зачем ему быть с ней против желания, против воли? Из жалости? Из чувства такта? В том нет смысла. Он ничем ей не обязан, у нее нет ни денег, ни связи. Она никто. Зачем еще она нужна, если не из чувств, хотя и едва ли таких сильных, чтобы назвать их любовью, однако же достаточно сильных, чтобы и дальше желать быть с ней.

Ей хотелось молить его: «скажи, что вернешься!». Хотелось кричать и стонать: «Обещай!». Но она смолчала, с ясностью осознавая, как будут унижительно звучать эти истеричные мольбы, как если бы он был ее последней надеждой в жизни. Но даже если это так, едва ли ему нужно знать об этом. Ничто не пугает мужчину сильнее, чем обезумевшая от любви женщина.

Темные воды, без конца и края, безбрежные, бездонные несут ее в неизвестность. Она изо всех сил пытается плыть, но течение настолько сильное, что любая попытка двигаться лишь утягивает ее глубже на дно. Ноги словно налились свинцом, и покорно раскинув руки, она дает потоку нести ее все дальше и дальше от берега. Внизу так глубоко, что, ка-

жется, нет дна, и кончиками пальцев, она чувствует ледяные воды родников, что наполняют океан безбрежный, а сейчас ласкают ее ноги хладом пропасти, куда ее утягивает неведомая сила судьбы.

Анна в ужасе проснулась, и еще не различая явь это или сон, с трудом перевела дыхание. Сон, который преследовал ее всю жизнь, вернулся вновь, она так давно не испытывала этих страшных чувств, что и забыла каково это тонуть, во сне как наяву.

Ранее утро, но только что взошедшее солнце уже требовательно и нетерпеливо и жалит и ласкает своими яркими и острыми лучами, сквозь краешек не задернутой шторы. Анна повернула голову налево от себя, а там никого. Он ушел, оставив лишь откинутую в спешке простынь, да след на подушке. Ушел, не разбудив ее, ушел так тихо, не сказав ни слова, как и не был вовсе. Как и не было той страстной ночи, что значила для нее так много, а для него, наверное, так мало. Обида кольнула где-то в подреберье, и сев на кровать, она грустным и все еще отяжелевшим после сна взглядом обвела комнату. Он ушел не прощаясь, может оттого, что не хотел тревожить ее сон, а может, решил избежать лишних объяснений, расставаясь. Тревога вновь завладела ей, и не в силах оставаться больше в постели, Анна, накинув халат, вышла на балкон. Утренняя прохлада, и жгучее солнце, и так мучительно и так тревожно и растерянно. Целых пять дней до его возвращения, так мало, если посмотреть на календарь, и так

много, если ждать.

Подул легкий морской ветер и с влагой и солью принес воспоминания давно минувших дней...

Холодный, влажный и густой воздух, запах мокрого дерева, дождя, запах земли и чуть примятой травы. Влажный пар, срывающийся с любимых и трепетных губ. Он был похож на встревоженного мерина, такой красивый и благородный, такой утонченный и прекрасный. Николай. Ее любовь к Николаю, была как ранняя заря перед восходом, так скоротечна, так мимолетна, и нежная, и грустная, как только что набравший цвет, на стебле сломленном, и оттого, увядшем. Любовь как память, любовь воспоминанье, и чистое и безупречное, но лишь оттого, что жизнь так и не обретшее. Тогда как чувство к Дэвиду, было таким реальным, осязаемым, не идеальным и не совершенным, но настоящим и вызревшим ко времени. Но разве ж реальности настоящего по силе соперничать с идеалом прошлого?

И так и не разобравшись в своих чувствах, Анна вернулась в номер. Она только сейчас увидела два отельных конверта, с красивым почерком, но с неидеальным французским, и сразу же поняв от кого они, тотчас дрожащими руками вскрыла их.

В первом конверте лежала стопка денег. Ее щеки залились краской, словно ошпаренная стыдом, она сразу же положила деньги в комод, не желая не то, что не держать их, но даже не видеть. Слово деньги те были из раскаленного металла, и

згли ей пальцы. «Как по-мещански, как вульгарно, как плата за ласки», – горько подумала Анна и взяла в руки другой конверт. Тот конверт был с маленькой запиской, буквально из пары слов, вполне в его духе, коротко, без чувств, и лаконично, но так чтоб все было понятно без сомнений:

Энн. Конверт для непредвиденных расходов. Не стал будить. Вернусь через пять дней.

Дэвид М.

В тот день Анна открыла для себя Ниццу заново. Город, казавшийся ей самым прекрасным городом на свете, когда во власти любви она видела все в розовом цвете, для человека одинокого уже таким не казался. Пообедав в скромном кафе, в противовес тем ресторанам, куда ее водил Дэвид, Анна прогулялась по Английскому бульвару, немного посидела на скамейке, рассматривая прохожих с тем же отстраненным любопытством, что и он, будто невольно в его отсутствие, переняв эту привычку.

Март, все больше французов, все меньше англичан, приехавших в Ниццу подобно стае перелетных птиц на зимовку, скрываясь от дождя, сырости и холодов неласковой Британии. Вот прошла французская семья, он высокомерен и чванлив, его недостаток в неизмеримом объеме его талии, она же сухощава и натянута как тетива, трое детей, с большой разницу в возрасте, старшему не меньше шестнадцати, а младшему едва исполнилось три года. – Счастливы ли

они? – Спросила себя Анна, рассматривая их с любопытством, словно на примере других, пытаюсь понять, что есть счастье и как оно должно выглядеть со стороны, коль на себе его представить не было возможности. За ними молодая пара, верно опять французы, она так красива и так свежа, и он, так горд своим трофеем, что обошелся ему не дешево, судя количеству брильянтов на ее тонкой гибкой шее. Два сухопарых англичанина, без дам, из жадности, наверное, – подумала Анна, так как каждый мог найти здесь пару без труда, и лишь скупердяй или бедняк был обречен на одиночество в Ницце.

И снова мысли вернулись к Дэвиду. Кто она для него? Трофей? Или благотворительности акт?

И целых пять дней, и столько мыслей, и столько дум и нет ответа на вопросы. Находясь в водовороте событий, ты принимаешь решения спонтанно, руководствуясь скорее эмоциями, чем разумом, и так легче. Но остановившись, осознаешь, пришло время все обдумать, и принятые тобой решения прошлого и выбор будущего, вот тут и начинаются мучения. И мы, люди, ошибочно полагаем, что разум должен нам указать верное решение, тогда как по большей части, он лишь ввергает нас в пучину сомнений, не давая ответов, а единственные верные поступки мы совершаем лишь сердцем и никак иначе.

– Простите за беспокойство, – чей-то приглушенный голос окликнул ее, а плеча коснулась сухая твердая рука.

Анна испуганно обернулась. Перед ней стояла женщина, лет пятидесяти, ее черты лица казались ей знакомы, но от неожиданности, она не могла понять, где и когда ее видела.

– Прошу прощения, что напугала вас, – деликатно извинилась женщина, и присела на скамейку рядышком с Анной. – Я так рада, что увидела вас, не иначе чудо, ведь я так много думала о вас с той ночи и даже поручила мужу разыскать вас, чтобы отблагодарить.

– Фрау Остеррайх?! – удивленно воскликнула Анна, наконец, узнав, в сухих и прямых чертах лица, немку с соседней виллы, пожар на которой так круто изменил ее жизнь.

– Да, это я. Как я рада, что вы сами узнали меня, и мне не пришлось объяснять, то что объяснить порой не просто. Но зовите меня просто Эдельтруд, – попросила ее фрау Остеррайх.

– Как вы поживаете?? Как чувствует себя ваш муж? Мне так хотелось узнать о вашем самочувствии, и я хотела, но события в жизни, словом, мне не удалось, – сбилась Анна, с трудом подбирая нужные слова, и не зная, о чем сказать можно, а что говорить не стоит. Анна с сочувствием посмотрела на Эдельтруд и с облегчением осознала, что растерянна и взволнованна не меньше ее самой.

– Не хотите ли пройтись? Мне, кажется, нам будет легче обо всем поговорить? – спросила ее фрау Остеррайх и резко поднялась со скамейки.

– Да, конечно, если вам будет угодно, – растерянно согла-

силась Анна, и послушно последовала за фрау Остеррайх, чей шаг был широк, размашист и решителен в противовес коротким и робким женским шагам Анны.

Но Фрау Эдельтруд так и не произнесла ни слова, пока они не дошли до конца Английского бульвара, и лишь остановившись в том месте возле парапета, где не было ни души, Эдельтруд, наконец, глядя прямо в глаза Анне заговорила:

– Мы вам так благодарны, если бы не вы, я даже не знаю, мне страшно представить, что случилось бы, – с чувством произнесла фрау Остеррайх и взяла хрупкую ладонь Анны в свои узкие сухие, но крепкие руки.

– Вам не за что меня благодарить, скорее это Дэвид..., – споткнулась на полуслове Анна и быстро поправила себя: – месье Маршалл. – Анне отчего-то не хотелось, чтобы фрау Эдельтруд знала об их связи, прежде всего потому, что в глубине души все же стыдилась своего статуса, а может оттого, что и вовсе не была в этом статусе уверена. К счастью фрау Остеррайх была в океане своих собственных мыслей и эмоций, так что не заметила, как Анна, назвала месье Маршалла фамильярно по имени, впрочем, она ее и не слушала.

– Если вы здесь, – продолжила Эдельтруд, – значит, вы больше не работаете у Жикелей, так как я точно знаю, что еще вчера они отбыли в Париж.

– Да? – безучастно переспросила Анна, возвращаясь мыслями вновь к Дэвиду.

– И я очень этому рада, потому как, пожалуй, нельзя най-

ти во всей Франции, более бесчестных людей, чем эта ничтожная семья! – со злостью воскликнула фрау Остеррайх.

Анна удивленно посмотрела на взволнованную Эдельтруд, но возражать не стала, лишь внимательно всматривалась в уставшее, осунувшееся и злое лицо немки. Честно признаться меньше всего ее сейчас волновала семья Жикелей, все ее мысли были поглощены только Дэвидом и ее собственной судьбой. И была б она чуть посмелее, то тотчас прервала бы эту беседу, и, откланявшись, удалилась, сохраняя свой хрупкий покой, но чувство такта и милосердия, словно путы, не дали ей двинуться с места, и она покорно чуть наклонив голову вправо, продолжила слушать фрау Остеррайх.

– Хотя, во всем виноват мой муж. После поражения в войне и краха Империи, Хуго, был так подавлен, он отдал все, для величия Германского рейха, и после такого предательства, он не имел в себе моральных сил оставаться там, и я его понимаю, но переехать во Францию, где тебя будут ненавидеть и презирать. Глупец. И я пыталась отговорить его, но он меня не слушал. И конечно, как я могла его оставить, я поддержала его, хотя и не была согласна, ведь это не безопасно, не безопасно ни для меня, ни для детей. К счастью, мы уезжаем, – вдруг неожиданно воскликнула Эдельтруд, а ее сухие руки дернулись к покрасневшим от гнева щекам. И эта краска ярости была единственным подтверждением, что под сухой, как пергамент кожей еще теплится жизнь, а сердце снабжает тело кровью.

– По правде я вас совсем не понимаю ..., – едва слышно произнесла, сбитая с толку Анна. Она не могла понять, какое все это имеет отношения к ней. Может фрау Эдельтруд нужно было просто выговориться, что ж, тогда она выслушает ее, и поддержит, вот только едва ли ей это по силам, ее жизнь итак находилась в хаосе и сумятице, так что чужой беспорядок, едва ли был ей подвластен.

– Сейчас, сейчас, – торопливо продолжила Фрау Эдельтруд. – Как только мы приехали сюда, нам начали поступать угрозы, чтобы мы убирались отсюда. Анонимно конечно. Угрозы трусливые, угрозы подлые. Нас пугали расправой, мстью. Сначала мы не придали этому значения, подумали, что это связано с войной, и воспоминания еще свежи, и потому люди так озлоблены и не рады нам, что ж их, можно понять, – замешкалась фрау Остеррайх. Но нет же! Все дело в Вилле! Месье Жиккель хотел купить соседнюю виллу, чтобы избежать ненужного соседства, а затем переоборудовать ее в домик для гостей. Но так случилось, что ее купили мы, и он был вне себя, он кипел от злости. И он, злой и подлый человек, не смирился с этим. О нет! Он пытался подговорить местных жителей, но никто не согласился, тогда он подыскал подлеца в Ницце, чтобы тот устроил поджог. Нет, не тот, что вы наблюдали, а самый первый. К счастью тогда мой муж вовремя их обнаружил, и нам удалось избежать трагедии. Ах, надо было тогда покинуть Теуль, но мой муж так упрям, и если чем-то одержим, то никогда не остановится до той поры

когда уже не станет слишком поздно. Словом, спустя неделю все повторилось, и тогда уже нам не удалось предотвратить пожар, и мы потеряли виллу. Но только благодаря вам, Хуго жив, если б не вы, мне даже подумать страшно, чтобы стало, – и она с чувством сжала ее ладони, желая этим жестом показать как благодарна она Анне за спасение.

Анна растерянно смотрела на Эдельтруд, и, цепляясь за то доброе, что она хотела и желала видеть в людях тихо произнесла:

– Быть может вы ошибаетесь? Быть может это все лишь несчастный случай.

– Ах, Анна! Как вы наивны! Они во всем признались! Поджигатели! Хотя, конечно, полиция все замяла! Сказали это окурок! Откуда ему взяться, если никто в нашей семье не курит! Ложь! И теперь лишь сгоревшие развалины, и если бы не вы! Не было бы и моего упрямого, но любимого мужа!

– Но вам лучше благодарить месье Маршалла, именно он спас вашего мужа, от меня там проку было мало.

– Дэвида Мршалл? Ха! Как бы не так! – гневно воскликнула Эдельтруд, а ее глаза сверкнули ненавистью. – Этот подельник, дружок Жикелей, проходимец и бандит, именно он подговаривал местных, не удивлюсь, если это его идея. Редкий мерзавец. Мой муж навел справки о нем. О-о-о-о, какая дурная слава следует за ним, столько бесчестных дел в колониях, столько бед он принес людям, там, на далеких землях. Не здесь, конечно, не здесь, здесь все британцы сплошь по-

рядочные люди. Вы только посмотрите, как они важно ходят по Английскому бульвару, названному в их честь. Как бы не так. Что ж, этого следовало ожидать, откуда же по-вашему его состояние, если родился он без гроша?

Анна побледнела, отпрянула и прошептала:

– Не может этого быть, вы ошибаетесь, я уверена. Уверена, он не имеет к этому никакого отношения.

– Держитесь от него подальше, Анна, – назидательно произнесла фрау Остеррайх, – кто знает, на какие еще бесчестные поступки способен этот бессовестный человек.

Голова Анны закружилась от услышанного. Мир, тот мир, прекрасный и восхитительный, что рождался на пепелище ее жизни, вдруг рухнул за одну секунду. Все, что она думала, все, что она нарисовала в своих мечтах и желаниях об этом человеке, оказалось ложью. Теперь все его фразы и молчание, все сказанное, а главное не сказанное, приобрело истинный смысл. «Не думай обо мне хорошо Энн», – стучало в ее ушах. О, как наивна она, и как она глупа, и это после всего прожитого и перенесенного. Жизнь ее, верно, так ничему и не научила. Ни понимать людей, ни разбираться в них, она так и не стала. И это после стольких лет одиночества, после стольких отказов, когда бы своим согласием она бы смогла поправить свое положение и жизнь, она отдала сердцу не благородному рыцарю, а не достойнейшему из не достойнейших.

Видя, как побелело лицо Анны, Эдельтруд Остеррайх, ис-

толковала этот знак по своему, а именно как признак чрезмерной чувствительности собеседницы, принимающий чужие беды, как свои собственные, ибо не могла знать и догадываться, что за несколько дней произошло так много изменений в жизни простой бедной гувернантки из России. И стремясь утешить ее и успокоить, фрау Остеррайх взяла Анну за руку и уже материнским, но назидательным тоном продолжила:

– Но вам не следует слишком расстраиваться, Анна, главное, что вы больше не работаете у этих людей. Не так ли?

Анна лишь кивнула головой в знак согласия, не в силах произнести ни слова. Знала бы Эдельтруд, что о Жикелях она даже не вспоминала.

– Есть ли вам куда пойти? Где вы намерены теперь работать? – участливо спросила фрау Остеррайх.

– Я еще не думала об этом, – ели слышно произнесла Анна.

– Это печально и вместе с тем я даже этому рада, потому как мы вам так обязаны и признательны! Но теперь, мы можем отблагодарить вас! – с энтузиазмом воскликнула Эдельтудра. – Позвольте же дать вам адрес. Моя родственница фрау Мемингем нуждается в помощнице, она стара, и оттого плохо видит, но по-прежнему активна, и ведет переписку со многими людьми, кроме того не слишком хорошо знает французский, хотя и прожила уже большую часть жизни здесь. Впрочем, не мудрено, уж слишком вычурный язык.

Словом, я вам дам адрес, в Париже, и дам рекомендации. И если вы надумаете воспользоваться ими, я буду только рада. Это было бы прекрасной работой, для такой достойной и трудолюбивой женщины как вы. Я видел, а как вы терпеливы, с этим несносным мальчишкой Матье, – шепотом произнесла Остеррайх, наклоняясь ближе к Анне, – быть может излишне мягкосердечны, что едва ли шло на пользу маленькому хулигану, – уже назидательно, не преминула добавить фрау Эдельтруд, – но в том едва ли есть ваша вина. В каждой семье свои порядки, и едва ли чужой уклад жизни подвластен нам, – уже мягче добавила фрау Остеррайх.

Анна удивленно подняла на фрау Эдельтруд глаза, с трудом понимая все, что та говорила, но при том, с ясностью услышав: «излишне мягкосердечны». О, да! Излишне мягкосердечна, эта фраза звучала почти как «слишком глупа» или «слишком наивна», а может и то и другое вместе.

Фрау Эдельтруд видя замешательство и растерянность на лице Анны, поспешно сунула ей аккуратно вырванный лист блокнота с адресом фрау Мемингем, и вложила его в лежащую безвольно руку Анны, а своей рукой сжала ее ладошку в кулак.

– Мы с Хуго частые гости у Ангретт Мемингем, так что если вы примите мое предложение, непременно еще свидимся! А сейчас мне пора, – заявила Эдельтруд, и пожав в чувствах руку Анны еще раз, в которой все еще лежала записка с адресом, тем самым распрощавшись, поспешно удалилась,

оставив Анну в хаосе мыслей и беспорядке чувств.

Казалось, в этот миг весь мир стал враждебен. Краем глаза она уловила чей-то непрошенный взгляд. Анна повернула голову вправо – никого. Лишь влюбленная пара так поглощенная друг другом, что совсем не обращали на нее внимание. Слева и вовсе не души. Может ей лишь померещилось. Все кружилось и вертелось как на дьявольской карусели. И все что копилось годами, все тяготы и горести пережитого, словно тонны воды с небес обрушились на нее в одночасье. Она была растеряна и сбита с толку, ибо человек, на которого она возлагала надежды, цепляясь как за соломинку в этом чужом мире, оказался не тем, кем она думала и кем его желала видеть. Но едва ли в том была его вина. Она сама во всем виновата, именно она выдумала человека, которого нет, влюбилась в него, а теперь разочаровалась в образе, что жил только в ее воображении. Разве ж он обманул ее? Вовсе нет, она обманывала саму себя и только.

И находясь в смятении чувств, внутри лавины эмоций, мешающих и рассуждать и думать и принимать решения с ясностью и четкостью, она ведомая, как и прежде не разумом, а чувствами, поспешила в отель, чтобы как можно скорее собрать чемоданы, и исчезнуть из Ниццы. Она желала как можно скорее забыть все, что случилось, забиться в угол, будто она маленькая мышка, беззвучно и бессловесно. Жить тихой и невидимой жизнью, пока судьба ее не оборвется по воле случая или по воле небес, будто бы она и не жила никогда. И

будто бы не было такой Анны Лемешевой, не было ни горестей, ни радостей, ни любви, ни расставаний. Жизнь маленького человека невидимки, переносящего незримо все беды и исчезающего в водовороте времени, похожем на морскую воронку, поглощающая навечно все что было, есть и будет. Без следа.

Энн спала глубоким и тяжелым сном, а заря рассыпалась на ее лице мягким и прозрачным светом. Он последний раз взглянул на тени от пушистых ресниц, медленно скользящие по ее лицу в такт пробуждающегося солнца, немного замешкался, испытывая непреодолимое желание пробудить ее, но, так и не решившись, положил два конверта на прикроватный столик и вышел. Убедив себя, что вернется всего через пять дней, что ни к чему драма расставания, если они увидятся так скоро, Дэвид поспешил на вокзал. Верх над ним и его желаниями неизменно брала практичность. Он мог бы взять Энн в Калле, но не сделал это намеренно. Чувство, которое поглотило его, вместе с радостью приводило его в замешательство и даже досаду. Он так долго жил в определенном порядке, ни к кому не привязываясь и ничем не тяготясь, оставаясь лишь на время, а уходя, не вспоминая, что сейчас, поняв, что все иначе, не мог бы сам себе признаться, что испугался. С ней, он думал только о ней, и это наполненность сознания кем-то другим, а не самим собой, было приятным и вместе с тем раздражало, как любая другая зависимость.

И как водится для того, чтобы понять то или иное явление, нужно от него отстраниться, так как, находясь в сердцеви- не и эпицентре событий, в вихре и водовороте чувств, по- нять их истинную природу невозможно. Вот только одного он не предвидел, что было слишком поздно, и чередой собы- тий, которым суждено было случиться, уже случились, так что все попытки, нарушить тот ход вещей, которому пред- решено произойти, лишь навредят и нарушат правильный и верный ход судьбы, тот, что и был задуман в тот миг, когда мы, родившись в первый раз смотрим на этот странный и непостижимый мир в бесплодных попытках его понять.

Но вот минули три дня. Три дня в Калле без Энн, для Дэвида что вечность. Он уже трижды пожалел, что не взял ее с собой. С другой стороны время и расстояние действи- тельно помогло увидеть чувства и события такими какие они есть, и либо понять их ненужность и неважность, либо ост- ро и болезненно ощутить их необходимость. А чувства к Энн не только не начали угасать, но и превратились в стран- ную, до того момента неизведанную тоску. Он даже назвал ее «русской» тоской, потому как всем своим сильным креп- ким, словно сотканным лишь из промозглого ветра и грубо- го камня британским организмом не чувствовал такого ни- когда. Это было похоже на инфлюэнцию, завезенную с дале- кой и вмерзшей в снега большой ледяной земли. И ни лекар- ства, ни спасения.

И каждый раз, видя и восхищаясь чем-то, он ловил себя

на мысли, что невозможность разделить это счастье с Энн, делает это нечто не таким уж интересным и не таким уж привлекательным, а попросту ничтожным. И не имея силы больше ждать, купил билет, хотя бы на день раньше.

Отправной точкой железнодорожного маршрута Калле – Ницца был Морской вокзал. Там поезд забирал прибывающих паромом британских пассажиров, лишь минуту назад пересекших Ла-Манш и отправлялся в путь точно по расписанию в час дня. В этот день пассажиров было крайне мало, зимний сезон заканчивался в марте, так что большая часть британцев стремилась вернуться на острова, и лишь их малая часть, вопреки общему течению, прибывала на Лазурный берег в летний сезон.

Но что-то пошло не так и даже в три по полудню поезд еще стоял на месте. Утомленный бесплодным ожиданием, Дэвид в раздражении покинул свой спальный вагон, в желании размять ноги и сменить перед глазами уже порядком надоевший рисунок гобелена на стене. Там в коридоре поезда он столкнулся лицом к лицу со странной парой, по всей видимости, также как он, решившей немного прогуляться перед тем как поезд, наконец, тронется. То была дама преклонных лет в сопровождении своей дочери, чье сходство с матерью не оставляло сомнений в их близком родстве. Пожилая дама, быстро сообразив, что их вагоны находятся рядом, и, подметив, что Дэвид один, стараясь как можно деликатнее, одернула дочь, стремясь привлечь ее внимание к мужчине. Этот

старый как мир трюк, правда, не укрылся от зорких глаз Дэвида и он учтиво, но сдержанно поприветствовал их. Молодая женщина на его голос тотчас обернулась и робко и смущенно улыбнулась ему в ответ, но увидев его холодность и отстраненность и полное отсутствие интереса к ней, сошла в лице и, поджав губы резко отвернулась.

Не то чтобы эта молодая женщина была так уж неприятна Дэвиду, хотя, конечно, едва ли ее можно было назвать привлекательной, в полной мере этого слова. Правда была в том, что она была не Энн. Перед глазами Дэвида тут же возникло ее нежное лицо, с кроткими, округлыми глазами, и глянцевый свет тонкой кожи, под белой как снег кожей. Он вспомнил жар ночи, а пальцы помнили желанные изгибы тела.

– «Ах, Энн», – и с этим тяжким вздохом он быстро скрылся в своем спальном вагоне, не одарив попутчиков даже лишним взглядом.

И все же поезд тронулся, хотя, казалось, это уже никогда не случится, и Дэвид наконец испытал облегчение, потому что все эти дня находился в замешательстве и неопределенности, пусть и принятого, но еще не случившегося решения. Когда же колеса своим мерным постукиванием начали отсчет времени, с каждым ударом, приближая его к Энн, он испытал странное, но все же счастье.

Расслабившись и взяв газету в руки, он приготовился насладиться путешествием, как вдруг хлопок и грохот, оглушили его. Все завертелось, закружилось, вагон так резко на-

кренился, затем подпрыгнул и с громким скрежетом и стуком ударился о землю.

Темнота. На секунду он потерял сознание. С трудом пытаясь открыть глаза, он почувствовал жжение на веках, и, не имея сил терпеть этот дискомфорт, закрыл их вновь. Он попытался встать, но не смог. Через секунду Дэвид сделал еще одну попытку, но снова безуспешно, и в изнеможении от непомерных усилий и слабости, резко откинулся на спину, чуть ударившись затылком. Боли он не чувствовал, лишь страх и ужас, однако же скорее от неизвестности, и непонимания, что происходит, нежели от мыслей о дурном. Где-то совсем рядом, он услышал истошный женский крик, и стоны, и чей-то тихий плачь, сам же он молчал, и не смог бы произнести и звука, до того он был оглушен и потрясен случившемся.

Наконец открыв глаза, сквозь нечто, похожее на песок, засыпавшего все его лицо и тело он с трудом, но смог сесть. Инстинктивно потянувшись к лицу, он с удивлением, но уже без страха, увидел, что все его руки и лицо в крови. С трудом пытаясь понять, откуда кровь, он провел по затылку – ничего. Провел по груди – все в порядке. И только тогда понял, что сломан нос. Он облегченно выдохнул и попытался встать, но не смог. Ноги разъехались как у новорожденного ягненка и с громким стуком он упал всем своим тяжелым и тучным телом на пол. Только тогда Дэвид почувствовал во всем своем до того момента крепком теле распирающую и

раздирающую на части нестерпимую боль. Он глухо застонал, и вновь потерял сознание.

В следующий раз он пришел в себя, уже когда его куда-то несли на носилках. Он не смог открыть глаза, но попытался даже пошутить, о том, сколько же человек понадобилось, чтобы его нести, и словно пьяный, не желая заканчивать банкет, даже попытался встать и идти, но чья-то грубая рука бесцеремонно толкнула его обратно на носилки. Он даже попытался сопротивляться, но слабость и боль сломали его и он покорно и даже с облегчением подчинился. Сознание как обломки, сцены до крушения, во время, лицо Анны со спутанными после ночи темными, как траур волосами. Нестерпимая боль вновь пронзила все его тело, и он опять погрузился во мрак.

Одурманенный опиумом и болью он то выныривал из глубоких темных вод сознания, то погружался в самый мрак, где зловещие образы пугали и мучали его без жалости и устали.

Пришел в сознание он только ночью, уже в больничной палате. Не открывая глаз, он чувствовал сквозь плотно сомкнутые веки тусклый желтый, как лихорадка свет, едва ли в полной мере понимая, где он.

Дэвид слабо и едва слышно, простонал:

– «Воды», – и, не надеясь, что ему ответят, уже готов был вновь погрузиться во тьму сознания, как вдруг к нему подошла женщина. Она что-то нежно сказала, но он не расслышал, и, кажется, ушла, но только чтобы через минуту вер-

нуться. Она дала ему сделать лишь пару глотков, хотя он с жадностью заплутавшего в пустыне странника готов был осушить этот сосуд до дна, и мягко, но твердо сказала:

– Вам больше нельзя.

Рукой он дотронулся до ее руки и сомкнул свою ладонь вокруг ее хрупкого запястья. Ее тонкие руки, так напоминали Энн. И он глухо и отчаянно застонал:

– Анна... – впервые назвав ее имя на русский лад.

Медсестра ласково, но твердо произнесла:

– Отпустите. Вы же не один здесь. Я должна позаботиться и о других, – и с этими словами твердо высвободила свою руку из его ослабших ладоней.

Дэвид с неохотой подчинился, испытав при этом такую глубокую обиду и отчаяние, которую уже сейчас в глубине своего сознания знал, не забудет никогда, и в ту же минуту вновь провалился во тьму.

Лишь через три дня он пришел в сознание так, чтобы осознавать все вещи ясно и четко, и, приручив боль до той степени, чтоб не нуждаться больше в опии, первым делом огляделся вокруг. Узкая кровать, прикроватный столик с неизвестными жидкостями в темном стекле на радостях алхимии, но едва ли на пользу ему самому. Стены в цвет тоски, да потолок в цвет отчаяния, вот и вся обстановка.

Из разговоров с врачом, медсестрой, а также со своим помощником, который первый появился его повидать, он восстановил по крупицам картину произошедшего. Оказалось,

не было ни взрыва, ни хлопков, а все это не иначе как плод его воображения в свете перенесенного шока. Поезд просто сошел с рельсов, вот так банально, но так бывает. Жизнь и будущее стольких людей было перечеркнуто всего лишь незначительной, но значимой для человека случайностью.

Оказалось, что не только лицо было его разбито, но и ребра и левая нога были сломаны, не говоря уже о мелких ссадинах и ушибах, которые покрывали все его крупное, но теперь обессиленное и никчемное тело. Даже самые простые и привычные вещи теперь были ему не доступны. Он нуждался в других и это для его сильной и независимой натуры, было худшим из испытаний. Он был растерян и раздавлен, он чувствовал себя уязвимым и зависимым, он который привык быть хозяином положения, теперь был беспомощен как новорожденное дитя. Все, что он в жизни воспринимал как данность, как нечто само собой разумеющееся, теперь же казалось ему недоступным благом и даром небес. Ничто не давалось ему больше бесплатно, и каждый свой день он должен был заработать невероятными усилиями, каждодневной и изнуряющей работой над собой. Ему заново пришлось учиться сидеть, стоять, ходить, и краткий путь от койки до стены был тяжек, долог и не прост.

Но это потом. Первым делом он должен найти Энн. Так что в противовес обычным своим распоряжениям, он поручил своему помощнику не разобратся с финансами, а ехать как можно скорее в Ниццу и найти Энн.

Именно теперь, вот так, лежа недвижимо, он понял, как страстно он любит ее и как сильно она ему нужна.

А пока ее нет, он должен приложить все усилия, чтобы стать прежним. Меньше всего ему хотелось предстать перед ее глазами таким слабым и беспомощным, какой он сейчас. И думая, будто силе воле и характеру подвластно все, приложил немало сил впустую, но встать с кровати смог лишь на четвертый день. И опираясь на дрожащие руки и обливаясь потом, он впервые в жизни почувствовал себя не властителем и хозяином своей жизни, а тряпичной куклой на тонкой леске, дрыгающей ногами и руками, в попытках быть самостоятельным, тогда как в реальности, любое его движение не иначе как прихоть хозяина за ширмой.

– Вам помочь? – услышал он участливый голос.

Подняв глаза, он увидел высокую и сухую женщину, лет тридцати. В ее спокойных голубых глазах читалось беспокойство и тот род человеческой жалости, что именуется «материнским», когда улыбка сочувствия и наклон головы вправо, будто говорит: «мой бедный, бедный, глупый малыш, ты снова разбил колени». Уже через минут он узнал в ней, ту самую женщину, лицо которой, он видел последним, перед тем самым злополучным крушением вагона, так резко и так жестоко изменившим за секунду всю его жизнь.

– Спасибо, я справлюсь. Просто сегодня первый день, когда я пыта.., – оправдываясь неуверенно произнес он, но и голос, будто не слушался его и оборвался сразу же на полу-

слове.

Его неуверенный голос и легкая дрожь в руках прозвучали для нее как приглашение, и она, как если бы знала его давно, села рядышком, словно самый близкий друг и уверенно беря беседу в свои руки, произнесла: – Вы можете на меня опереться, – и нисколько не смущаясь, по-матерински подставила ему свое плечо.

Он удивленно посмотрел на нее, но все же остался недвижим. Затем, немного помолчав, уже увереннее спросил:

– Вы были в том же вагоне. Я помню. Как ваше самочувствие? Как ваша матушка?

Она расплылась в улыбке, польщенная его участием и радостно заговорила:

– Мы совсем не пострадали, и это ли не удивительно? Ведь и я, и мама, равно как и вы, были в самом пострадавшем вагоне, но, поверите ли? Почти ни царапины! – Торжественно произнесла она, но уже через минуту добавила: – Матушка, конечно, была напугана, такие события в ее почтенном возрасте. Кажется у нее легкое сотрясение, так что она еще в больнице, но если доктор будет не против, ведь ничего серьезного нет, сегодня же ее выпишут.

– Это прекрасно, – сухо заявил Дэвид, испытав колкую зависть, к этим двум особам, особенно к той, что была на четверть века его старше и осталась невредима, когда же он, сильный и крепкий, разбит в щепки, будто корабль, разбившийся о скалы.

Она рассказывала о себе, о своей матери, об отбившем в мир иной отце. Он узнал о ней, и об ее родне за полчаса почти все, что ему надо и не надо было знать. Ее голос, монотонный и крепкий, как жужжание летнего насекомого был приятным, как проявление всего живого на земле, но вместе с тем вызывающим раздражение, когда ты немощен и так несчастлив. Уставшая голова стала почти чугунной, и он, желая прервать поток ее сознания резко спросил:

– Вы не представились.

– Элен, – и на ее сухом лице, вспыхнул юный румянец старой девы.

Он и сам не смог сдержаться и уже забыв, что еще секунду назад испытывал раздражение и даже злился на нее, невольно откликнулся на этот знак смущения и невинности и, улыбнувшись очаровательной улыбкой джентльмена, сделал знак рукой, будто снимает, несуществующую шляпу галантно представился:

– Дэвид Маршалл, – и этого слабого отклика с его стороны было достаточно, чтобы с того дня она посещала его каждый день вплоть до самой его выписки из больницы.

Она окружила его такой материнской лаской и вниманием, что он, не желая того, сдался, со смирением и благодарностью, принимая ее заботу, потому как после двух известий за неделю чувствовал себя поверженным, одиноким и разбитым и как никогда нуждался в человеческой поддержке. Что ж, неудачи и одиночество, порой толкают нас в объятия тех,

кого мы, в силе и благополучии даже не замечаем.

Первым подорвало его настроение письмо из дома. Жена справлялась о его здоровье, и, казалось бы, даже проявляла жалость и сочувствие по поводу случившегося, но лишь до третьей строчки. А дальше было следующее:

«... если Дэвид, почувствует себя так плохо, что это, можно будет расценивать как знак скорой кончины, то было бы лучше распорядиться финансами до того момента, как он отбудет в мир иной, чтобы не создать лишних хлопот с наследством».

Словом смысл этих слов был в том, что если Дэвид находится на смертном одре, то ему стоит передать ей все финансы незамедлительно, не дожидаясь своей кончины.

Это письмо не стало для него откровением, не стало оно и сюрпризом, и получи он его в любой другой ситуации, он бы его даже не заметил, но сейчас, когда он так уязвим, оно стало ударом в самое сердце, и если не в самое сердце, то точно совсем рядышком, если конечно оно у него еще существовало.

А после второго известия о бесследном исчезновении Энн, он убедился, что он такой же, как и все, и сердце его на месте, потому как что-то же болело так сильно и так отчаянно, аккуратно, справа от желудка, в самой глубине груди.

Она бросила его, исчезла с деньгами, в этом не было сомнений. Энн никогда не испытывала тех же чувств, что и он, как бы не было горько это признавать, он был вынужден

принять эту мысль.

Дэвид в своей жизни намеренно избегал слова «любовь». Не только потому, что за сотни и тысячи лет его использования оно было затерто другими, превратившись в затвердевший и недвижимый, прекрасный и неживой реликт, но и потому, что не был уверен в его существовании. И пусть он не называл это чувство любовью, однако сила этого чувства, то, как оно было значительно и как велико в груди, заставляла его искать эквивалент словом, как требует имя, только что рожденный. Но так и не найдя для его обозначения ничего путного, скрепя сердцем и вопреки своему желанию, вынужден был примкнуть вновь, как люди до него, и как люди после, к слову «любовь». И приняв в свое сердце это чувство, понял, что любит ее, и произнес для себя «Люблю».

Вот только Энн его не любила. Она лишь терпела его присутствие с собой, от безысходности, а может из корысти, либо есть другой мотив, которого он, правда, не смог найти. Не смог найти и потому, что не желал себе признаваться, в том, что виноват в ее уходе сам. Своей отстраненностью, закрытостью и отчужденностью он ширил бездну между ними. И возьми он ее с собой в Калле, может так они и были бы вместе... Но это чувство виновности и ответственности за грустный и трагический исход их чувств, был настолько ему невыносим, что из чувства самосохранения и ради равновесия внутри, он возложил вину за расставание и расстояние на Энн, обвинив ее и в корысти и в холодности и в том, что

она с самого начала желала лишь использовать его, и, создав образ, так отличный от того, кем она была, и какой он ее знал, сам в этот образ и поверил.

Когда же Дэвид осознал, что совсем один, ненужный, жалкий и беспомощный, он схватился за заботу со стороны Элен, с отчаянием утопающего, и, видя в ее глазах и обожание и восторг, ответил ей, если и не взаимностью, то принятием ее чувств, и заботы о себе, так как явственно в них нуждался и душой и телом, как в лекарстве. Конечно, его пугала отчаянная одержимость ее чувств, сквозившая в каждом ее жесте и поступке к нему, но после того, как Энн оставила его, обожание и фанатизм Элен стали лечебным для его попорченного самолюбия. Кроме того, Элен была достаточно богата, принадлежала к тому же кругу общения, что и он, а, следовательно, ее нельзя было обвинить в том, что она с ним из корысти, так что как два вида одной птицы, они с легкостью нашли и общий язык, и общие интересы, и все бы ничего, если бы он ее любил.

Дом фрау Мемингем был оплотом немецкого порядка в пестром интернационале и хаосе девятого квартала Парижа. Без пылинки, с зеркально начищенным полом, и чистыми и прозрачными, как горные озера стеклами, в доме Мемингемов было душно и мрачно как в подземелье.

Как позже оказалось, фрау Эдельтруд приходилась племянницей ныне покойного мужа фрау Мемингем, и в отсутствие детей, после его смерти, фрау Аннгрет, перешедшие

ей по наследству текстильные фабрики передала в доверительное управление Хуго Остеррайху. Все шло прекрасно, но лишь до той поры пока война не приключилась, хотя если быть точным, не приключилось поражение. А за ним Веймарская республика и вынужденная эмиграция. Тем не менее, несмотря на более чем дальнее родство, фрау Аннгрет и фрау Эдельтруд были куда ближе, чем мола подумать Анна, потому как связаны они были не только узами крови, но и узами бизнеса, которые подчас куда крепче кровных, а тяготы и беды стали цементом, сплотившим их в один гранитный монолит.

Анна и сама не могла взять в толк как случилось, что она прижилась в этом чуждом немецком мире, но фрау Аннгрет благосклонна приняла ее, и даже распространяла на нее некое свое благоволение, впрочем, Анна считала, что этому есть вполне простое объяснение. Фрау Аннгрет плохо знала французский, и, выбирая между французской помощницей и русской, в отсутствии возможности нанять немку, предпочла вариант второй, так как первый, считала для себя неприемлемым и неудобоваримым ни при каких обстоятельствах.

Конечно, она третировала Анну, так как может третировать только злая и сварливая старуха, но Анна, словно разбитый яростным штормом корабль, была глуха и слепа к чужой тирании, погрузившись в себя, в мир воспоминаний и прошлого.

Порой ей казалось, что она теряет связь с реальностью, с

трудом различая, где день ушедший, а где день сегодняшней. Старуха Мемингем виделась ей старухой Лаптевой, а фрау Эдельтруд, том самой купчихой Кузнецовой. Мир, словно перевернулся в зеркальном отражении, и она там, откуда так долго и отчаянно стремилась сбежать. И мысли и воспоминания, движущиеся, казалось бы, линейно, от событий давно минувших к событиям недавним, в действительности замыкаясь, возвращались к точке отсчета, где бричка несла ее от отчего дома в жизнь.

Матушка, батюшка, Николай, лишь память, а не станет ее, не станет и памяти, не станет и их, не оставив и следа, сгинут в морской воронке времени, и никто не будет знать что жили такие люди, где-то в далеком сибирском уездном городе Б., в тени вислых золотых берез.

Не будет прошлого, не будет и воспоминаний, как с батюшкою за руку, ходили через поле в лес, как матушка, смахнув слезу, смотрела уходящей бричке в след, не будет того поцелуя, когда казалось сердце воспаряет ввысь, туда где небо голубое, такое голубое, будто озеро, что можно вверх упасть, не будет памяти о едком чаде от догорающей свечи, предвестника печали и прощанья, когда рука родного человека остынет будто лед. Прощальные слова, такие недвижные и нет в них смысла, и только лишь огарок от свечи. Закрыв глаза. И пустота.

Словно желая вынуть из себя эту тоску по Родине, и взять в руки, и пестовать и баюкать, будто свое дитя, предаваясь

страданию, она порой посещала русский квартал. А там, в иссиня-желтом угаре, полуголодные русские эмигранты топили свое горе в прозрачном как жидкое стекло спирту. Те, кто были сплошь богачи, теперь лишь сплошь таксисты, где добродетель, пустота, где бедность и отчаяние, как правая и левая рука, Анна думала, что, пожалуй, несмотря на все ее роптания, можно сказать, что судьба была к ней благосклонна. И она, сетуя и гневаясь на участь, цела и невредима, там, где все сплошь в щепки и обломки, огромного Корабля-Империи. И нет ни дома, ни земли, ни будущего, и только прошлое и только память.

Так прошло ее лето в Париже, и так прошла бы осень и зима, если бы не болезнь фрау Аннгрет. Подагра до того скрутила сильную и крепкую старуху, что та, не желавшая покидать свой немецкий остров в пестром океане девятого квартала, приняла решение на всю зиму отправиться в Ниццу, где доктор, обещал ей волшебное исцеление, лишь от одного морского воздуха. И как любой тяжелобольной человек, фрау Аннгрет была в таком отчаянии, когда нуждалась даже не в самом исцелении, а хотя бы в надежде на него.

Анна же, напротив, совсем не желала возвращаться в Ниццу. Ей нравился их замкнутый и недвижимый мир, где, казалось даже, воздух был дистиллирован, где ни лишний свет не проникал сквозь шторы, ни лишний звук не достигал ушей. Анна постепенно приняла повадки старой и умирающей старухе, и, забыв свой возраст и стерев свои желанья,

подлаживаясь под чужой ритм жизни, потеряла себя. И то смирение, которому ее учил отец, и чье учение закрепило и отточила жизнь до совершенства, срослись с ней так сильно и так тесно, что переросли в ту часть подчинения и покорности где «Я» навсегда замещается словом «Ничто».

Не желая ехать в Ниццу, но, не имея право голоса, она и здесь смиренно приняла решение умирающей фрау Анн-грет, как свое собственное и послушно отправилась вместе с ней на Лазурный берег, будто бы этот самый путь станет и для нее финалом жизни.

Процесс восстановления после крушения для Дэвида оказался тяжелее, чем он рассчитывал, он заново учился ходить, сидеть, стоять. Элен во всем ему помогала, была опорой и поддержкой и секретарем и помощником и ласковой любовницей и верным другом и закономерно они стали близки до той степени, что находится и дальше в статусе незамужней пары стало не возможным.

Он долго не решался на развод, не из страха осуждения, а просто, потому что не видел в этом смысла, и, будучи человеком разумным, а главное практичным, понимал, что те издержки, которые необходимо будет претерпеть при разводе, не стоили той выгоды, что давал ему статут мужчины холостого. Но теперь, после произошедшего, он решил скинуть с себя весь ненужный балласт, который все эти годы он тащил скорее по инерции, нежели из пользы дела. Он продал боль-

шую часть бизнеса, часть капитала перевел в банк. Он оставил ровно столько, сколько ему необходимо для того чтобы не испытывать финансовых затруднений, и не менять тот образ жизни к которому привык, но вместе с тем не слишком утруждать себя делами. Словом, он за полгода сделал то, что должен был сделать за несколько лет, но наверняка никогда бы не сделал, так и откладывая на потом, если б не случившееся.

Ему, конечно, не нравились изменения, произошедшие в нем, более того, после встречи с Энн и пережитого крушения, он чувствовал себя другим человеком, и как бы ни чужд ему был этот новый «Я», он принимал его, с какой-то смиренной обреченностью и учился заново жить в согласии с собой, потому что ясно понимал, что изменения те, произошли в нем безвозвратно.

Что касается его отношений с матерью Элен, Эстер, их нельзя было назвать плохими, однако же, можно было назвать напряженными. Он с трудом выносил эту властную и требовательную женщину, быть может потому, что отчасти узнавал в ней себя, и иногда ему казалось, что Элен просто поменяла вектор служения с матери на него, так как привыкшая находиться в положении «вечной услуги», она инстинктивно, искала того же в партнере, служить ему и окружать заботой, как она тому привыкла. Что ж, в любом положении приходится с чем-нибудь смиряться, а потому пришел и его черед смиряться с Эстер.

Все лето с Элен они провели в Париже, но устав от дел и суеты большого города, на зиму решено было отправиться в Ниццу. И также как и полгода назад, голубой поезд, теперь уже полный его соотечественников, преследуемых сыростью и холодом и убегających от промозглых ветров вересковых пустошей, мчался на райский берег, туда где с отвесной скалы осыпь красного порфирита падает в Лазурное море, чтоб песком и галькой, чрез время, прибоем, быть вновь возвращенным на скалы.

Он чувствовал себя как дома, и сильная и крепкая рука Элен на его колене, и спокойный и чопорный и строгий взгляд ее матери, и родная речь, все это, наконец, заставило его обрести равновесие, которое он так настойчиво искал.

Он снова тот, кем был. Или почти...

Элен настаивала на том, чтобы они сняли виллу, и, обычно, он был склонен с ней согласиться, но не в этом вопросе. Дэвид забронировал отель, назвав тысячу и одну причину, привел сотни довод о преимуществе проживания в отеле, а не на вилле: это и близость всевозможных развлечений, казино и ресторанов, и не желание садится за руль, и тот факт, что часть его знакомых, с которыми он любит проводить вечера будут в Ницце, но правда была в том, что он страшился той интимной душевной близости, что неизменно влекло бы проживание в замкнутом и уединенном пространстве виллы. Более того, он снял для них два роскошных пусть и сообща-

ющихся, но сохраняющих для него автономию номера, тем самым обозначая границы их будущего брака, мы вместе, но все же врозь и каждый по себе. И если бы он остановился и оглянулся в прошлое, то понял бы, что вновь, неотвратимо, претворяет в жизнь свой первый брак. Но все его естество до такой степени не желало изменений, что даже мысль о том, что он вновь останется один, не страшила его так, как мысль об утере свободы.

В ее глазах он видел возражение, но Элен смолчала. Она боялась, что в противном случае он и вовсе отменит поездку и даже помолвку, и хотя все в ней противилось проживанию в отели, словно они чужие люди, либо пара, которая в браке уже добрую сотню лет, все же ее унижительное положение старой девы, не давало ей право выбирать. Чем больше прожито лет, тем меньше недвижимых постулатов сохраняет человек и тем охотнее идет на компромиссы.

Они поселились в отеле Руль, он мог бы выбрать любой другой отель, но убеждая себя в его лучшем расположении, аккурат, у входа Английской набережной, на краю залива Ангелов, там, где рукой подать до казино де ля Жете Променад, в глубине души все же осознавал, что вернулся в этот отель не случайно, а все доводы разума, в действительности, не стоят и шиллинга. Он возвращался в этот отель как возвращаются люди в место крушения своих надежд или в место абсолютного счастья, что в итоге равно, чтобы заново пережить эмоции, как горя и ужаса, так и высшего наслаждения,

так как и те и другие чувства, в своей крайности, дают нам подлинные ощущения жизни, в рутине и водовороте однообразных событий, где каждый день лишь сон или полудрема.

В тот же день, в день прибытия, решено было ужинать в казино де ла Жете. Вечер был чудесный, и расположившись на веранде, утопающей в цветах и лентах, с видом на мерцающее в лучах уходящего ко сну солнца, море, Дэвид погружившись в свои мысли, обращаясь к Эллен, ясно и четко вдруг произнес: – «Какой феноменальный закат, Энн!», – и тут же сконфуженно замолчал.

Прозрачные, серо-голубые глаза Эллен устремились на него с осуждением и вместе с тем с любопытством.

– Позволь узнать, кто же эта Энн, если о ней ты думаешь в этот прекрасный вечер? – В ее голосе не было ни гнева, ни горечи, ни даже досады, однако та нарочитая отстраненность, с которой она произнесла этот вопрос, как раз и свидетельствовала о том, что все эти чувства стоят за холодной неуместностью ее отчужденности.

– Не думаешь же, ты, Эллен, что в свои почти пятьдесят, я достался тебе чист и невинен, – полушутя ответил Дэвид, с надменной улыбкой, давая ей понять, что говорить на эту тему не желает.

Но не в характере Эллен было смолчать, и если порой она не высказывала свое мнение по некоторым вопросам, то бывало это крайне редко, и то по причине, скорее дурного самочувствия, нежели было связано с ее нежеланием вступать

в дискуссии, потому как ей всегда было что сказать по любому вопросу. И потом, в этот приезд она итак слишком со многим смирилась молча, и гордость, уязвленная раздельным проживанием в отеле, требовала реванш.

– Верно, однако же, не думаю, что ты вспомнил дела давно минувших дней, когда ты был еще мальчишкой, скорее воспоминания эти совсем недавние, а потому еще свежи, – не унималась Элен.

– Разве ты действительно хочешь, чтобы я рассказал тебе о ней? – неожиданно прямо задал вопрос Дэвид и пристально посмотрел на Элен.

– Пффф, – фыркнула она, – боюсь, нам и вечера станет мало, если слушать обо всех, кто был у тебя в прошлом.

Но вопрос был не в этом, и Дэвид вполне конкретно спросил, хочет ли она услышать историю об Энн, не обо всех других, а об Энн, уж это прозорливая Элен не могла не понять. Впрочем, она так ответила по нескольким причинам: во-первых тем самым, она сравнила некую Энн, со всеми другими, что были до нее, давая понять, что соперница из прошлого, также незначительна, как и все те, кто были в его жизни до нее, а во-вторых, потому, что скрытый вызов в его голосе, дал понять Элен, что та самая Энн, как раз важнее всех других, и услышать о ней, в этот прекрасный вечер, словно из воздуха и брызг соленых моря воскресить давно умершую любовь. И пусть она сейчас покоится под толстым слоем пепла, но яви ее сейчас, в эту самую минуту, в бархатной, и ды-

шашей любовью нОчи, то никогда уже больше не избавиться им от этого призрака. И оба, понимая сей факт, больше этой темы не касались.

Поужинав, как обычно, они решили прогуляться по Английской набережной. Эллен нежно, но цепко взяла его под левую руку, так старый, но опытный рыбак гарпунит оглушенную рыбу, пока та еще не ушла под воду. Он с легкостью прочел этот жест, но нисколько не смутился, а скорее был польщен, и, улыбнувшись ей, правой рукой укрыл ее ладошку, напряженно лежащую на темном рукаве пиджака, и, успокаивающе, и вместе с тем снисходительно похлопал рукой по ней, словно говоря: «Я здесь. Я рядом. Нет смысла тянуть леску так резко и так сильно. Я твой и никуда не денусь.» И, посмотрев, куда-то вдаль, скользя по набережной незаметно взглядом, как день сменяет ночь, лицо укрыло редкую улыбку.

Вдоль тротуара, друг за другом стояли огромные пальмы. Их было так много, что лентой они уходили вдаль, так что, находясь в начальной точке Английского бульвара невозможно было их сосчитать, а взгляд лишь терялся где-то в пестрой дали. Он подумал о том, что за странное это дерево, пальма. Поставь несколько сосен, и они сплетутся своими извилистыми корнями, сцепятся колючими кронами и станет лес, посади дуб, рябину или осину, и своими листьями они устелют ковер, а мелкий кустарник, мхи, да лишайники выткут и вышьют узор на нем и будет роща, а поставь себя-

любивые пальмы, сколько б душе твоей не было угодно, вровень или лентой и каждая так и будет стоять одиноко, распустив веер пышных листьев, словно хвост самовлюбленного павлина.

Так и он, на этой самой набережной, в кругу не чужих людей, а своих соотечественников, под руку с любящей Элен, чувствовал себя, как та самая пальма, стоящая у входа в залив Ангелов, высокая и крепкая, но одинокая.

Назавтра Элен с матерью отправились по магазинам, а он поспешно одевшись, умывшись и побрившись, спустился выпить кофе и позавтракать. Он, конечно, пытался все сделать неспешно, стараясь не нарушать привычный ритм жизни, был собран и спокоен, где каждое движение отточено до автоматизма, и все же обрезался бритвой, чего с ним никогда не случалось, а значит, все же был взволнован.

А все потому, что еще вчера он получил известие от своего помощника, которому поручил вот уж три месяца назад одно важное дело, но только сейчас оно сдвинулось с места.

Спустившись в ресторан, Дэвид пытался делать все также как и день и два назад, а именно неспешно выпить кофе, открыть свежую еще пахнущую типографской краской газету, но вместо этого гремел чашкой, скользил по строкам, то вниз, то вверх, не разбирая ни слова и вид имел при этом, вопреки обыкновению, небрежный, неловкий и даже взъерошенный.

Он то и дело выстукивал пальцами нервную дробь, отче-

го за соседним столиком начали осуждающе оборачиваться, и, судя по недовольным лицам, уже готовы были либо пересесть, либо сделать ему замечание, либо вовсе уйти.

Устав сжимать в руках газету, не читая, а используя скорее как ширму, он, наконец, отложил ее на стол, и открыто, не мигающим взором устремился на дверь, будто гипнотизируя ее. И, кажется, это сработало. В дверях, наконец, появился помощник. Тот, увидев гневный вид своего начальника, со страхом посмотрел на часы, пытаясь понять, на сколько он опоздал, но убедившись, что пришел минута в минуту, судорожно начал перебирать другие причины, отчего тот в таком дурном расположении духа, и уже приготовившись выслушать и замечания и даже брань с удивлением обнаружил, как тот сразу же перешел к делу, не одарив его даже приветствием, словно позабыл все свои благородные манеры в одночасье:

– И что ты узнал? Нашел ее? Где она живет? В Париже? Живет ли она одна? Любовник? Есть любовник?

– П-п-ростите меня, пожалуйста, мне следовало уже в письме обозначить тему нашей встречи. Я обнаружил ее поверенного. Более того, оказалось он живет на широкую ногу, и вы были совершенно правы в своих подозрениях, живет он не на свои средства. Оказалось, он прибыл во Францию уже следующим кораблем, тут же снял роскошную квартиру, и живет, хочу я сказать, роскошной жизнью. Более того, он имел счет в Парижском банке задолго до своего приезда, боюсь, он об-

крадывал ее уже много лет. Что ж, наивность и беспечность дорого обходятся в жизни, – обронил он, но увидев гневный взгляд Дэвида, тут же пожалел о своих словах.

– А что с ней? Где она?

– Боюсь, тут мне нечего вам сообщить. Исчезла без следа. Не уверен, что нам получится ее найти хотя бы когда-нибудь, мигранты заполнили Париж, и это крайне затруднительно искать одну даму, когда их так много. Словом в отсутствии перспектив, следует ли мне продолжать поиски?

Дэвид твердо кивнул в знак согласия.

– А как поступить с ее помощником?

Дэвид ничего не ответил, и даже не облагодетельствовал его взглядом, затем встал из-за стола, словно потерял ко всему происходящему интерес, и, обронив, слова, словно салфетку на пол, отстраненно сказал:

– Придумайте, что сделать, но деньги все вернуть.

Выйдя из отеля, он, как и любой другой человек, чей день был безвозвратно потерян уже с утра, не имея намерения занять себя чем-то, и двигаясь без цели, пошел по самому простому, не требующему ни мысли, ни приложения усилий, пути, а именно, по прямой.

Дэвид не любил, когда на набережной слишком много людей, но сегодня, растворяясь в толпе, скрывая свои мысли и чувства, он и рад был затеряться в море человеческих улыбок и грусти.

Выходит зря сегодня ему снилась Энн. Во сне она была словно из чернил и снега, и, растворяясь строкой на листе бумаги, как образ памяти в книге прошлого, исчезла без следа. Верно, это знак, что книгу ту следует захлопнуть навсегда. А он то, думал – вещий сон. На самом деле, он и сам не знал, зачем поручил помощнику найти ее, не знал он, и что будет делать, если найдет. Нет, обратной дороги нет, она ушла, оставила его, и не в его натуре было навязывать себя тому, кто в нем ну нуждался. В конце концов, любовь возможна лишь тогда, когда она взаимна, а если не взаимна, то разве ж это любовь? Самоистязание, не иначе.

Просто, словно для успокоения души, с наличием которой, он уже смирился, ему необходимо было знать, что она там, быть может, на улице Мон Плеси, в доме 57, квартире 54, и от этого ему бы стало проще.

Почти дойдя до конца Английской набережной, он повернул обратно. Тишайший штиль, и море, словно слюда, лишь мерцает на солнце, такое спокойное, будто и не живое вовсе. Как вдруг из ниоткуда подул ветер, словно все это время он прятался под скамейками, и, дразнясь и играя, начал поднимать подола дамских платьев, распахивать пиджаки мужских костюмов и ворошить копны выгоревших на солнце волос.

Море заволновалась, вспенилось барашками, и брызги от самых смелых волн, что стягивают гальки с берега к себе на дно, как вор карманник, к себе в подол утягивает прохожих

сбереженья, ударили первыми каплями о мостовую.

Он взглянул на парапет, усыпанный людьми, словно воробьями и не поверил своим глазам.

Вцепившись в поручни, как если бы боялась саму себя, больше чем волн, и смотря куда-то вдаль, стояла она. Виновница его бывшего счастья и сегодняшней печали.

На самом деле, Анна смотрела не вдаль, а на вполне конкретный объект, на казино де ля Жете. В дымке поднимающихся в воздух брызг, он напоминал плавучий остров в тумане, он то тонул, то выпрыгивал вновь, то вновь погружался в облако морских капель и лишь острый трезубец сирены, вопреки легендам, не заманивал заблудший морских путников на мель, а указывал им путь, словно маяк, чтобы те не разбились о скалы.

Это был ее первый выходной за месяц. Измученная и опустошенная, она пришла на море, с робкой надеждой исцелить и восстановить то, что жизнь разрушала годами. Но разве ж морю это под силу?

Постояв у самого края берега, она немного прогулялась по набережной, и, найдя первую свободную скамейку, с облегчением присела отдохнуть.

Теперь-то она знала, что нет ничего опаснее попытки отблагодарить за милость. И если денежный долг, вернуть возможно, то как отдать долг не материальный? Как отплатить за добро, не попав в ловушку вечной благодарности, и обязательства не осязаемого и незримого, а потому неисчерпа-

емого. Стремясь поступками, помощью и служением выразить признательность Остеррайхам, она попала в капкан своей же доброты, что люди часто признают за слабость. Желая отплатить им за помощь и кровь, она того не ведая превратилась из помощницы в прислугу, причем самого неблагодарного ранга, когда выполняешь поручения сразу всех членов семьи, без отдыха и права на жалованье. Устройся она к ним на работу как подобает, а не из милости, она могла бы потребовать оплату за свой труд. Но как просить денег, когда тебя приютили, подобно сироте, пусть и великодушный, но строгий благодетель. И та кротость, и та податливость ее натуры, что делают ее притягательной для других, для нее же самой обернулось ловушкой. И не выбраться, и не спастись.

Что ж, некого винить кроме себя, подумала Анна, взгляды ваясь в линию горизонта, словно ждала спасенье. Без денег, без выхода и без надежды.

Как вдруг, чьи-то руки тяжело легли ей на плечи. Она испуганно вздрогнула и обернулась.

Ее самое горькое разочарование и трепетный восторг и тайной страсти упоение предстали перед ней. Не в образе бесплодного духа, о котором она украдкой грезила в своих мечтах, а в образе человека, из крови и плоти, при том едва ли достойного и сотой доли чувств, которые она к своему стыду к нему испытывала.

– Если ты так хотела скрыться от меня, то разве ж верным решением было вернуться в Ниццу? – саркастично, с жест-

кой улыбкой, неожиданно спросил он, и отстранился, словно устыдился своего жеста, когда коснулся ее.

– Здравствуй, Дэвид, – тихо прошептала она. Все мысли вылетели из ее головы. Она пыталась вспомнить, отчего покинула его, но не могла. Не было ни одного, сколько бы то ни было действенного и достаточно весомого аргумента, отчего она ушла в тот день. Анна отчаянно цеплялась, за то, что ей когда-то сказала о нем фрау Остеррайх, но теперь, спустя время, все сказанное о нем, ей казалось таким нелепым и глупым. Таким же нелепым и глупым, каким она сама себя чувствовала в эту минут, будто нагая перед ним.

– Мне стоило тогда, оставить тебе письмо, или дождаться тебя. Мне следовало все объяснить, – сбиваясь, начала оправдываться Анна.

Казалось он ее совсем не слушает. Ей даже показалось, что он готов развернуться и уйти. Какой же жалкой она чувствовала себя сейчас. В его глазах читалось презрение и безразличие.

Впрочем, она вновь ошибалась.

Он смотрел на нее и с любопытством и с любовью, с обидой и с жалостью, и все чувства сразу, вот только едва ли хотя бы одно из них, можно было достоверно прочесть на его лице.

За эти месяцы она изменилась. Он мог бы сказать, она выглядит дурно, и без того белые косточки, казалось, стали прозрачными, ее огромные темные глаза светились каким-то

лихорадочным блеском, блеском отчаяние и безысходности.

В миг, вся та злость, что он все эти месяцы испытывал к ней, за то, что она покинула его, куда-то испарилась. Он любил ее, а значит жалел.

– Пройдемся? – просто спросил он, и протянул ей руку, чтобы она могла о нее опереться.

Она не отвергла его, но как только он помог ей встать со скамьи, тотчас отстранилась.

Некоторое время они шли молча. Анна заметила, что шаг его стал тяжелее обычного. И Дэвид изменился за эти месяцы, чуть набрал вес, чуть обрюзг, и с тайной радостью она осознала, что выглядит он не важно, с тайной радостью только потому, что про себя она знала, что эти месяцы, дались ей так тяжело. Она исхудала, и то смятение и отчаяние, что царило в ее душе, измотало и словно обескровило ее, превратив лишь в былую тень той, кто она была раньше.

Она не чувствовала себя желанной и осознание своей непривлекательности сейчас, в эту самую минуту с ним, ввергало ее в такую тоску и печаль, что она и сама удивлялась ее силе. Хотя какое ей до него дело? Как бы то ни было, она сама оставила его, напомнила себе Анна. Но внутренний голос, знал, что и он своей отстраненностью, холодностью и закрытостью не дал ей выбора, а слова фрау Остеррайх, стали последней каплей, чтобы прийти к решению, которое она подсознательно приняла в самом начале романа. Уж лучше опередить его, чем ждать, когда он ее оставит, и чем раньше,

тем, будет легче. Вот только едва ли это было важно теперь, и хотя прошло не так много времени, но кажется, будто все случившееся между ними было пропасть назад.

Погруженная в свои мысли, Анна только сейчас начала понимать, что в его шаге и движениях что-то было не так. Ушла та легкость и гибкость, что так восхищала и пленяла ее, и подлаживаясь под его тяжелый шаг, она, наконец, осознала, что за время их расставания, нечто дурное произошло с ним, и он, словно опережая ее мысли, вдруг без обиняков произнес:

– Я еще не совсем восстановился после аварии. Как хрупок и слаб оказывается человек, лишь секунда нужна, чтоб сломать его, но даже жизни не хватит, чтобы вновь излечить.

– Авария?! – удивленно и испуганно вскрикнула Анна и прижала руки к груди.

Он остановился, и, нахмурившись, спросил:

– Разве ты не знала? Ведь все газеты трубили об этом. Поезд Калле – Ницца. Разве ж ты не читала газет? И потом, положим, ты оставила меня, но ты не могла не знать, что поездом я должен был вернуться. К тебе...

Анна судорожно начала вспоминать события тех дней, кажется, что-то такое писали, но она с точностью не могла бы сказать, что именно. Чувства и эмоции, отчаяние и одиночество, и хаос мыслей в те дни так захватили ее, что она словно оставила весь мир, и все что в нем происходило, погружившись в пучине лишь своих горестей и печалей, не ведая

и не слыша ни чужое горе, ни чужие беды. Погруженная в депрессию и жалость к себе, она отвергла этот мир, мир, который когда то отверг ее. Что ж, так устроен человек. И потом, кажется тот злополучный поезд, был в пятницу, а Дэвид должен был сесть на воскресный.

– Я не думала, я не знала, что твой поезд в четверг..., – стремясь оправдаться, а скорее оправдать себя в своих же глазах тихо произнесла Анна.

– Я решил вернуться раньше, – сухо произнес Дэвид. – «Спешил к тебе, так тосковал», – хотелось ему добавить, но он смолчал. Но все же, во взоре был упрек: «Я тебя так ждал».

Она посмотрела ему в глаза, и чувство вины, жгучее, почти невыносимое, захлестнуло Анну. Она запуталась, заплутала, в такой сложной и непонятной жизни. Казалось раньше, ее жизнь, была, что колея, так ясно и понятно, а сейчас, тысяча дорог, и которая их них верная не понять.

– Прости, – только и смогла вымолвить Анна. Но слово это будто пустое и полое, и совсем ничего не значащее, и все же оброненное, оттого, что нет других слов, способных передать сожаление и вину, и хоть и бесполезное, но все же так ко времени необходимое.

Он промолчал в ответ.

Так они дошли до конца набережной. В этой части, почти не было людей и мало зданий, лишь недостроенный и брошенный отель, стоял на возвышение. Чей-то несбывшийся

проект тщеславия, расцвета и последующего разорения, где роскошный фасад соседствовал с дешевой кладкой, словно кольца дерева, указывающие, какой год был богат, а какой – на грани разорения. Неподалеку пара прохожих, до странности угрюмых, на Лазурном берегу, где каждый должен быть, наверное, если не счастлив, то хотя бы беззаботен. Но так бывает.

Анна не глядя на Дэвида повернула к морю. Ей не хотелось, чтобы он видел, как одна потаенная слеза украдкой скользнула по ее щеке.

И будто агнец на закланье он пошел за ней.

– Почему же ты уехала, так ничего не объяснив! – не выдержав, воскликнул Дэвид. В одну секунду он неожиданно для самого себя потерял терпение. Терпение, которым дорожил и свою сдержанность, которую ценил и в себе и в других, и почитал за главную добродетелей, без оглядки позабыл. Сейчас он был тем, кого презирал, человеком эмоциональным, человеком чувствующим и потому неразумным. Всю свою долгую жизнь, стараясь отринуть эту часть себя, пряча ее где-то в глубине белоснежной и накрахмаленной рубахи, явил ее здесь и сейчас, как слабость, как погибель.

– Теперь уже и не знаю, – так и не взглянув на него, а глазами все еще ища у моря поддержки, произнесла Анна. – Мне казалось, – продолжила она, – что тогда, это было верным решением. Мне казалось, твои чувства несерьезны, лишь прихоть, и вопрос времени, когда ты оставишь меня. В твой отъ-

езд, этот конверт, как оскорбление, и потом... – запинаясь и не решаясь сказать, начала Анна: – я встретила фрау Остеррайх. Она мне поведала некоторые подробности.

– О чем же?! – гневно воскликнул он, уже предвидя сплетни и кривотолки злопыхателей о чем бы то ни было. Уж они найдут повод позлословить, даже если ты монах безгрешный, а уж он ни монахом, ни тем более безгрешным не был.

Тишина в ответ. Лишь снова долгий взгляд куда-то в море.

Дэвид с раздражением схватил ее чуть выше локтя и нетерпеливо повернул Анну к себе. Она беспомощно посмотрела на него своими глубокими почти черными глазами в этой хмурой мгле, надвигающегося шторма и тихо произнесла:

– Фрау Остеррайх сказала, что вы... бесчестный и... едва ли порядочный человек, а ваше состояние нажито путем... далеким от праведного, – последние слова она сказала еле слышно, так что он с трудом разобрал их, но когда их смысл, наконец, дошел до него, то Дэвид громко и открыто рассмеялся.

Он даже не злился на эту наивную глупость, им просто овладело раздражение на Энн. С трудом переведя дух, как если бы пробежал добрую милю, он уже спокойно спросил:

– А фрау Остеррайх при этом не уточнила, каким путем нажито ЕЕ состояние? Замечу, Остеррайхи далеко не бедные люди. И кто знает, учитывая немецкую бережливость и скупость, может в разы богаче меня. Разве ж ты не знала, что

состоянием они обзавелись во время войны? Вот уж подозрительно. Не так ли, Энн?

Анна ничего не ответила

– Не думал, Энн, что ты настолько наивна, вернее о твоей наивности я догадывался, но о глупости, не знал, – уже зло добавил он. – Да будет тебе известно, милая Энн, состояние только так и наживается и никак иначе. И я совершал бесчестные поступки, но лишь те, которые бы мне не мешали спать. Больше мне нечего сказать, – затем немного помолчав, раздраженно спросил: – И что же? Это все? – готовый услышать другие не менее смехотворные обвинения.

– Не совсем, – уклончиво продолжила Анна.

– Продолжай, – сухо предложил ей Дэвид, словно уже потерял к этому диалогу какой бы то ни было интерес.

– Будто это ты с месье Жикелем устроил пожар на их вилле, так как Жикель, был недоволен таким близким соседством и он, и ты..., – сбиваясь, произнесла Анна, – словом, ты помог ему в этом.

– Мммм, понятно, – отстраненно обронил он.

– Так это правда! – воскликнула она, прижав пальцы к губам. – Ты устроил пожар!

– Я не устраивал пожар, – спокойной ответил ей Дэвид, словно увещевая неразумное дитя. И все же в его словах, даже для Анны, слышна была ложь.

– И даже если не ты, а кто-то с другой подачи, с подачи месье Жикеля, или с твоей подачи, не важно, – раздумывая

вслух, произнесла Анна, – я вижу, по твоим глазам, ты знал, ты знал, но не помешал.

– Между «совершал» и «знал», большая разница, милая Энн, опасная разница. Например, у меня нет желания мешать драться паукам в банке. Но это не значит, что я стал бы драться вместе с ними. Пусть дерутся, если им так надо, не мой бой, и драка не моя. Достаточно того, что я никакого к этому отношения не имею. В жизни все не так просто, милая Энн, – уже мягче произнес он, – тебе все надо разделить на черное и белое. Я у тебя или добрый, или дурной, и ты слышать не хочешь, что бывает разное. И было бы простительно, если бы твой опыт был мал, но ты столько видела, и сейчас, я полагаю в рабстве у Остеррайхов, и все же, ничего не хочешь замечать. Он посмотрел на нее с сожалением, и все же в эту минуту, нежную и слабую, утонченную и женственную, заблудшую и запутавшуюся он любил ее так, как никогда и никого на свете, с каким-то горьким сожалением, будто для своей любви, выбрал неверный объект.

Все было сказано, все объяснено, но легче отчего-то не стало. Произнесся вслух, все, что казалось, разделяло их, они не только не стали ближе, но жизнь, будто разнесла их по разным берегам. И сейчас, находясь всего в полуметре друг от друга, оба понимали, что никто из них, не сделает шаг на встречу, и этот шаг, что не случился, стал пропастью меж ними.

Погода разъяснилась, еще минуту назад все в природе го-

ворило о надвигающемся шторме, и темные воды, и волны, сбивающиеся друг к другу, как птицы в стаю, и тяжелое свинцовое небо, дремлющее на крепких колонах пальм. И снова нет ничего. И ясно, и тихо, и умиротворенно, будто ничего и не было.

Неожиданно Дэвид, произнес: – Город не малый, но и не большой, непременно еще увидимся, Энн, а сейчас мне пора. – И чуть наклонив голову в знак прощания, поспешно ушел.

Анна посмотрела ему в след. Его крупная фигура больше не была гибкой и ловкой как у хищного зверя. Он двигался неуклюже и выглядел громоздко, а все его движения были скованны и медлительны. Видимо авария отразилась на нем гораздо сильнее, чем она могла предположить. Как она хотела бы кинуться ему в след, и поцелуями и нежностью и лаской излечить все раны. Но сейчас, когда он так зол на нее, и по правде сказать, по делу, она не решилась бы сделать первый шаг, потому как если бы сейчас, он оттолкнул и отверг, то это навсегда бы ее сломило.

Все, что казалось ей тогда очевидным и ясным, и ее скоропалительное решение, все теперь казалось ошибочным и ложным. Такая путаница и такой хаос в голове. Она болезненно схватилась за голову, и едва слышно застонала. Грудь сковали невидимые тиски, она не могла не вздохнуть, не выдохнуть, кинувшись к парапету. Анна глубокими глотками пила воздух моря, и капля, по капля приходила в себя.

Она мысленно возвращалась к разговору с фрау Остеррайх и к словам Дэвида. Кто из них искренен, а кто находится в плену лжи? Никогда ей не узнать правды, так что ей самой придется решить, что для себя признать за правду и с этим жить.

В действительности же он не был зол на нее, скорее раздражен, и сейчас, по пути в Руль, огромными размашистыми шагами он едва сдерживал раздражение, на нее и на себя, которое захватило и поглотило его с головой. Он решил взять паузу, дать им обоим остыть после тяжелого разговора, дать подумать себе, но прежде всего ей, дать ей свободу определиться. Как он мог, довериться ей, если она вновь, в случае дурного слова о нем, вот так, с легкостью, отвернется от него.

Больше всего в жизни он ценил равновесие, и сейчас, когда скоро ему стукнет пятьдесят, и жизнь его вновь казалось бы вошла в спокойное и тихое русло реки с Элен, такой заботливой Элен. Элен, он совсем забыл о ней. Как о ценном багаже, который с ним случилось год назад, оставить в поезде в Калле. Он понял отсутствие его ценности лишь тогда, когда потерял его, хотя до того момента, думал о том, что он крайне для него важен.

И остановившись возле отеля Негреско, когда-то роскошных апартаментов, где отдыхали только премьеры и коронованные особы, а сейчас, находившимся в унылом запустенье бывшего богатства, вслух произнес:

– Но пусть определится Энн, а я уже определился.

И решительно повернул к отелю Руть.

В этот вечер Дэвид и Элен вновь обедали в казино де ля Жете. Ожидая шторм, работники казино убрали все столы и стулья с террасы, и лишь уставшие цветы, которые в спешке, забыли, покачивались своими увядшими стеблями в такт легкого и спокойного ветра. А шторм так и не случился.

Ресторан был полон, и, находясь в огромном количестве людей, Дэвид немного расслабился. Быть наедине с Элен сегодня для него было мучительно тяжело и даже невыносимо. Так невыносимо находится у постели неизлечимо больного, осознавая, что его дни сочтены, когда он о том еще не знает. И она каким-то животным чутьем, хотя ни видом, ни словом не подав, что почувствовала перемены в нем, и глядя на него цепко и зорко, чуть склонив голову вправо, словно настороженная голубка, каждое свое слово взвешивала и обдумывала прежде чем его озвучить, потому как ясно и со всем ужасом понимала в тот момент, что скажи она сейчас нечто не к месту или невпопад, он может просто встать и уйти навсегда. Она знала, она чувствовала, ему нужен повод уйти.

О-о-о-о, небеса свидетели, она ему этот повод не даст. Она будет той, какой он желает, той, что без изъяна, и гибкой, и хитрой, и ловкой, и не отпустит его.

– Ты знаешь, мне наскучила Ницца. И потом, в этом сезоне публика не лучшая, столько сомнительных людей дурного происхождения, конечно, всему виной мигранты. Так что,

может, вернемся в Париж? Хотя и он полон мигрантов. Или обратно в Калле? Хотя в Калле едва ли есть занятия для нас. А может Италия? Да, Италия. Решено. Как тебе моя идея? – поспешно спросила Элен.

Что-то ей, какое-то женское чутье подсказывало, еще в полном мере не осознавая почему, что причина его сменившегося настроения кроется в Ницце. Конечно, не зная истинных истоков его охлаждения к ней, она винила во всем сам город, с его роскошью и доступными прекрасными женщинами, отправлявшимися на лазурное побережье вслед голубых поездов со всей Франции, как стайка мелких рыбешек за огромным синим китом в поисках крова и пищи. И зная свою слабую сторону, осознавая свою физическую непривлекательность, она уже не могла конкурировать своей заботой и опекой, с множеством фривольных красавиц побережья, как полчищем поденок, летящих над гладью воды. И видя, как он окреп, как он возвращает себе былую форму, она с горькой усмешкой осознавала, что их союз, сиделки и пациента медленно, но верно угасает. А потому Элен понимала, что ей следовало поспешить связать его узами брака, как морским узлом реи корабля, что ветер и время неотвратимо и неизбежно разводит врозь.

– То же что дозволено делать в Италии, можно делать и здесь. И потом, прибыл Гордон Кэмпбелл, мой давний друг, и если не сегодня, то завтра мы непременно встретимся и поужинаем. Нет, милая Элен, у меня определенно нет наме-

рения ехать в Италию. Мне хорошо и здесь. Ты же знаешь, я люблю Францию, – ничуть не смутившись, солгал он.

– Конечно, конечно, – поспешно согласилась Элен, – не бери в голову все, что я сказала, так, мысли вслух, – добавила, уже задумавшись, она, и решив, во что бы то ни стало, выяснить, что же теперь гнетет его и отчего он отстранен больше чем обычно, больше этой темы не касалась.

С их судьбоносной встречи прошло четыре дня. Анна знала, что он живет в отеле Руль, но так и не решалась увидеть его вновь, да и он не делал попыток увидаться. Она понимала, что должна сделать первый шаг, если хочет быть с ним, но не решалась. Не решалась не потому, что не была уверена, что хочет быть с ним, и не потому что, по-прежнему считала его дурным человеком, да и в его чувствах она не сомневалась. Теперь, она видела, что они взаимны, ведь разве может быть так зол человек на того, кто ему безразличен. Ведь чем сильнее обида, тем сильнее чувства.

Она сомневалась в себе, сомневалась, что в ней достаточно сил для того, чтобы быть с кем-то. Она была так истощена, и физически, и морально, и со всей ответственностью понимая, что в отношениях надо делиться чувствами, эмоциями и счастьем, не была уверена, в том, что ей есть, что ему дать. Опустошенная и обескровленная, она нуждалась в том, кто вернет ее к жизни, кто трепетно и терпеливо отогреет и успокоит ее сердце и душу. Но хватит ли его любви, чтобы

ждать, хватит ли его любви, чтобы быть терпеливым?

И решив рискнуть, несмотря ни на что, вверить ему свое сердце, она решительно отправилась в отель Руль.

Войдя в храм роскоши и достатка, она невольно съежилась в пламени блеска хрустальных люстр, осознавая, что не принадлежит к этому миру, и, пожалуй, никогда принадлежать к нему не будет. Администратор словно в подтверждении ее слов, окинув Анну взглядом знатока, который с первой минуты, может понять, что за сорт человека перед ним, высокомерно и надменно осведомился, что ей здесь нужно. Без капли любезности и подобострастия, коими еще минуту назад одарил, стоящую перед ней богато одетую даму.

– Простите за беспокойство. Мне нужен месье Маршалл. Мне назначена с ним встреча, – неуверенно произнесла Анна, и краска румянца залила ее бескровное от страха лицо.

– У вас? Встреча? – переспросил администратор с ухмылкой, – затем одернув сам себя, осознав, что, пожалуй, в своем высокомерии перестарался, и кто знает, кем эта дама придется Месье Маршаллу. Тем более, что женщина хоть и бедна, но бесспорно все еще красива, а красота недолго остается в бедности, уж это в жизни неизменно, уже любезнее, хотя все еще с нежеланием говорить, произнес:

– Подождите минуточку, я уточню. – И немного порывшись у себя в записях, сказал: – Вам повезло, Месье Маршалл, как раз у себя в номере, сейчас я доложу ему о вашем визите. – И уже собрался так и сделать, как посмотрев на

лестницу, расплылся в улыбке и торжественно произнес: – Но в этом нет необходимости, он уже спускается, – и через секунду, растягивая слова, от удовольствия, добавил: – с мисс-с-с Э-э-лен.

– Элен? – как если бы не расслышала имя, переспросила Анна, и вслед за администратором посмотрела на лестницу.

Перед ее взором предстала богатая, роскошно одетая, сияющая от достатка и сытости британская пара. Первую секунду она даже не узнала Дэвида. До того его образ стал частью всего этого богатства, как золото колонн отеля Руль, и бархатные королевские портьеры. И женщина, высокая, почти с него ростом, худощавая и крепкая, с гордой и высокомерной осанкой, прозрачными голубыми глазами, прекрасно одетая и ухоженная, и весь ее образ, образ самого достатка. Достатка не приобретенного, а достатка с рождения, когда все что есть, воспринимается не как манна небесная, а как нечто само собой разумеющееся, как будто в жизни, по другому и не бывает. А ее взгляд, такой спокойный, какой только возможно иметь у того, у кого все есть, когда не надо искать, карабкаться и выживать, и весь ее вид, и все в ней говорило: «Неужели же бывает иначе?».

– «Бывает», – горько подумала Анна, глядя на Дэвида и его спутницу. Горечь, обида, ревность, боль, все одновременно вскипело и загорелось внутри, как только горит хвост в засуху и зной.

Их взгляды встретились. На секунду она увидела в его гла-

зах страх, загнанного животного в капкан, или преступника, застигнутого прямо на месте преступления.

Дама, державшая его за руку, с легкостью перехватила ее взгляд, и словно давая ей понять, кто здесь хозяйка, прильнула к нему так близко и так тесно, словно шла не по гладкому мрамору, а по зыбким пескам, и отчаянно нуждалась в помощи спутника.

Он же окаменел не хуже тех статуй у входа, стоящий перед входом с застывшими и недвижимыми глазами. Его ноги словно вросли в землю, он перестал двигаться, и едва не запнулся. Но уже через секунду, его выдержка взяла верх, он чуть наклонил голову для приветствия, как если бы увидел старого знакомого, которого хотя и мечтал увидеть, но не здесь и не сейчас.

Анна горько усмехнулась этому запоздалому «Здравствуй», и в ту же секунду метнулась на выход, не желая и не в силах его больше видеть.

Бежать, как можно скорее, отсюда, уйти, исчезнуть, и никогда больше его не видеть! Ах, как глупа она была! Второй раз в одну и ту же ловушку! Верно, жизнь ее ничему не учит.

Он ждал, что Элен спросит, кто она, поинтересуется, откуда эта женщина ему знакома, но Элен не спросила. И это тревожило его даже больше, как если бы она закидала его вопросами или учинила скандал. Да, не так он хотел, чтобы все случилось. Сам себя переиграл. С другой стороны, что ему оставалось делать, оставить Элен в ту же секунду, как

увидел Энн, побежать за ней сломя голову, догнать, молить прощенья. Какая глупость и пошлость из бульварного романа. В жизни так не бывает, в жизни люди крайне тяжело расстаются с тем, что им принадлежат, с вещами и с людьми, при том, не важно, нужными ли или свое уже отслужившими.

Он, как и все, боялся остаться один. Вот так случилось, что раньше не боялся, а теперь страшился. Но в стремлении удержать двух женщин сразу, до того времени, пока точно будет не известно которая из них останется с ним навсегда, может так произойти, что лишился обоих.

Конечно, несмотря на малодушие и постыдность, его первым чувством было кинуться за Энн, догнать ее, все объяснить, сказать, что лишь ее он любит. Но разве можно вот так поступить с Элен. Так жестоко и публично отвергнуть ее чувства. Разве ж она заслужила это? И потом, он крайне не любил скандалов, тем более публичных, ему хотелось, разрешить все как можно тише, если не сказать деликатнее. Тем более, что он так был благодарен Элен, она помогла ему в тяжелое время, держала за руку, заботилась о нем, и пусть он не любил ее, однако же, нельзя сказать, чтобы он не испытывал к ней уж совсем никаких чувств. И потом, пусть он человек не самый благородный и не самый добродетельный, все же он много видел в жизни, знал не мало, и любовь Элен, ее самоотдача, ее служение ему, в жизни дорого стоило. Он не хотел вот так, пренебречь ею, пусть даже из любви к другой.

Четыре дня с той встречи прошли как в лихорадке. Она совсем не ела, и почти не спала, и казалось, была близка к помешательству. Душная и казарменная атмосфера Остеррайхов давила и угнетала Анну как никогда. И проснувшись рано утром, когда еще лишь занимался рассвет, и увидев где-то там, в кронах деревьев маленьких пичуг свободно скачущих и летающих с дерева на дерево, Анна, пренебрегая всеми обязанностями, что на нее возложили, и ничего никому не сказав, просто отправилась гулять по окрестностям в одиночестве.

Нет, она не пошла на Английский бульвар, она просто бродила по улицам и закоулкам, там, где туристы редкий гость, где жизнь идет своим чередом, где Ницца это не вечный праздник роскоши и достатка, а тяжелая грошовая работа. Все это время, ей казалось, что за ней кто-то следит, и то и дело, тревожно оглядывалась назад, но, не видя никого за собой, лишь ускоряла шаг. Вот опять это чувство, но кругом никого, лишь желтые раскосые глаза трёхшёрстной кошки, смотрят на нее и с любопытством и будто бы с укором.

Может час, а может больше бродила Анна по городу в поисках решений. Чувствуя себя словно в клетке, не в силах выбраться, она отчаянно искала выход, но не находила. Ни денег, ни возможностей, никто в этом чужом и враждебном мире, где каждый сам за себя. Впрочем, как и в любом другом месте, не хуже и не лучше других. Опустошенная

и уставшая, Анна осознала, что, как и прежде, ей придется примириться. Бунтуй, не соглашайся, все пустое, и мысленно опустив руки, она повернула к дому Остеррайхов, как вдруг, прямо сзади нее, громко стукнула дверь авто, и знакомый низкий голос тихо произнес:

– Долго же я тебя искал.

Анна резко обернулась. Он стоял, опершись о дверь автомобиля. Руки и ноги его были скрещены, но, несмотря на сдержанную позу, вид его был расслаблен и даже отрешен. Дэвид посмотрел на нее, но, не сделав и шага на встречу, продолжил:

– Думаю, нам стоит поговорить.

Куда исчезла ее робость и смирение, и вместо того, чтобы обрадоваться Дэвиду как манне небесной, Анна сверкнула на него своими острыми глазами и нарочито громко рассмеялась:

– А я то винила себя, что оставила тебя. Думала я во всем виновата! Лжец, а я наивна и слепа. Нам не о чем говорить, – отрезала она, и, повернувшись, направилась к дому Остеррайхов.

Где-то в глубине души она желала, чтобы он окликнул ее, остановил, обнял, и не отпустил, но она знала, даже если она всем сердцем желает простить его, даже если она желает быть с ним, если сейчас, она даст слабину, дрогнет перед его обаянием вновь слепо и покорно, то едва ли он будет уважать ее и ценить в будущем. Он мог бы с легкостью сломить

ее дух, она чувствовала в нем разрушительную силу его характера, его надменности и холодности, и поступи она лишь по зову сердца, минуя разум, растворись в нем, как она того желает, подчинись и подладься, и навсегда исчезнешь, как личность, как единица.

И желая порвать порочный круг жертвенного смирения и получить хотя бы раз в жизни либо все, либо ничего, в стремлении перестать довольствоваться малым, она гордо выпрямила спину, и быстрым, но спокойным шагом пошла прочь, поставив будущее на zero.

Секунда. Минута. Ее решимость с каждым шагом таяла, ноги отяжелели, удаляясь от него, Анна удалялась от мечты, ее накрыли сомнения и дух, ее сильный, но хрупкий уже было готов склониться, как вдруг, перехватив ее руку, он резко остановил ее и повернул к себе.

– А что ты желала? Чтобы после твоего ухода, я остался один и страдал? Это так по-русски, любить и желать страдать! – зло сказал он. Впрочем, не важно, что он говорил, он остановил ее, и он оправдывался. Теперь в ее власти было, простить его или отвергнуть. Она, конечно, простит, но ему об этом знать, пока не стоит.

– Ты просил определиться меня, думаю, для начала, ты должен определиться сам, – спокойно произнесла Анна, мягко освобождая руку из его ладоней.

Он вдруг засмеялся, открыто, звонко, и, притянув ее к себе, нежно, но твердо сказал:

– Ах, милая Энн, тебе лишь только кажется, я ничего не замечаю и не понимаю. Не пытайся перехитрить меня, тебе это никогда не удастся. Если бы я хотел читать между строк, но я не хочу. Так что не играй со мной, милая Энн. Не играй. – И выпустив ее из рук, уже спокойно произнес:

– Я хочу посмотреть одну виллу, в Теуль-сюр-мер. Не такую роскошную, как Вилла Святой Камиллы Жикелей. Но все же со своими преимуществами. Поедем со мной, Энн? – спросил он не глядя на Анну и, повернув к машине, открыл дверцу пассажирского сидения, как жест доброй воли. Дэвид посмотрел на нее пытливо, и рукой пригласив присоединиться, поставил ее перед выбором, следовать за ним или расстаться здесь и сейчас навсегда.

Секунду Анна колебалась, секунда на раздумье, и, шагнув решительно к нему навстречу, впервые сделала свой выбор.

И роскошный Бьюик унес их за горизонт, где горы цветы кармина смыкались с нежно-голубым небом, как раковина устрицы, скрывающей свою драгоценную жемчужину, на дне самого чистого море цвета лазурь.

Доехав до положенного места, автомобиль остановился у подъездной дорожки. Резные металлические ворота были закрыты на ключ.

Сначала вышел из машины Дэвид, он открыл дверь со стороны Анны и помог ей выйти. Она все еще толком не понимала куда и зачем они приехали, но покорно повиновалась каждому его решению. Но как далеко было это смирение от

того христианского смирения, которому она следовало всю жизнь. То было смирение по зову сердца, истинное желание следовать за мужчиной которого любишь.

Он попросил ее подождать, и она, скрестив руки за спиной, оперлась о дверцу автомобиля, внимательно наблюдая за каждым движением Дэвида. Как он спокойно и со знанием дела нашел припрятанный для него ключ, как лишь секунду потрудившись, над, казалось, безнадежно заржавевшим замком, легко его открыл, как играючи отворил недвижимую и тяжелую дверь и, улыбнувшись ей своей открытой, лучезарной и умиротворяющей улыбкой спросил:

– Поедем? Или оставим здесь авто и пройдемся пешком?

– Лучше пешком, – предложила Анна. Она все еще не знала, зачем они сюда приехали, и зачем он позвал ее. Только лишь посмотреть чужую виллу? Ей было любопытно, но не так чтоб слишком. Отчего-то для нее перестал существовать в эту минуту и день прошлый и день будущий. Она медленно и лениво шла по дорожке серпантинном уходящей вверх, под легким осенним ветром, где солнце так ласково и так спокойно.

Они шли в ногу, но почти в метре друг от друга. Ни он, ни она не сделали и шага на встречу друг другу, не оттого что не желали, а оттого что не спешили, ясно осознавая, что ни к чему торопить мгновения, когда все только впереди.

Вилла оказалась совсем небольшой, всего три спальни в один этаж. С обветшалых стен сыпалась штукатурка. Все ок-

на и двери были открыты настежь, по всей видимости, хозяйка отчаянно боролась с сыростью и плесенью и так долго там никто не жил и лишь одинокий ветер завывал в закоулках дома.

Одинокий дом, и на мили вокруг никого, затерянный и забытый. И только вид, вид, который не переделать и не изменить, и не построить с нуля, делал эту виллу жемчужиной Теуль-сюр-мер.

Место, где синие волны тревожно вздыхали в такт биения сердца, накатывая на скалистый берег, и не решившись взять вершину, вновь покорно скользили назад в океан.

Все арки и столбы виллы заросли олеандром, но в отсутствии дождей и полива, сейчас они больше походили на спутанный клубок ниток, опутавший дом, застывший во времени и пространстве.

Анна подошла ближе к единственной ветке, чудом выжившей в этих суровых условиях, и дотронулась до нежно-розового цветка.

– Это первая вилла в Теуль-сюр-мер, – начал Дэвид, медленно подходя к ней. – Когда то хозяин железный дороги случайно оказался в этих местах, и, влюбившись в скалы красного порфирита, уходящие в синюю даль, изменил замысел, и пустил поезд вдоль никем не известной деревни. И построил здесь дом, в надежде найти тишину и уединение.

– И что же? Нашел? – спросила Анна.

Дэвид ничего не ответил, но подойдя к ней ближе, так,

что, протяни руку и коснешься, произнес:

– Если бы ты так стояла под омелой, – и он указал рукой на единственную ветку, что отчаянно зацвела вопреки всему, – то я непременно поцеловал бы тебя.

– Жаль, это не омела, – лукаво ответила Анна и отступила на шаг назад.

– Всегда хотел купить дом, в котором бы я мог все сделать по своему, не так, чтобы все было уже устроено кем-то, принимаю чужой уклад, а так, как хотелось бы мне.

Анна уже поняла, что он купил эту виллу. Поняла она, что и взял он ее сюда не случайно, но слова, которые не были до сих пор произнесены вслух, даже если каждый о них думал, еще не существовали в пространстве. И как же это предвкушение было прекрасно. И ни он, ни она, не произносили их, словно последний миг, наслаждаясь друг другом, вот так, на расстоянии руки, прежде чем произнесут то, что свяжет их навсегда.

– Есть ли здесь спуск к морю? – неожиданно спросила Анна, вглядываясь вдаль.

– Нет смысла в доме, если нет рядом воды.

Анна подошла к перилам, осторожно взглянув вниз. Узкая лесенка вела к берегу, и где-то там, спрятанный в скромной зелени, узкий одинокий пляж.

Он подошел к ней, и сомкнул руки под грудью, так что она почувствовала его тяжелое дыхание на своем затылке, и, откликнувшись, Анна податливо прильнула к нему.

– Когда-нибудь я покажу тебе Шотландию, настоящие скалы, и холмы, где и море и горы, суровы и прекрасны, туда, где зелень – изумруд. Я бы опустил тебя на траву, как средневековую даму, и целовал бы так страстно и так жадно, как уставший путник приникает губами к ручью.

Она деликатно, но решительно высвободилась из его рук, и звонко засмеявшись, легко развернулась на носочках и метнулась по лестнице вниз, как бабочка порхает, так естественно и непринужденно, с ветки на ветку.

В тот миг он был самым счастливым человеком на свете, словно пьяный от любви и солнца и он теперь покорно, будто под уздцы, с обреченной радостью последовал за ней.

Конечно, это был не самый лучший пляж Теуль- сюр-мер, чуть крупнее галька, чуть круче склоны, но так интимно, что лучше не найти.

Дэвид снял с себя пиджак и постелил на гальку для Анны, а сам сел чуть поодаль, и скрестив ноги и опершись на руки, слегка откинув плечи назад, посмотрел далеко, как если бы пытался заглянуть за горизонт.

Анна, даже не взглянув на пиджак, постеленный для нее, присела совсем рядышком, и положив голову ему на колени, стала играть носком туфельки с камушком, то притягивая его к себе, то мыском отталкивая. Он будто замороженный следил за этой незатейливой игрой, следуя взглядом то за туфелькой, то за камушком.

Ему видны были лишь ее спутанные волосы на коленях и

очертания лица, и взгляд, устремленный вдаль.

Все еще не оборачиваясь к нему, и не меняя положение тела, она вдруг неожиданно заговорила:

– Тот корабль, на котором мы прибыли сюда, на третий день отбытия попал в шторм. Не знаю, что случилось с навигацией, но мы сбились с курса. И целых три дня, дрейфовали в открытом океане, не зная где мы, и куда плывем. Никто уже и не надеялся прибыть туда куда желал, и все молились лишь о том, чтобы приплыть куда-нибудь, где можно твердо стоять на ногах, – после этих слов она замолчала, будто собираясь с мыслями. И он не торопил ее, лишь чуть наклонившись вперед, положил руку ей на плечи, и своей узкой ладошкой она накрыла ее так нежно и почти невесомо. Немного помолчав так, словно наслаждаясь этой минутой близости, пусть только их ладони соприкасались, Анна продолжила рассказ:

– И я думала про себя, куда бы меня не принес ветер, на какой бы берег не выкинуло, я приму судьбу, какой бы она не была. И пусть на том берегу нет зелени, и пусть одни лишь камни и только ветер живет в них, я останусь в том месте, куда приведет меня судьба. И вот я здесь. И ветер и камни.

– Я так и знал, что ты вышла из пены морской, – сказал он, наклоняясь к ее лицу и целуя в губы.

Анна скользнула по его лицу рукой, и, ответив на его ласку, вновь отчего-то засмеялась.

Она думала в тот миг, что все сделала верно, и как тонкая веточка на ветру, начни с тем ветром бороться, то непременно-

но бы сломалась, а следуя по зову природы, не сопротивляясь ураганом, а принимаю путь жизнь покорно и смиренно, оказалось там, где и должна была быть, с тем с кем и суждено, и теперь может пустить здесь корни, и расцвести в свой срок.

И он видя ее счастье, не мог не заразиться им, и чувствуя причастность к этому, и сам чувствовал себя невероятно счастливым, держа в руках, самое прекрасное и неземное создание в руках. Никогда он не видел женщины прекраснее ее, потому что внешняя красота была в согласии с красотой внутренней.

Анна, прервав его мысли, вдруг неожиданно спросила:

– Дэвид, ты веришь в Бога?

– Оооо, милая Энн, боюсь, это будет твоим первым разочарованием во мне, а может и не первым. Но нет, большего самообмана на земле, чем коммунизм и религия, одно о равенстве людей на земле, другое о равенстве на небе, хотя и то, и это, лишь заблуждение, однако же, бесспорно, приятное для человеческого разума.

– Глупости, – полушутя полусерьезно возразила Анна, и села удобнее, внимательно посмотрев на него.

– Что же тогда свело нас здесь? – не унималась Анна.

– Жизни случай, – спокойно ответил Дэвид.

– И то, что мы так счастливы?

– Счастливый жизни случай, – нисколько не смутившись, уверенно ответил он.

– И пусть, – не стала спорить Анна, и словно, потеряв интерес к этой теме, вновь посмотрела вперед, словно стремясь как и он заглянуть за горизонт, где спряталось их будущее.

Неожиданно она нахмурилась, а на лице ее появилась печальная тень.

– Я бы никогда не покинула Россию, если бы все кто был мне дорог, родители... и..., – ее голос дрогнул, она запнулась и замолчала, но преодолев волнение все же продолжила: – были живы, и если бы их не забрала испанка, я бы никогда не оставила их. Но жизнь там превратилась в одно лишь сожаление, и так случилось, что я покинула свою землю, стремясь убежать... И потеряв так много, вопреки всему, я оказалась здесь так счастлива, что порой, мне так бывает грустно, будто я не имею право на счастье, когда все кого я знала..., – голос Анны сорвался и она замолчала.

Дэвид притянул ее к себе и поцеловал мягко в висок.

– Не стоит усложнять Энн, в жизни все и без того слишком сложно, и если счастье, то будь счастлив, а если горе, погожуй, но лишь недолго, не утопая в бедах и сожалениях, что было, то день вчерашний, будь счастлива сейчас, без сожаления, поверь. Ведь все так быстротечно и так недолговечно.

Она вздохнула, словно отпуская сожаления, и прильнула щекой к его плечу.

Он думал о том, как так случилось, что прожив такую сложную, полную бед и разочарований жизнь, когда люди ей принесли столько горестей, она сохранила несмотря ни

на что чистоту сердца, будто все события, лишь прошли вскользь, не очернив ее кристального сердца. Она все еще верит в людей, верит в доброе в них, и ее физическое совершенство оттого восхищает, что всего лишь продолжение совершенства ее души.

И вместе с тем, все же она полна житейской мудрости, порой она инфантильное наивное дитя, но порой, в уголках ее глаз сетка глубоких морщин, и он с ней, и рыцарь, и влюбленный мальчишка. И их сложные и такие противоречивые отношения так хрупки и вместе с тем так крепки, что почти вечны.

Он пропустил прядь ее темных волос как песок сквозь пальцы, скользнув по нежной кожи щеки, словно боялся нарушить ее покой, и видя как доверчиво и самозабвенно она прильнула к нему тихо вздохнул.

И волны глубоко вздыхали, в такт дыхания влюбленных.

Элен все поняла еще в холле отеля. Все встало на свои места, и его отрешенность, и их перекрестный взгляд, и его испуг, и пусть умелая, но все же игра после. Она была уверена, это и есть та Анна, о которой он невзначай упомянул в тот вечер в де ля Жете. Впрочем, она всегда чувствовала, будто их трое в паре, ее дух витал где-то рядом, в его мыслях и воспоминаниях, и только сейчас обрел свое физическое воплощение.

О, как соперница была красива! Из ревности Элен хоте-

ла бы найти в ней изъяны, и высмеять и обесценить, тогда ей стало бы легче. Но она их не нашла и от этого ей стало так горько и так обидно, из чувства обреченности и бессилия, потому как никто и никогда не выигрывал схватку с истинной красотой природы.

Все говорят, что красота не имеет значение, какая сладкая и все же ложь. Есть лебедь, и все за ним бегут, и зовут, и, затаив дыхание ловят каждый взмах крыла этого прекрасного божественного создания, а есть ворона, и каждый норовит крикнуть «Кыш», или ткнуть палкой, и уж тем более никто не остановится полюбоваться, как та скачет с ветки на ветку.

Так что теперь, увидев, как красива до того момента незримая соперница, Элен поняла, что проиграла. И злость и обида и ярость, все вскипело в ней от этой несправедливости. Именно она была с Дэвидом, когда он так нуждался в заботе, именно она исцелила и помогла ему в трудную минуту, именно она вложила столько сил и чувств и эмоций в эти отношения. А что сделала та? Лишь появилась.

Нет, она не смирится с этой потерей, не отдаст недостойной сопернице то, что по праву принадлежит ей.

Когда сегодня Дэвид сказал, что на весь день отправится по делам, она все поняла без слов. Он отправился к ней. Жгучая ревность, как пожар от стопки сухого хвороста полыхнула внутри. Все же Элен не подала вида, она мило улыбнулась, и отпустив его без лишних расспросов, взяла машину, и отправилась тотчас вслед за ним.

Она держалась вдали, как если бы всю жизнь занималась этим, настолько искусно и ловко, впрочем, стой она перед его носом, пожалуй, и тогда он не заметил бы ее, так сильно он был увлечен своей дамой сердца.

Вот Дэвид подъехал к дому, где, по всей видимости, жила Анна. Догадка оказалась верна. Вот она вышла, вот они сели в авто и понеслись по затейливому серпантину в Теуль-сюрмер, не смотря по сторонам и не оглядываясь назад.

Элен не знала, куда они едут, предполагая, что у их поездки нет точного маршрута. Может они пожелают остановиться в прибрежном отеле, чтобы предаться любви, а может цель лишь насладиться красотой природы, попутно, наслаждаясь обществом друг друга. Но ей не нужны были догадки, она хотела доподлинно выяснить, куда они отправятся и где остановятся. Элен и сама не могла бы сказать, зачем ей это надо, все итак было ясно, и исход был также ясен, как то, что они вместе. Тот факт, что он еще не сказал ей, что между ними все кончено, было лишь вопросом времени. Она чувствовала это, и чувствовала уже давно, может уже тогда, когда сидя в ресторане, он по ошибке назвал ее Энн. Тот день был крахом любви, которую она испытывала к нему всем своим истосковавшимся и одиноким сердцем.

Они остановились напротив въезда на виллу. Дэвид галантно помог выйти из автомобиля своей возлюбленной, затем неловко и суетливо открыл ворота. Ах, как он смотрел на нее в тот миг, как изголодавшийся бездомный пес, ловя ее

взгляд как милостыню. А ее скромный взор из-под длинных густых черных ресниц. Лишь ложь и притворство охотницы за деньгами. О-о-о-о, как же она ненавидела ее в тот момент. Нет сильнее ненависти на свете, чем та, которую женщина испытывает к своей сопернице. Пожалуй, и враги на войне, по разные стороны баррикад ненавидят друг друга меньше, чем женщина ненавидит другую женщину, когда та посягает на ее счастье и будущее.

И вилла! Как она просила, как она умоляла его снять виллу для них! Как ей хотелось остаться с ним наедине, в их романтическом, уединенном гнездышке. А он, он придумал сто один предлог, почему в отеле будет лучше. Что ж, мужчина требует свободы, лишь тогда, когда не любит, когда же любит, он и не свободе рад. Лжец и обманщик! Но больше всего она ненавидела ее, ведь мужчина, что дитя неразумное, а значит, каждый может его на свою сторону переманить. Стало быть, только она и есть причина ее бед. И не появись она, они с Дэвидом были бы счастливы, и пусть не сейчас, но со временем, он бы полюбил ее, она бы стала ему нужной, заполнив все его сознание и быт, до той степени необходимости, когда бы он уже не мог обходиться без нее, и, поняв свою несостоятельность, привязался бы так сильно и так крепко, что и жизни без нее не смог бы представить.

– Что ж, наслаждайтесь друг другом! – крикнула про себя Элен. – Ведь это будет так недолго, – и с визгом колес унеслась обратно в Ниццу.

Вечером они должны были поужинать вместе, но Элен уже знала, о чем будет разговор, и что он хочет сказать ей, а потому, была готова. Она, во что бы то ни стало, решила избежать этой тяжелой беседы, отсрочить, а дальше она уже придумала, что предпринять...

Вот только, Дэвид, по всей видимости, был не намерен затягивать решение этого вопроса. А потому, как только он вошел в комнату Элен, причем без стука, что почти не случилось с ним, тут же с порога заявил:

– Нам стоит поужинать чуть раньше. Я буду ждать тебя в фойе.

– Что-нибудь случилось? – невинно спросила Элен, сидя за дамским столиком и монотонно расчесывая волосы, как если бы это было занятия первой степени важности. Она повернула голову чуть вправо, и посмотрела на Дэвида в отражении зеркала, словно оно могло стать надежной преградой, не позволяющий прочесть ни его, ни ее чувств во взгляде. И все же, она могла видеть его так живо и так четко, чтобы уловить каждую его эмоцию, и замешательство и нерешительность, такие редкие и оттого такие живые чувства на его мужественном и суровом лице. Как она любила и ненавидела его в тот миг, глядя из полуприкрытых век, как он переминается с ноги на ногу, как вертится и кружится, пытаюсь устроить все деликатнейшим образом, уйти к любовницу, оставшись добрым другом с ней. Наивный негодяй, разве

ж так бывает?

– Нет, все хорошо, Элен, просто нам надо кое-что обсудить, – уклончиво ответил он.

– Я дурно себя чувствую. Неужели это не может подождать до завтра? – и с этими словами она оперлась на руки и двумя ладони взялась за голову. Она все еще не повернулась к нему, но, даже наклонив голову вниз, Элен все еще могла краем глаза видеть его растерянное и глуповатое выражение лица в холодном отражении мерцающего в вечернем желтом свете зеркала.

– Может, конечно, но лучше... – замялся Дэвид, но подумав, что о таких вещах и впрямь лучше не говорить вечером, а утру по силам рассеять и осветить даже самую мрачную новость, решил, что так будет даже лучше, и облегченно вздохнув, что отложил этот тяжелый разговор, хотя бы на несколько часов, поспешил согласиться: – Пожалуй, ты права, оставайся в постели, я распорядюсь, чтобы ужин подали тебе в номер, а сам спущусь в ресторане отеля. Нет настроения идти одному в де ля Жете.

– «Как же, нет настроения идти одному, где же твоя бедная сиротка, что ты пригрел!», – возмутилась про себя Элен. Но не подав и вида, лишь повернулась к нему лицом и изобразив крайнее недомогание, еле слышно прошептала:

– Ты так мил, и так заботлив, подойди же ко мне, – и она призывно протянула к нему руки.

Секунду Дэвид замешкался, но не найдя ни одного аргу-

мента почему он не должен этого сделать, подошел к ней, и поцеловал ее любовно, но все же по-отцовски в висок. Ее кожа была влажная и горячей, будто лихорадка только начиналась, а ее глаза, так яростно горели безумным глянцевым блеском, что он и впрямь напугался, не заболела ли она серьезно.

Элен увидела в его глазах сочувствие и жалость, и, не желая, чтобы он прочел в ее глазах другое, нежели то, что лежало на поверхности, она притянула его руку к себе, и с жаром поцеловала тыльную сторону ладони, прильнув к ней горячей щекой.

Он был натянут и скован, и она чувствовала, и ей казалось, будто они прощались навсегда в тот миг, будто ее уловка, дала лишь короткую отсрочку, передышку, перед тем, что неизбежно надвигалось на них двоих.

Они все еще были связаны прошлым, и теми тяжелыми моментами, что пережили вместе. Но это связь была крепка не более чем плотный и густой туман, что стоит так вязко и так прочно, но тает так быстро, что как бы не хватал его руками, он рассыпается и исчезает, разливаясь в воздухе прозрачным стеклом, будто и не было ничего. И скоро, они вновь станут чужими, словно и не знали друг друга и не сплетались их руки и губы в темной и жаркой ночи. И спустя годы, повстречав ее в Париже или Ницце, на том самом бульваре, где он нежно держал ее руку в своей, он пройдет мимо, так далеко, как если б меж ними был обрыв длинной

в вечность, а не пядь брусчатки, и может чуть наклонит голову приветствуя, а, может, сделает вид, будто не узнал ее, и лишь минуту после, тайно, будто ненароком, обернется в след, прощаясь с прошлым навсегда.

И эта мысль, была такой нестерпимой и горькой, что отчаяние захлестнуло ее и помутило рассудок.

Нет! Она не допустит этого!

В ту ночь он плохо и тревожно спал. Казалось, причин для беспокойства не было, все разрешалось самым лучшим образом, по крайней мере, так он себя уверял, и все же, сердце было не на месте. Как заведенный часовой механизм, он каждый час просыпался, шел к окну, смотрел на луну, на темные воды моря, которые ветер медленно раскачивал, с каждой минутой, набирая силу.

Еще на вилле они с Энн решили, что завтра на утро она сразу же соберет вещи и уйдет от Остеррайхов. Он снял для нее номер в том самом отеле Негреско, да и сам должен был перебраться туда, как только поговорит с Элен.

Разговор с Элен, будь он проклят. Все пошло не по плану. Он испытывал вину перед ней, так или иначе, с его стороны это было предательством. Он использовал ее, когда было нужно, а теперь избавляется, оставляет, как только нашел, того кого любит по настоящему.

Да, в жизни так бывает. И вчера когда он видел ее, как она была не здорова, он просто не решился нанести ей послед-

ний и сокрушительный удар. Он знал, что для нее он был последним шансом на любовь и счастье. Знал он и как любит она его, как одержима им, и понимал ее как никто и никогда, потому как сам находился в плену тех же иррациональных чувств, вот только, увы, к другой.

Все-таки, следовало еще вчера поговорить с ней. Тот факт, что они до сих пор связаны отношениями, тревожил и тяготил его, и сон не шел.

Наконец рассвело, робкие и бледные проблески зари сквозь черноту ночи и непогоды.

Дэвид бросил тщетные попытки заснуть, и последние часы утра просто ждал сидя на кровати. Как только стрелка часов пробила 8, минута в минуту, уже одетый и умытый, он сорвался с постели, чтобы направиться к Элен для разговора.

Как вдруг в дверь постучали.

Он обернулся, на секунду ему даже показалось, что и не было никакого стука, словно это его сердце, сделав последний удар, рухнуло куда-то в пустоту, и он тревожно поежился от дурного предчувствия.

Еще раз постучали. Значит, не почудилось.

– Войдите! – чуть громче необходимого крикнул он, так как нервы его были напряжены до предела.

Тишина.

– Войдите!! – еще раз крикнул он. Казалось, он услышал чей-то слабый голос. И в два шага, преодолев расстояние рывком, открыл дверь.

На пороге стояла мать Элен. В ее глазах стояли слезы и ужас. Он сразу понял, что что-то стряслось.

– Элен? Что с Элен!?! – тревожно крикнул он.

Она тяжело всхлипнула и замотала головой в знак отрицания.

Он нетерпеливо предложил ей войти, и, дождавшись пока она сядет и возьмет себя в руки, чтобы продолжить рассказ начал расхаживать из стороны в сторону.

Наконец не выдержав, он, человек, который всегда держал себя в руках, подошел к ней и тряхнул ее хорошенько за плечи и разъяренно выкрикнул:

– Да говорите же уже, черт побери, что случилось!

Только тогда Эстер пришла в себя и скомкано и неразборчиво, отчего ему постоянно приходилась напрягать свой слух и почти не дышать, боясь, что любой посторонний звук собьет ее, начала свой рассказ:

– Элен вчера пришла ко мне в таком расстройстве чувств, в таком отчаянии и смятении. Я пыталась ее утешить, но казалось все пустое, она меня не слушала, но конечно вы! Как вы могли так поступить! С моей нежной, такой доверчивой и преданной Элен! – воскликнула Эстер и гневно посмотрела на Дэвида.

– Да о чем вы?! – нетерпеливо выкрикнул Дэвид, все еще не понимая в полной мере что происходит, хотя догадки начали посещать его затуманенную дурными предчувствиями голову.

– И если что-то произойдет! – в отчаянии выдохнула Эстер.

– Да, что, в конечном счете, должно произойти?! И Что случилось! Эстер, если вы не изложите мне все по порядку я не смогу вам помочь, потому как из ваших слов понять что либо, просто невозможно!

– Элен узнала о вас с этой женщиной, но она вас так любит, так любит, она столько сил положила, чтобы выходить вас, помочь, и вы так поступили с ней! И теперь ей пришла мысль, сотворить та... – и она оборвала предложение на полуслове, громко зарыдав, сотрясаясь всем телом в конвульсиях, как случается с убитой горем женщиной.

Дэвид, наконец, все начал понимать. Он вспомнил лихорадочный блеск в почти прозрачных глазах Элен, ее странное поведение и брошенные не к месту фразы, и как отчаянно она сжимала его руку в своей, касаясь пальцев горячими губами, будто жар лихорадки овладел всем ее телом. Теперь все стало на свои места, то была горечь и обреченность и тоска перед неминуемым расставанием. Она узнала о его связи с Энн, и, по всей видимости, поняла, что он намерен оставить ее и тот разговор меж ними должен был стать последним. «Неужели она что-то с собой сделала», – мелькнула быстрая и колючая как жало иголки мысль. Дэвид похолодел и даже пальцы, казалось, онемели от ужаса.

– Я думала, я надеялась, она оставила эту мысль. И ее намерения, всего лишь бред вечерний, а с утра она придет в се-

бя, и все поймет, и все забудет, ведь она такая разумная девочка. Но сегодня когда я проснулась и пришла к ней, ее уже не было! А значит, она не отказалась от этой мысли! Неужели она это сделала! Что же теперь будет! – ломая руку, воскликнула Эстер.

– Она покончила с собой? – едва слышно, тихо спросил Дэвид, произнеся, как ему казалось то, что не посмела сказать Эстер.

– Нет! Что вы?! Как можно! – возмущенно выкрикнула Эстер. – Она решила избавиться от вашей любовницы! Не знаю как, но ей пришла эта мысль, и казалось, она завладела всем ее разумом, будто она обезумела от горя. Вы должны остановить ее, ради нее самой! Что с ней тогда будет. С моей девочкой!

Казалось, Дэвид и сам в этот миг обезумел от ужаса, новость оказавшееся ужасней той, что витала в воздухе, поразила его словно мечом. Он не мог дышать и говорить, и даже двигаться, но какая-то сила, внутренняя сила, сильнее которой нет на свете ничего, заставила его сдвинуться с места и кинуться на поиски Энн, одним лишь шагом, будто броском, преодолев расстояние до двери.

– Ах! Только бы не было слишком поздно! – выдохнула Эстер, устало опустившись в кресло, вдруг внезапно обессилив.

Лишь только занялась заря, Анна, спавшая за ночь не

больше часа, собрала то небольшое, что принадлежало ей в доме Остеррайхов, и спустилась в холл. Она уже не единожды пожалела, что осталась здесь ночевать, но разговор вчера затянулся, и, не решаясь отправиться в темноту ночи в неизвестность будущего, Анна осталась у Остеррайхов до утра. Впрочем, зря. Пожалуй, и под открытым небом ей было бы легче и спокойней, чем здесь. То осуждение, что она увидела в их глазах, больно ранило ее, и хотя она опустила большую часть подробностей, попутно сочинив историю о некоем старом друге, что благодетельствовал ее, и которого она встретила невзначай на Английском бульваре, что, кстати, было недалеко от истины, едва ли ее уверений было достаточно, чтобы остаться в их глазах той, которую они знали раньше. Словом, рассказ тот был неладен и нескладен, а потому, насквозь фальшив. И фрау Остеррайх, будучи проницательной женщиной, впрочем, как и любая другая женщина, чей возраст был за пятьдесят, не могла не почувствовать это. Но сказать правду Анна не решилась, да и говорить ее было ни к чему.

Ее глаза больше не были застланы пеленой идеализма, и она видела Остеррайхов такими, какие они есть. Нет, они не были дурными людьми, но все же они были людьми. И Дэвида, Дэвида она тоже видела таким, какой он есть, напрасно ему казалось, будто она не понимает и не чувствует его. Она видела в нем все: и хорошее, и дурное, и дурного в нем было не мало, теперь-то она осознавала это со всей ясностью. И

все же она любила его, за его силу, и смелость, за независимость характера и способность идти наперекор общественному мнению, брать ответственность за себя и за свои поступки, за мужественность и ясность рассудка, за твердость и рациональность, которых, ей так не доставало.

И выйдя из дома Остеррайхов такой свободной и вольной, словно все путы, что связывали ее целую вечность рассыпались в одночасье, Анна испытала такую легкость и счастье, какой не чувствовала никогда, а если и чувствовала, то разве что в глубоком детстве, так что будто и не чувствовала вообще. Ах, если бы у нее были крылья, она бы непременно воспарила. И ни надвигающийся шторм, ни тревожный ветер, попавший по ошибке в ловушки старых улиц и окон домов, не мог бы омрачить ее радость, а значит сбить ее с пути.

Как вдруг, краешком глаза она увидела автомобиль, медленно, но верно,двигающийся прямо в ее сторону.

Первой ее мыслью было, что она стоит не в том месте и мешает движению, и потому Анна шагнула в сторону, уступая дорогу автомобилю. Улочка была хотя и узкой, но все же не настолько узкой, чтобы и автомобиль и человек не могли бы с легкостью разойтись. Но вот странность. И автомобиль вслед за ней поменял траекторию движения, и вновь начал двигаться в ее сторону, так что расстояние между ними стало сокращаться от секунды к секунде.

Тревога колыхнулась в сердце Анны. – Может водитель отвлекся и не видит ее? – подумала она, и уже руководству-

ьясь скорее страхом, нежели разумом начала двигаться прочь от машины, не разбирая дороги, лишь бы оказаться как можно дальше от нее.

Но расстояние между ними не только ни увеличилось, а, наоборот, с каждым шагом, с каждой секундой, автомобиль неотвратно приближался к ней. Стало ясно, ошибки в том нет, и машина целенаправленно преследует ее, и чем быстрее она убегает, тем быстрее она нагоняет ее.

Казалось, эта гонка преследования длилась вечно, тогда как в действительности, все происходящее заняло не больше минуты.

Страх, паника, ужас охватил Анну. Ей чудилось, будто она кричит, хотя на самом деле губы были плотно сомкнуты, и за все это время не было произнесено и звука. Сердце билось в панике не меньше двухсот ударов в минуту, дыхание сбилось, ей мерещилось, будто сейчас она потеряет сознание. Еще секунду и автомобиль раздавит ее. Анна резко остановилась и безвольно опустила руки, закрыв глаза, не имея больше сил бороться и принимая гибель, как неминуемое и неизбежное.

Как вдруг автомобиль с резким визгом тормозов остановился, а его капот едва коснулся ее безвольной руки.

Она открыла глаза и невидящим взором посмотрела на нависающую над ней железную погибель.

Анна не могла произнести ни слова, ужас и шок пережитого, гонка на выживание, свели судорогой ее тело и губы. С

трудом дыша, но, все же стремясь обуздать и успокоить мчащееся галопом сердца, она лишь дрожала, не в силах сдвинуться с места.

Не было ни мыслей, ни идей, что только что случилось, и не дожидаясь пока Анна придет в себя, автомобиль резко сдал назад и сделав ловкий маневр на узкой улице, унесся прочь. Так что Анна лишь успела увидеть женский профиль, да прядь золотисто-льняных волос в узком зеркальце заднего вида.

Дэвид мчался, не разбирая дороги, он обезумел от страха и горя, он потерял рассудок и возможность мыслить трезво. То и дело в его воображении возникало бездыханное тело Энн, ее мертвенная бледность и восковая кожа, и волосы, рассыпавшиеся по мостовой. Он не знал где ее искать и где сейчас Элен, он даже не знал, что конкретно хотела предпринять Элен. Похитить Энн? Застрелить ее? Но ведь у нее не было оружия! Мысли одна ужасней другой, словно в адской карусели разума сменяли друг друга без устали по кругу. И мечась из стороны в сторону, он вдруг почувствовал такую свою ничтожность и жалкость перед неотвратимостью неизбежным, вопреки своей уверенности в себе, что едва не зарыдал. Сколько же открытий принес ему этот год. Выходит человек совсем ничто, если он не может повлиять и на сотую того, что происходит без его воли и желания.

Но все же, он не готов был сдаться, отчаянно пытаюсь по-

мешать, как ему казалось, предначертанному и даже уже случившемуся.

В доме Остеррайхов, куда он отправился первым делом, ее не оказалось. И куда теперь податься? Где ее искать?

Он бегал по улицам и закоулкам, без цели и смысла, словно она была утерянной ценностью, случайно выпавшей из кармана. Ни следа, ни весточки, ни знака. Словно ее и не было никогда. Исчезла, будто бы и не случалась в его жизни.

В отчаянии, казалось, он уже готов был сдаться, и, вверяя себя ветру, он пошел туда, куда тот направлял его, а именно на Английский бульвар. Сам не зная как, петляя между улиц и проулков, он вышел к заливу Ангелов.

Небо заволокло тяжелыми серыми тучами, и ветер качал волну, раз за разом набирая силу, чтобы, наконец, превратиться в обещанный шторм.

Там, среди десятка бесстрашных прохожих, кто не боится ни ветра, ни дождя, ведомые любопытством и жадной острой осязаний, стоявших так близко к парапету, что капли воды как искры от огня, долетали до их голов, он увидел ее.

Он узнал бы ее из сотен других, и будь здесь миллионы, неотличимых друг от друга людей, он узнал бы ее, будь его глаза закрыты, и внутренний голос, сквозь тьму и преграды, как свет и тепло, как вечный магнит указали бы ему дорогу.

– Обернись! – прозвучало куда-то в пустоту, и он, шагая широким длинным шагом, сметая расстояния в секунды, приблизился к ней.

И она обернулась. И выпустив чемодан из слабых женских рук, она кинулась к нему на встречу.

Как если бы он был прозрачным тонким светом сквозь вечность темноты.

И ветер трепал их волосы и платья, а волны осыпали головы каплями воды, как осыпают конфетти только что обвенчанных влюбленных.

И были они счастливы свой срок, и затерялись их следы в истории навечно.